Мидсаммер
№53

Северный ветер

В номере:

Скрытый народ
Лютый Зверь
Резные камни Готланда
Альвы и ветты
Прядь о горном жителе
Об этимологии слова «Эдда»

Северный ветер №53

Мидсаммер 2026

Главный редактор:
Маша Юлина (Ранхильд),
дом Веретено Фригг
(Минск — Сан-Франциско)

Редакторы:
Алина Петрова (Сигрид),
годорд Иггдрасиль
(Киев — Краков)
Алексей Глазачев (Андвари),
(Москва)
Анастасия Зимова
(Москва-Стурвик)

Верстка:
Анна Пермина

Корректор:
Esgal

Дизайн номера:
Анна и Вадим Пермины

Обложка:
Художник —
© Алина Петрова (Сигрид)
Дизайн — Алина Петрова (Сигрид)

Редакция выражает благодарность за помощь при подготовке журнала:
Ф.Б. Успенскому, Илье Губанову, Анне Блейз, О.А. Маркеловой, Esgal, Дмитрию Даммеру, Тимофею Ермолаеву, Виталию Гришину, Маргарите и Евгену Папакуль, Гедеону Янг, Алексею Гондареву.

Наши контакты:
http://vk.com/friggerock
Веретено Фригг
http://vk.com/nordanvindr
открытая группа журнала

Содержание

Новости 6

Люди, с которыми нам по пути
Интервью с Ольгой Маркеловой (Берен) 15

Исследования
Лютый зверь 21
Ф.Б. УСПЕНСКИЙ
Об историчности описаний древнескандинавского священного пира в сагах 38
Илья Борисович ГУБАНОВ
Тысяча лет по соседству с альвами: от Старшей Эдды до наших дней 46
Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)
Новая версия этимологии слова «Эдда» 62
Маргарита и Евген ПАПАКУЛЬ

Переводы
Альвы и ветты: как они себя ведут и как вести себя с ними 64
Перевод: Анна БЛЕЙЗ
Прядь о горном жителе (Bergbúa þáttr) 68
Перевод: Анна БЛЕЙЗ
Новый взгляд на резные камни Готланда 72
Зигмунд ЭЭРЛЬ, Перевод Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)
Дорога в Хель 84
Хильда Родерик ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН. Перевод: ESGAL

Музыка ветра
Amon Amarth. Рейд на Berac. Live, 2026 90
Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

Волшебные исландские сказки 93
«Волшебный (Эльфийский) холм» (Elverhøj) 100
Г.Х. АНДЕРСЕН. Перевод: Анны и Петра ГАНЗЕН

Видеообзор
Ярослав. Тысячу лет назад, 2010 104
Виталий ГРИШИН
Боги викингов и их религия в кино и сериалах 107
Гедеон ЯНГ

Традиционная кухня
Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов 115
Даниел СЕРРА, Ханна ТУНБЕРГ
Перевод: Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

Книжная полка
Скрытый народ: что читают об альвах в самой Исландии 118
Ольга МАРКЕЛОВА
Обзор книги «Кто есть кто и что есть что в скандинавской мифологии» 124
Гедеон ЯНГ

Творчество
Сказки про альвов 126
Ольга МАРКЕЛОВА
Сватовство Фрейра 131
Алексей ГОНДАРЕВ

Арт *Алина ПЕТРОВА (СИГРИД)* 139

Здравствуйте, соседи людские!

Мы, признаться, не очень любим, когда о нас пишут. Слишком много шума, а правды, наоборот, с хвост селедки. А у нас и без того забот хватает: овец пасти, зерно молоть в каменных ямках, танцевать ночами, а каждое январское новолуние так вообще горячая пора — на зимние квартиры переезжаем. Но раз уж в редакции вашего бумажного ветра решили посвятить нам целый номер, что ж, придётся ответить. Это вежливо.

Хотим по этому случаю вам сказать одну вещь. Не про нас. Про вас.

Вы — самые странные соседи, каких только можно себе вообразить. А мы, уж поверьте, в странных соседях толк знаем и с троллями не одну сотню лет одни горы делим. Вы же — строите дорогу в обход нашего камня и не помните, почему она кривая. Оставляете нам кашу — и смеётесь над теми, кто в это верит. Рубите рябину у двери — и удивляетесь, что счастья в доме поубавилось. Пишете про нас книги, снимаете движущиеся картинки — и тут же говорите, что нас, в общем-то, и нет.

Знаете что, соседи людские? Ничего страшного.

Мы нужны вам, даже если вы в нас не верите. Потому что мы — та часть мира, что как соль в каше: не видно её, а уберёшь — и никто есть не станет. Мы были здесь с рассвета времен и старше большинства из того, о чём и о ком вы пишете в этом журнале. Мы видели, как вы высаживались с лодок, как строили длинные дома, как хоронили в курганах своих умерших. Мы помним вашу музыку. И нынешнюю помним тоже. Не всегда, конечно, но, бывает, у вас неплохо получается. Иногда мы даже пританцовываем.

Так что ладно, пишите про нас, будьте любезны. Снимайте ваши картинки. Посвящайте сказки. Только не говорите так, будто мы что-то очень древнее и ушедшее. Мы — всегдашнее.

А ныне у вас Мидсаммер. Слышали мы, общее наше с вами солнце вы в песнях зовёте «светилом альвов» — приятно нам, что помните. Стало быть, выходите за порог. Если у костра глазу покажется какое-то движение — не пугайтесь и не зовите. Это просто мы тоже к огню вышли. Огонь у вас, соседи людские, красивый получается. Мы любим смотреть.

С тем и остаёмся,
ваши тихие соседи.

(текст передан в редакцию «Северного ветра» обычным способом — утром на подоконнике)

Северный Ветер в Facebook: *https://www.facebook.com/groups/nordanvindr*
Северный Ветер в Instagram: *https://www.instagram.com/nordanvindr/*
Северный Ветер в Telegram: *https://t.me/nordanvindr*

Картотека всех материалов:

Новости

Мастера наскальной живописи скандинавского Бронзового века и их роль в обществе

Источник:

Автор: Dario RADLEY
Перевод: Дмитрий ДАММЕР

Защищенная в университете Гетеборга докторская диссертация посвящена общественной роли наскальной живописи скандинавского Бронзового века в Бохуслене (Швеция), и она помогает познакомиться со стоящими за этим искусством мастерами. Исследователи изучали эти изображения в течение более чем двух столетий, однако личности и функции их творцов во многом оставались неизвестными. Диссертация Джулиана Мойано ди Карло призвана заполнить данный пробел, сосредоточившись на авторах этих изображений и их влиянии на общество Бронзового века.

Петроглифы из Хэльеста, Вестманланд, Швеция. Коллаж.
Лицензия CC BY-SA 3.0.

Он предполагает, что небольшая группа мастеров-резчиков контролировала создание произведений наскальной живописи, надзирая как над техническими навыками, так и над ритуальным знанием. Эти резчики также руководили передачей знания будущим поколениям. Согласно его исследованиям, изображения представляют собой не просто выражение культурных или религиозных идей, но они также являются инструментами общественного и политического влияния в рамках сообществ.

Исследование анализирует различия в формах, размещении и связи наскальных изображений между собой, объединяя социальную теорию, кросс-культурные сравнения, точную 3D-документацию и статистический анализ. Полученные результаты свидетельствуют о том, что развитие наскальной живописи в Бохуслене было постепенным процессом, в основном благодаря опоре на консервативные традиции, поддерживаемые ограниченным числом мастеров. Резчики определяли как выбор мотивов, так и размещение изображений, предпочитая места рядом с водоемами и подходящими с геологической точки зрения скальными породами.

Мойано ди Карло формулирует две основные цели подобных мест. Рассеянные на местности малые панели, скорее всего, использовались во время ритуалов, связанных с постройкой корабля и спуском его на воду. Более крупные панели, напротив, скорее всего, вырезали на собраниях, связанных с мореплаванием. Эти встречи могли способствовать мобильности, обмену знаниями среди резчиков и формированию последовательного регионального стиля наскальной живописи.

Наскальные изображения в Тануме, изображающие трёх мужчин, участвующих в ритуале.

Автор исследования полагает, что навыки резьбы передавались от опытного учителя к менее опытному ученику. Эта система подчеркивает как элитистскую природу наскальной живописи, так и консервативное сохранение традиционных практик. Находки указывают на резчиков как на активных участников общественно-политических структур Бронзового века, формирующих ритуальные и общественные иерархии.

Диссертация Мойано ди Карло «Masters of Water and Stone — Exploring the Social Role of Rock Art Carvers in Nordic Bronze Age Societies» подчеркивает важность наскальной живописи как ключевого инструмента понимания общественной динамики в древности. Демонстрируя роль резчиков в качестве одновременно ритуальных специалистов и политических акторов, исследование обеспечивает детальную основу для будущего изучения общественного и культурного значения наскальной живописи Бронзового века.

Новости

Редкое золотое украшение для 1500-летнего меча было найдено туристом в Норвегии во время утренней прогулки

Источник:

Автор: *Dario RADLEY*
Перевод: *Дмитрий ДАММЕР*

Обычная прогулка в юго-западной Норвегии привела к находке уникального золотого артефакта, принадлежащего элитному воину, жившему полторы тысячи лет назад. Предмет был найден в округе Эустротт (коммуна Саннес) рядом с холмом Риарен, известном своими важными археологическими находками.

Сначала интерес местного жителя вызвало дерево, поваленное бурей за несколько лет до этого. Ткнув палкой в поднятый корнями пласт земли, он заметил там что-то сверкающее. То, что на первый взгляд выглядело как небольшая блестящая безделушка, оказалось в высшей степени необычным золотым украшением ножен меча.

Позднее археологи опознали в находке золотое украшение ножен норвежского меча эпохи Великого переселения народов. Длина украшения — около шести сантиметров, весит оно 33 грамма и украшено искусной филигранью из трех отделанных бусинами золотых нитей. В нем также прослеживаются змеиные мотивы, что в целом характерно для скандинавского искусства начала шестого века.

Исследователи считают, что в далеком прошлом эта деталь украшала ножны церемониального меча знатного воина или местного вождя, и оценивают находку как поистине уникальную. Ранее в Северной Европе было зафиксировано всего 17 образцов подобных украшений, и это оказалось первым из найденных в Ругаланне.

В отличие от других подобных украшений, почти не демонстрирующих следов употребления, этой находкой, очевидно, активно пользовались. Археологи считают этот факт свидетельством того, что меч использовали не только в демонстративных или ритуальных целях, а постоянно носили с собой как оружие и видимый символ власти.

Владевший данным оружием человек, вероятно, был членом местной элиты, сосредоточенной в находящемся рядом Хове, важном политическим и экономическим центре периода Великого переселения народов. В ходе ранее проводившихся в этой области раскопок была найдена большая ферма и множество золотых предметов, указывающих на наличие здесь богатых и влиятельных семей.

Стоит сказать, что в шестом веке Южная Норвегия столкнулась с серьезными трудностями. Извержения вулканов стали причиной

резкого похолодания, которое уничтожило посевы и внесло свой вклад в разразившийся среди местного населения голод. Примерно в то же время в отдельных регионах Европы вспыхнула чума. Археологи считают, что эти наложившиеся друг на друга кризисы могли повлиять на ритуальное поведение жителей региона.

Ученые предполагают, что находка была не утеряна, а специально уложена в скальную расщелину. Они считают, что ее спрятали в качестве жертвы богам. Ценное оружие и украшения иногда специально «освящали» таким образом, закапывая их в землю или пряча подальше, чтобы обрести защиту богов в неспокойные времена.

Местность вокруг Риарена в прошлом уже дарила исследователям множество необычных находок. В ближайшем болоте находили отделанные золотом серебряные гривны, а также необычайно крупный римский бронзовый котел, изготовленный в прибрежных областях Рейна около 300 г. н. э. Все эти находки указывают на то, что данная местность в течение многих веков обладала важным ритуальным значением.

Археологи также обратили внимание на высокие художественные качества новой находки. На первый взгляд отделка кажется состоящей из изогнутых линий, однако при более близком рассмотрении становятся заметны обращенные друг к другу лики животных. Некоторые исследователи полагают, что эти образы могут сочетать в себе черты животных и человека, мотив, в целом характерный для скандинавского искусства эпохи Великого Переселения народов.

Сейчас найденное украшение изучают специалисты археологического музея университета Ставангера. После завершения исследований находка будет выставлена в музее.

Найденное украшение становится очередным элементом все более масштабного комплекса археологических свидетельств в пользу существования в Хове регионального центра силы в период между 200 и 550 г. н. э. То, что начиналось как обычная прогулка, обеспечило исследователей уникальным предметом, связанным с властью элиты, ритуальными практиками и общественной жизнью наиболее трудного периода в истории Скандинавии.

Новости

3150 серебряных монет! В Норвегии нашли крупнейший клад за всю историю эпохи викингов

Источник:

Автор: Dario Radley
Перевод: Мария Юлина (Ранхильд)

Ошеломительную находку сделали норвежские археологи на поле близ поселка Рена: в процессе раскопок было найдено более 3150 серебряных монет. Это самый большой клад эпохи викингов, который когда-либо находили в Норвегии. Впрочем, раскопки ещё продолжаются, и археологи рассчитывают, что монет будет ещё больше.

Серебряные монеты из клада — студийная съёмка после передачи в Музей истории культуры в Осло.
Фото: Флоран Оди (Florent Audy), Музей истории культуры / совет округа Иннландет

Всё началось 10 апреля. Двое исследователей-любителей Руне Сетре (Rune Sætre) и Вегард Сёрлие (Vegard Sørlie) обследовали с металлоискателями пашню на ферме Мёрстад (Mørstad), расположенную в долине Эстердален (Østerdalen), наткнулись на 19 серебряных монет и сразу же позвонили местным археологам. Благодаря этому специалисты успели оцепить участок, а иначе оставшиеся монеты быстро бы разошлись по карманам «черных» копателей.

Монета из Мёрстадского клада: голова короля в профиль и надпись с именем — EDELRED.
Фото: Май-Тувe Смисет (May-Tove Smiseth), совет округа Иннландет

Поначалу казалось, что клад невелик. Но когда за дело взялись специалисты, к концу первого дня монет было уже 70. Дальше находки шли непрерывным потоком: сначала счёт перевалил за пятьсот, потом за тысячу, потом за три.

Клад уже получил имя — Мёрстадский (Mørstad Hoard). Специалисты отдела нумизматики Музея истории культуры в Осло относят находки к периоду с конца X века до 1040-х годов. Судя по самым поздним монетам, кто-то спрятал клад около 1050 года, на самом закате эпохи викингов.

Большая часть монет отчеканена в Англии и в немецких землях, часть — в Дании и Норвегии. Среди них есть монеты времён Кнута Великого, Этельреда II, Оттона III и Харальда Хардрады.

Особый интерес у исследователей вызвали именно норвежские монеты. Харальд Хардрада правил Норвегией с 1046 по 1066 год и около 1045-го, вернувшись из Византии, практически сразу начал чеканить собственную монету. До его реформы в норвежской торговле ходило в основном чужое серебро. Часть норвежских монет в кладе выглядит совсем новыми, как будто сразу после чеканки. Это и навело археологов на мысль, что клад относится к самым первым годам новой денежной системы.

Обломок серебряной броши — так называемое «рубленое серебро» из Мёрстадского клада. У викингов важен был вес металла, и таким кусочком серебра вполне можно было расплатиться. *Фото: Вегард Сёрлие*

Так что значение находки не только в её размерах. Монеты красноречиво свидетельствуют о том, как Норвегия в XI веке торговала со всей Европой. Экономики эпохи викингов были настолько тесно связаны, что английское и немецкое серебро тогда расходилось по всей Скандинавии.

Монеты прекрасно сохранились. Археологи объясняют это почвой: камней в ней почти нет, и серебро уцелело. На многих монетах и сегодня, спустя без малого тысячу лет, отчётливо видны рисунок и надписи.

Скорее всего, серебро лежало в кожаном мешочке или каком-то другом свёртке, который со временем истлел. А плуг, год за годом проходя по полю, разнёс монеты по всей пашне.

Раньше с металлоискателем сюда никто не заходил. Археологи также прошлись по участку и георадаром: искали следы построек, могил, чего-нибудь рядом. Пока ничего не нашли.

Похоже, монеты просто спрятали. Закопали и не вернулись. Викинги нередко так делали: в смутные времена серебро и прочие ценности доверяли земле.

О находке решили объявить не сразу, сперва вывезли и сохранили основную часть монет. Сейчас место охраняется норвежским законом о культурном наследии, посторонних туда не пускают.

Археологи говорят прямо: для норвежской археологии это событие из ряда вон. А металлоискатели на поле продолжают пищать, а значит, окончательного счёта монетам пока нет.

Новости

Находка древнего корабельного погребения в Норвегии переписывает раннюю историю эпохи викингов

Источник:

Автор: Dario Radley
Перевод: Мария Юлина (Ранхильд)

Археологи, работавшие на норвежском острове Лека (Leka), обнаружили одно из самых ранних корабельных захоронений Скандинавии, отодвинув наше представление об исторических рамках этой погребальной традиции примерно на столетие назад. Находка связана с раскопками большого кургана Херлаугсхауген (Herlaugshaugen), издавна связанного с преданиями о местном конунге.

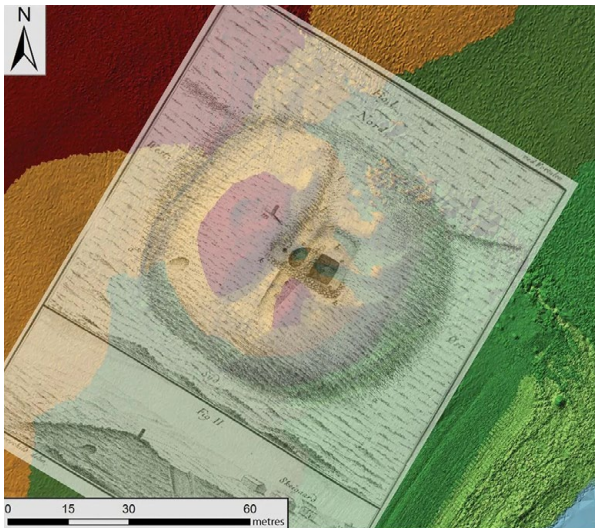

Херлаугсхауген (в центре переднего плана).
Фото: Ханне Брюн (Hanne Bryn), Музей Норвежского университета естественных и технических наук (NTNU University Museum) / Grønnesby et al., Antiquity (2026); CC BY-ND 4.0

Курган, заметно возвышающийся над окружающим ландшафтом, на протяжении многих поколений привлекал к себе внимание исследователей. Подобные большие курганы встречаются по всей Северной Европе, но лишь в некоторых из них находят корабли. Раскопки памятников такого масштаба сопряжены с большими затратами и риском повреждения находок, поэтому исследовательская группа избрала точечный подход. Для начала на отдельных ключевых участках провели небольшие разведочные раскопы, а грунт заранее обследовали металлоискателями.

Такой метод дал свои плоды и привел к важнейшей находке. Археологи нашли 29 железных заклёпок, которыми некогда скрепляли доски деревянного корабля. Даже после того как дерево истлевает, заклёпки, как правило, остаются на месте. Сохранившиеся на некоторых из них фрагменты древесины позволили провести радиоуглеродный анализ. Результаты ошеломляют и указывают на погребение около 700 г. н. э., относя корабль к концу VII — началу VIII века.

Прежние представления связывали расцвет монументальных корабельных погребений в Скандинавии скорее с 800 г. н. э., то есть с началом эпохи викингов. Знаменитые памятники, такие как захоронение Саттон-Ху (Sutton Hoo) в Англии, датируются началом VII века, и многие учёные полагали, что

Карта Соммершильда (Sommerschild) 1780 г., наложенная на данные лазерного сканирования LiDAR.

Иллюстрация: Арне Андерсон Стамнес (Arne Anderson Stamnes), Музей NTNU / Grønnesby et al., Antiquity (2026); CC BY-ND 4.0

эта традиция распространилась на север позднее. Находка на Леке ставит подобную датировку под сомнение и показывает, что схожие традиции сложились в Скандинавии раньше, чем считалось.

Данное открытие также проливает свет на быт и общественное устройство людей позднего железного века. Возведение кургана таких размеров требовало значительных трудовых ресурсов, грамотного планирования и хорошей материальной базы. Подобные проекты свидетельствуют о сильной власти и чётко выраженной социальной иерархии. Все указывает на то, что уже к 700 году корабельное погребение служило знаком высокого положения, а значит, власть в этом обществе опиралась на господство над морем задолго до начала эпохи викингов.

Раскопки 2023 года принесли не только заклёпки, но также клинкерные гвозди и фрагменты дерева, подтверждающие наличие в кургане крупного морского судна. Эти находки показывают, что Лека входила в широкую сеть приморских связей VII–VIII веков. Жители острова, по всей видимости, участвовали в межрегиональном обмене (торговле, путешествиях и сообщении между общинами) задолго до того, как эпоха викингов достигла своего расцвета.

Сегодня Херлаугсхауген предстаёт перед исследователями не только как легендарное место погребения. Курган открывает редкую возможность заглянуть в более ранний этап скандинавского общества, когда дальние морские путешествия, социальная стратификация и региональные сети уже начали свое формирование.

Новости

На севере Дании обнаружен один из крупнейших золотых кладов эпохи викингов

Источник:

Автор: *Dario Radley*
Перевод: *Мария Юлина (Ранхильд)*

Случайная находка на севере Дании обернулась одним из крупнейших золотых кладов эпохи викингов в стране. Недалеко от местечка Ролд в Химмерланде (Rold, Himmerland) нашли целых шесть массивных золотых браслетов. Находка получила название «Сокровище Ролда» и стала третьим по величине золотым кладом эпохи викингов в истории Дании.

Всё началось 22 апреля, когда местный житель принёс в археологический отдел Музеев Северной Ютландии два тяжёлых золотых браслета. Он заметил их в лесу недалеко от просёлочной дороги: браслеты частично торчали из земли. Работники музея сразу опознали в них золотые браслеты эпохи викингов и поняли, что речь идёт о редкой и крайне ценной находке.

Вскоре на месте начались полевые работы. Археологи тщательно обследовали окрестности с металлоискателями. И неподалёку от места первой находки они обнаружили третий золотой браслет. Ещё три нашлись метрах в пятнадцати. Так общее число дошло до шести.

Все шесть браслетов сохранились целыми и были сделаны из чистого золота. Вместе клад весит 762,5 грамма. Лишь две золотые находки эпохи викингов в Дании оказывались крупнее: браслет из Тиссё (Tissø), найденный на западе Зеландии в 1977 году, и клад Фестед (Fæsted Hoard), обнаруженный близ Рибе в 2016 году.

Предметы датируются поздней эпохой викингов, примерно 900–1000 годами нашей эры. В это время Дания постепенно объединялась под властью единой монархии. Именно тогда Харальд Синезубый укреплял королевскую власть и около 965 года увековечил свои деяния на знаменитом Йеллингском камне.

Золотые браслеты такого типа известны по находкам в Скандинавии, но большинство похожих изделий сделаны из серебра, а не из золота. В эпоху викингов золото было привилегией знати, и потому до нас оно обычно доходит куда реже серебра.

Среди браслетов есть и витые, и гладкие — здесь можно увидеть разные приёмы тонкой работы по металлу. Три браслета сделаны из двух свитых вместе золотых прутков. Один украшен инкрустацией из тонкой золотой проволоки и застёжкой в виде шарика. Остальные изготовлены из цельных прутков

или проволоки, а их концы плотно обмотаны, образуя так называемые «скользящие узлы». Один браслет выделяется среди прочих: его расплющенные соединённые концы украшены зигзагами и треугольными узорами.

Особенно важно для археологов то, что все шесть браслетов нашлись целыми. Серебряные изделия эпохи викингов часто разрубали на мелкие фрагменты и использовали как платёжное средство в торговле. На этих же золотых браслетах нет ни малейших следов того, что их когда-либо делили на части, значит, в товарно-денежных расчётах они не участвовали.

Исследователи полагают, что браслеты, скорее всего, служили знаками высокого положения, богатства и политических связей. В обществе эпохи викингов золотые украшения нередко имели значение, выходящее за рамки их материальной ценности. Такие вещи могли указывать на ранг или близость к могущественным предводителям.

Поскольку клад был зарыт нетронутым, археологи считают, что его закопали намеренно. Возможно, владелец спрятал сокровище в смутное время, а может, закопал в землю как часть обряда. Точная причина остаётся неизвестной.

Место находки публично не раскрывается. Оно находится на частной земле, закрытой для посторонних, и сам нашедший, и владелец участка пожелали остаться неизвестными.

По датским законам находки признаны Danefæ, то есть национальным культурным достоянием, и переходят в собственность государства. Браслеты изучат, опишут, а затем передадут в Национальный музей Дании.

В музее надеются, что «Сокровище Ролда» покажут в Ольборгском историческом музее ещё до начала летнего сезона. Так посетители смогут увидеть одну из самых значимых золотых находок эпохи викингов в Дании совсем рядом с тем местом, где клад больше тысячи лет пролежал в земле.

Памяти Ольги Александровны Смирницкой

***19 марта 2026 года на 88 году ушла из жизни Ольга Александровна Смирницкая** — лингвист, германист, доктор филологических наук, заслуженный профессор, более полувека преподававшая на кафедре германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ. Ольга Александровна прежде всего запомнилась своим читателям как переводчик «Младшей Эдды», древнеисландских саг и поэзии скальдов.*

«Поэзия скальдов благодаря своему особому языку всегда считалась абсолютно непереводимой на современные языки. В изданиях родовых и королевских саг, например в «Круге Земном», сотни строф скальдической поэзии обычно заменялись подстрочным переводом, который ничего не дает, потому что там очень длинные кеннинги, состоящие из шести-семи элементов. И все совершенно непонятно — какая-то формальная абракадабра, которая только затемняет смысл отдельных стихов. Но с течением времени мне стало казаться, что все-таки надо попытаться найти ключ к этим стихам. И я нашла его сравнительно быстро, такой вспышкой. Подбираемые мной для перевода русские синонимы стали сами образовывать в моем воображении некоторые орнаментальные построения, связались друг с другом по своему звучанию и так далее. Я была этим заворожена. Я ездила по Кольцевой линии метро с подстрочником, ручкой и дощечкой, писала разные варианты перевода, и что-то стало складываться. Потому что дома меня отвлекали — по телефону звонили, надо было думать о том, как обед приготовить, и так далее. А на метро я ездила отрешенная от всего и переводила в охотку».

Из интервью Ольги Александровны Смирницкой проекту Arzamas. academy

Труды Ольги Александровны по сравнительно-исторической грамматике германских языков, исторической поэтике и стиховедению (прежде всего ее монография «Стих и язык древнегерманской поэзии» (1994), удостоенная Ломоносовской премии), стали основополагающими для отечественной германистики и открыли русскому читателю мир древнескандинавской словесности. За заслуги перед исландской культурой Ольга Александровна была награждена орденом Сокола (Исландия, 2002).

«Первый раз я оказалась в Исландии в самом начале 90-х годов. Там обо мне знали как о переводчике древнеисландской литературы и просто пригласили погостить, познакомиться с Исландией ...

...Однажды я гуляла недалеко от своего дома. Я дошла до кладбища, посмотрела на некоторые могилы, повернулась и пошла назад. И вдруг я вижу, что прямо передо мной возникло море — совершенно осязаемое: волны вздымаются, корабль плывет, чувствуется, что может разыграться буря. Но я знала, что такого не может быть: эта улица через сто метров кончается, а сразу за ней пруд. И я, в каком-то трепете ощущая, что оказалась в ином мире, позвонила наугад в дверь первого дома по правой стороне улицы. Мне открыл хозяин, и я ему рассказала, что случилось. Он сказал: «Посмотрите в окно». Я посмотрела в окно и вижу, что все-таки там видно море. Я говорю: «Но здесь не может быть никакого моря». «Ну, у нас всё случается», — сказал он. Уже в Москве мой муж, человек с научно-техническим кругозором и по специальности занимавшийся навигационными приборами, мне объяснил, что это особая оптическая иллюзия, которая случается при некоторых атмосферных условиях. А вообще в Исландии все воспринимается как чудо, и прежде всего этот прямой контакт с совершенно фантастической природой».

Из интервью Ольги Александровны Смирницкой проекту Arzamas. academy

Смерти не ведает
громкая слава
деяний достойных.

Интервью: Ольга Маркелова (Берен)

Беседовала
Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

У здания Ásatrúarfélagið

Друзья!
Как вы уже знаете, темой этого номера мы выбрали истории о сокрытом народе. А кто как не Ольга Маркелова у нас главный специалист в этой области. Ольга — филолог-скандинавист, переводчик с исландского, писательница и поэт, неутомимый путешественник и действительный член исландской общины Ásatrúarfélagið. Она уже делилась с нами своим исследованием «Что мы знаем об альвах?», которое вы можете прочитать в 12 номере «Северного ветра». В этот раз она снова согласилась заглянуть к нам на огонек и продолжить разговор о сокрытом народе.

Ольга, здравствуйте! Рады снова Вас видеть в гостях! Начнем с базы. Álfar и huldufólk, landvættir и náttúruvættir — новичку в теме очень легко потеряться и запутаться. Расскажите, пожалуйста, чем эти понятия отличаются друг от друга.

— Здравствуйте! Прежде чем начать разговор об альвах, надо сразу оговорить, что здесь мы имеем дело с живой фольклорной традицией, разные срезы которой были зафиксированы в разные века людьми с разным мировоззрением, а любая давняя устная фольклорная традиция может позволить себе быть не совсем логичной и не во всём ясной.

Итак, álfar и huldufólk. Это те, кто живёт в камнях и холмах, водит хороводы в новогоднюю ночь, держит холёную скотину особой породы, иногда сманивает человеческих детей, показывается

Селение альвов.
Eggert Guðmundsson (1906–1983)

наяву только ясновидящим людям, а прочим — разве что во сне, и жестоко карает разрушителей их домов/камней, портя им строительную технику. Большинство современных исландцев скажет, что альвы и «скрытые жители» — одни и те же существа; возможно, кто-то скажет, что это существа всё-таки разные, но разница между ними невелика: скажем, huldufólk более субтильны и у них особое строение носовой перегородки. (Представления о сходствах и различиях этих существ могут варьироваться по местностям). Ещё для альвов есть название «ljúflingur» (букв. «любимчик» или «добряк»), но это в современном языке, скорее, поэтический синоним.

Landvættir — это уже «из другой оперы»: это Духи страны. Это те четыре существа, которые изображены на современном гербе Исландии: великан, бык, орёл и дракон. (Сейчас каждый из них символизирует свою четверть острова). «Духи страны» упоминаются в древних источниках, наиболее знаменитое и детализированное их упоминание есть в «Круге земном» Снорри Стурлусона в саге об Олаве Трюггвасоне, где эти существа отпугивают колдуна, приплывшего к острову в образе кита, чтоб шпионить для Харальда Синезубого. Здесь мало места для рассуждений о том, почему эти духи именно таковы, об их генезисе. (Однако замечу мимоходом, что они разительно напоминают символы четырёх евангелистов в христианской традиции или символы фиксированых знаков зодиака в астрологии — а в эпоху создания «Круга земного» эти символы не могли быть неизвестны образованному человеку). Как бы то ни было, в современной Исландии к ним относятся с величайшим пиететом. Но сами эти духи редко взаимодействуют с людьми, разве что в действительно серьёзных случаях. Например, в начале 2000-х гг. на Центральном высокогорье Исландии развернулась масштабная — и губительная для уязвимой северной природы! — стройка: возводили гигантскую плотину Kárahnjúkavirkjun для будущей электростанции, которая должна была производить электричество на экспорт. Я уже, кажется, рассказывала об этой стройке: она вызывала недовольство всех исландцев, неравнодушных к родной природе, да и зарубежных экоактивистов тоже. На стройке техника ломалась почти каждый день, калечились строители, ЧП происходили буквально на ровном месте. Исландцы, воспитанные в духе своей отечественной культуры, уверяли, что эти масштабные поломки — дело рук не каких-нибудь местных скромных альвов из маленьких холмиков, а тут дело серьёзнее: против стройки выступили сами Духи Страны!

Náttúruvættir — просто «духи природы», без конкретизации.

В скандинавской космологии девять миров, но из всех их обитателей наиболее частые гости в Мидгарде именно альвы. О встречах с йотунами в быту мы почти не слышим. Как вы думаете, в чём причина этой особой близости альвов к людям? Что делает именно их готовыми с нами общаться?

Позволю себе немного позанудствовать. Современные знания/представления об альвах зиждутся не на мифологических текстах, а на фольклорных представлениях восемнадцатого-девятнадцатого века. То есть той картине мира, в которой мы уже не встретим йотунов, как максимум — каких-нибудь горных троллей, да и то, если верить одному тексту XIX века, горные тролли в Исландии постепенно вымерли.

Причина взаимодействия альвов с людьми очевидна: они селятся в одних и тех же местах, а значит, не могут не общаться тем или иным образом. Кстати, в текстах XVIII-XIX веков альвы описывались как гораздо более суровые, чем в фольклоре XX века и современном, и нарушивших данное им слово они карали жестоко.

Тот факт, что значительная часть населения современной Исландии верит в существование сокрытого народа, уже давно стал достоянием широкой общественности и даже превратился в визитную карточку страны. Но так ли это на самом деле сегодня? И что насчёт нового поколения — молодых исландцев, выросших в эпоху смартфонов и интернета? Сохраняется ли эта вера у них или постепенно уходит в область фольклорного наследия?

Люди, имевшие опыт взаимодействия с альвами (а также с другими существами), разумеется, найдутся в любом поколении исландцев. Но что верно, то верно: исландская молодёжь в массе

своей интересуется совершенно другими вещами. Я даже допускаю, что кто-то из них, сталкиваясь с признаками присутствия альвов, просто не понял, с чем имеет дело. Ведь в современном мире альвы и другие существа обычно не показываются человеку (разве что во снах), а именно выдают своё присутствие странными мелочами. Например, когда внезапно пропадают предметы, особенно лежавшие на видном месте, а затем — иногда долгое время спустя — вдруг находятся в неожиданных местах, порой даже вдалеке от места своего исчезновения (скажем, отыщутся на даче, хотя пропали в городе), то считается, что их одалживали альвы. С альвами также связывают звуки, например, музыку, вдруг раздающуюся откуда-нибудь, где заведомо нет ни музыкальных инструментов, ни звуковоспроизводящих приборов, скажем, на природе. Современный человек, услышав такую музыку, скорее всего подумает, что она доносится из чьего-нибудь телефона...

Я не исключаю, что отдельные индивидуумы могут прийти к убеждению, что мир не одномерен и люди в нём не одни, с подачи каких угодно источников, даже образцов масс-культуры.

Надо отметить, что в современной исландской литературе обращение к теме альвов и «скрытых жителей» может возникать не только при описаниях седой старины. Например, в прошлом году вышел замечательный роман молодой (род. 1992) писательницы Фриды Исберг, который так и называется — «Huldukonan» и повествует о взаимоотношениях одной семьи из глухого уголка сельской Исландии с семьёй «скрытых жителей», живущих в скале по соседству, а действие романа происходит в 1960–1980е годы...

Когда речь заходит об альвах и сокрытом народе, разговор почти всегда сводится к Исландии. А как дело обстоит у соседей в Норвегии, Швеции, Дании, на Фарерах? Сохранилась ли там вера в альвов и связанные с ними традиции, или это всё-таки преимущественно исландский феномен?

В странах континентальной Скандинавии аналогичные существа тоже известны. У норвежцев хульдры, у шведов — тоже хульдры или skogsrå, у датчан есть ellefolk... точнее, были, если учесть, что на континенте вера в существ практически выродилась, и в некоторых местах весьма давно. (Например, если задать интернет-поисковику запрос про ellefolk, то окажется, что на датских сайтах про этих существ порой пишут исключительно в прошедшем времени!) Но существа из фольклора континентальной Скандинавии похожи на людей не во всём, у них есть изъяны внешности: у норвежской красавицы хульдры растёт коровий хвост, у датских и шведских существ спина напоминает полую трухлявую колоду... Больше всех похожи на людей фарерские huldufólk, лишь с одним основополагающим отличием, причём

не внешним, а, так сказать, мировоззренческим: они язычники, в то время как фарерцы — истовые христиане, и это основная причина, почему в фарерских легендах и быличках люди должны избегать контактов с этими существами… Кстати, внешнее отличие у фарерских «скрытых жителей» тоже есть: на Фарерах существа предпочитают в одежде серый цвет — цвет тумана.

Вот что интересно: получается, что исландцы выбрали себе в соседи изящных и таинственных альвов (или, наоборот, это альвы выбрали их), а у норвежцев, например, прижились огромные, шумные, нескладные тролли. Как вы думаете, это случайность, или в таком выборе проступает что-то характерное для самих народов? Можно ли по «любимым» сверхъестественным существам что-то понять о тех, кто в них верит?

Эта гипотеза остроумна и изящна, но она скорее отражает то, какие существа из «соседства» разных народов больше других на слуху во внешнем мире; а носитель живой народной традиции, как правило, взаимодействует со многими видами существ одновременно. Что касается «любимых» сверхъестественных существ исландцев, то и по сей день истории о призраках столь же популярны, как истории об альвах, и их число постоянно пополняется новыми сюжетами о личном опыте рассказчиков. Какие существа в итоге лучше отражают национальный характер исландцев? Может, мрачные драуги в такой же степени отражают депрессивную, зимнюю сторону исландского характера, как изящные (но ни в коем случае не легкомысленные!) альвы — их умение веселиться и неубиваемую надежду на лучшее?

И раз уж мы заговорили о других народах, можно ли хоть как-то, пусть с натяжкой, провести параллель между славянским домовым и альвами? А если такая параллель всё-таки совсем притянута за уши и сова на глобус никак не натягивается, то кто, на ваш взгляд, из представителей славянской мифологии ближе всего к сокрытому народу?

«Домовой» по-исландски — búálfur, так что хотя бы на лексическом уровне сходство

прослеживается, — хотя домовые, в отличие от «скрытых жителей», всё-таки не ведут своё отдельное хозяйство, а селятся в домах людей.

Прямых параллелей альвам в славянской мифологии и фольклоре я как будто не вижу, но существо из южнославянского фольклора — вила — может напоминать женщин-альвов.

Квельдульф Гундарссон в своей книге «Эльфы, ветты и тролли» пишет: «Боги мудры и зрят в самое сердце верующих, а потому могут прощать неудачно выбранные слова, ошибки, допущенные по неведению, сомнения, порожденные страхом или непониманием, и даже некоторые более серьезные проступки. […] Однако младшие духи, обитающие в иных мирах, гораздо более похожи на людей, причём на людей старой закалки, — в том отношении, что их не на шутку оскорбляют любые невежливые поступки, вызваны ли те преднамеренной грубостью или простой неосведомленностью».
Согласны ли вы с таким описанием? И не кажется ли вам, что такое сравнение с «людьми старой закалки» — это

косвенный аргумент в пользу теории, согласно которой альвы — это умершие предки, обитающие в курганах?

На мой взгляд, это скорее отражение более поздних представлений о том, что у альвов весь быт и уклад устроены по-старинному — а значит, и сфера межличностных отношений тоже не похожа на легкомысленную современность.

Теория о том, что альвы в своих холмах — это усопшие (предки?) в курганах, тщательно и остроумно аргументирована, но вся эта мощная аргументация так и не даёт ответа на простой вопрос: зачем в таком случае исландцам два «комплекта» подобных потусторонних персонажей? Ведь сюжеты о «настоящих» оживших мертвецах из курганов столь же популярны и, если мне не изменяет память, фиксируются примерно с одних и тех же веков.

В «Младшей Эдде» Снорри Стурлусон делит альвов на светлых (ljósálfar) и тёмных (dökkálfar/svartálfar), причем светлые у него «прекраснее солнца», а тёмные «черны, как смола», и обитают под землёй. Как вы думаете, это деление — влияние христианского мировоззрения с его дуализмом света и тьмы или все-таки отражение глубокого пласта исконной Традиции?

Если обратиться к самой этимологии слова «álfur», то оно родственно латинскому „albus» — «белый», и сам этот корень означает нечто светлое. Так что в свете этого понятие «тёмные альвы» уже выглядит оксюморонно. В христианской картине мира «свет» и «тьма» — сугубо оценочные понятия, синонимичные понятиям добра и зла, но у Снорри я такой оценочности не вижу, его классификация больше напоминает простую дихотомию надземных и подземных существ. Описание тёмных и светлых альвов у Снорри только на первый взгляд выглядит содержательным, но фактически описывает только внешний вид и место обитания этих существ, но не проясняет других важных нюансов, например, почему в мифологических песнях Старшей Эдды альвы (без деления на тёмных и светлых!) часто упоминаются «в одной связке» в асами.

Попытка истолковать это место у Снорри в первом приближении приводит не к ответу, а только к новым вопросам.

Знаменитый эпизод из вис Сигвата Тордарсона — почти единственное прямое свидетельство о том, как именно проводился álfablót: осенью, ночью и без посторонних. Вы действительный член общины Ásatrúarfélagið, и очень хочется у вас узнать, как обстоят дела с почитанием альвов в современном мире. Проводят ли сегодня в Ásatrúarfélagið специальные обряды для альвов, и если да — это реконструкция по сагам или живая, естественно сложившаяся традиция?

Наверно, не будет преувеличением сказать, что так или иначе все ритуалы Ásatrúarfélagið относятся уже к современной традиции; люди практически обречены домысливать что-то сами, т. к. древние источники, как известно, не всегда полны и не всегда достоверны. В списке самых главных годовых праздников общины, на которые собираются все её члены и гости со стороны, не числятся ни álfablót, ни dísablót, но годи отдельных регионов могут проводить свои локальные blót'ы в честь местных духов. Проходят они так, как это вообще заведено сейчас в исландской языческой общине, где-нибудь на природе, в лесу или на взморье, когда все присутствующие становятся вокруг костра, славят богов и существ, поднимают в их честь рог с мёдом и совершают возлияние. Впрочем, и во время крупных годовых праздников никому не возбраняется поднять рог во славу альвов — а также духов стихий или даже самих Духов страны.

Вы много раз бывали в Исландии и знаете её куда глубже обычного путешественника. Случалось ли вам самой во время этих поездок ощущать то самое соседство — присутствие сокрытого народа? И если да, есть ли места, где оно ощущалось особенно отчетливо?

Начнём с того, что я несколько лет жила в Коупавоге — городе-сателлите Рейкьявика, на улице с названием Álfhólsvegur, довольно недалеко от холма альвов, давшего улице название. Этот холм — фактически, низенькая широкая скала с валунами, поросшая кустарником. На протяжении XX века этот холм несколько раз пытались

срыть, но дело заканчивалось авариями техники, так что сейчас его не трогают, а улица рядом с ним сужается, и около холма стоит табличка с описанием его истории. Местные духовидцы из числа старых исландцев говорят, что сейчас альвы живут там не постоянно, а используют этот холм как бы в качестве дачи. Рядом там школа (и, как ни грустно, очередное строительство), вероятно, альвы плохо переносят сопутствующий всему этому шум. Но местные жители всё-таки относятся к обитателям холма если не с уважением, то хотя бы дружелюбно: иногда я замечала, что на его камни положены небольшие количества сластей — явно подношения его жителям. Один раз в таком подношении преобладали конфеты иностранных марок, которые не продаются в Исландии, — значит, установить дружеские отношения с жителями холма пытались не только исландцы.

Явления, связанные с присутствием альвов, могут происходить даже в самом сердце исландской столицы. Однажды в молодости я стала очевидицей такого странного происшествия на холме Öskjuhlíð в Рейкьявике, кажется, в Первомай. Мы с моей старшей подругой-исландкой (представительницей того поколения, чьё детство прошло ещё в землянках с овечьими косточками в качестве игрушек) и её маленькой внучкой прогуливались в тех местах. Внучке было, если не ошибаюсь, около трёх лет. Мы с подругой стояли на смотровой площадке и разговаривали, и вдруг девочка стала теребить её за рукав, указывать вниз и приговаривать: «Бабушка, смотри! Бабушка, смотри!» Но внизу была только серая безлюдная автостоянка с немногочисленными машинами и решительно ничего, что могло бы заинтересовать ребёнка. Однако девочка упорно указывала туда. Мы попытались отвлечь её, но она не переключала внимание. Потом мы снова отвлеклись на свой разговор. И вдруг я вижу: девочка начала очень быстрым и уверенным шагом убегать в сторону этой автостоянки. Я за ней. Она обернулась, подняла на меня свои серые глазёнки и произнесла: «Не ходи за мной!» — настолько решительным тоном, что я опешила. Тут подоспела бабушка, вернула внучку на место и прочла нотацию о том, как нехорошо убегать и теряться.

Мы так и не поняли, что заинтересовало ребёнка в этом скучном будничном ландшафте до такой степени, что он побежал туда без оглядки. Потом я догадалась, что девочка, очевидно, увидела что-то, невидимое нам. Вся ситуация чрезвычайно напоминала фольклорные сюжеты про то, как альвы сманивают детей. Тем более, если верить современному фольклору, альвы видимы только для того, кому являются, а остальным невидимы.

И напоследок хотелось бы у вас попросить своего рода памятку туриста. Есть ли какие-то простые правила, о которых стоит помнить каждому, кто впервые ступает на исландскую землю? Что обязательно нужно и чего ни в коем случае нельзя делать путешественнику, чтобы не навлечь на себя гнев сокрытого народа?

Наверно, правило простое и очевидное: вести себя так, как подобает воспитанному гостю, относиться к окружающей природе с уважением и не свинячить. Людям следует помнить, что они — не единственные обитатели Исландии!

© Ф.Б. УСПЕНСКИЙ

Лютый зверь

История и предыстория[1]

УСПЕНСКИЙ Фёдор Борисович, *доктор филологических наук, член-корреспондент Российской Академии Наук, профессор, специалист по русской антропонимике, филолог-скандинавист.*

В XVII в. в Венецию из Афин были привезены два мраморных льва, которые прежде находились в афинской гавани Пирее. Особенно знаменит один из этих львов, на котором в свое время была обнаружена руническая надпись (Рис. 1). Строго говоря, на льве запечатлены несколько надписей, выполненных разными резчиками на протяжении XI в.

Разумеется, наибольший интерес у историков и рунологов вызывало содержание этих надписей, относительно плохо сохранившихся и не поддающихся в некоторых фрагментах достоверному прочтению. При этом невольное удивление исследователей вызывал и сам объект, выбранный варягами для нанесения мемориальной надписи по своим погибшим товарищам. Действительно, младшие руны могли вырезаться на весьма разнообразных предметах, но все же круг их вполне ограничен и исчислим. Во всяком случае, появление поминальной рунической надписи на мраморной статуе — предмете, изначально экзотическом для самих скандинавов, — явление достаточно необыкновенное.

Рис. 1. Статуя пирейского льва с рунической надписью

В последнее время наиболее определенно на этот счет высказалась Е.А. Мельникова: *«Необычный выбор предмета, на который была нанесена мемориальная надпись, мог диктоваться как отсутствием подходящего материала для стелы и времени для ее обработки,*

1 *Глава из книги «Люди, тексты и вещи. Из истории культуры средневековой Скандинавии» / Ф.Б. Успенский — М.: ФОРУМ : НЕОЛИТ, 2015. — 256 с. Печатается с разрешения автора.*

так и выгодным расположением скульптуры — на воротах Пирейской гавани, где надпись могла быть увидена и прочитана многими приезжающими сюда скандинавами — главное условие при выборе места для памятника» [Мельникова 2001, 271].

В самом деле, пирейский лев был достаточно выгодно расположен, находясь на возвышении у входа в афинскую гавань. Однако в окрестностях Афин не было недостатка ни в подходящих точках рельефа, ни в материале для мемориального знака. Трудно объяснить столь прихотливый выбор и простым отсутствием времени у заказчиков и исполнителей надписи. Судя по всему, скандинавы бывали в этих краях неоднократно. Кроме того, рунический памятник вовсе не обязательно должен был стоять близ места, где погибли названные в надписи люди, да и появляется он зачастую лишь длительное время спустя после их гибели. Таким образом, пирейский лев, скорее всего, был выбран первым резчиком отнюдь не случайно, не потому что ему не хватало времени, места или материала. Чем же мог быть обусловлен такой выбор?

Как кажется, к ответу на этот вопрос нам помогает приблизиться то орнаментальное оформление, которое мастер (а вернее, мастера) вырезает вместе с рунами. Текст на статуе обрамлен совершенно традиционным для рунических надписей эпохи викингов изображением — он помещен на туловище так называемого рунического Змея, который образует своего рода извивающуюся строку (Рис. 2).

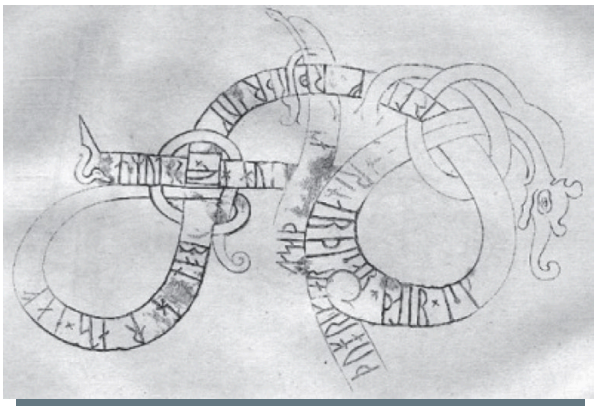

Рис. 2. Фрагмент орнамента на пирейском льве

Рунический Змей — это, без преувеличения, один самых известных и широко распространенных атрибутов надписей эпохи викингов. Иногда изображение Змея служит лишь орнаментальной рамкой для рунического текста, но гораздо чаще рунические знаки вырезаются непосредственно на нем. Особенности рисунка, направление изгибов тела этого существа в значительной степени задают, таким образом, направление и последовательность чтения текста.

В то же время рунический Змей связан не только с плоскостью, но и с пространством: иногда он может переходить с одной поверхности камня на другую, как бы обвивая его, а иногда форма Змея воспроизводит очертания камня. При этом, как кажется, не всегда возможно установить, заданы ли изгибы Змея контуром камня, или, напротив, туловище Змея определяет форму обработки камня.

Рис. 3: Камень из Йеллинге (Дания)

Что весьма существенно для нас, фигура Змея очень часто сочетается на поминальных камнях с другим, не менее известным изображением, знаменитым руническим Зверем. В сущности, переплетение двух этих изображений и формирует доминирующую часть орнамента на многих камнях и предметах. Змей оплетает Зверя — так в предельно упрощенной

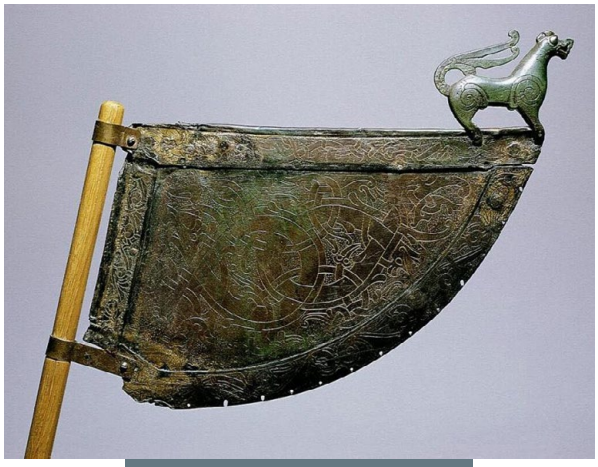

Рис. 4: Готландский флюгер

и огрубленной форме можно описать орнамент и на знаменитом камне из Йеллинге, и на многих других поминальных стелах, не говоря уж, например, о флюгере с острова Готланд (Рис. 3–4). Судя по всему, резчик (или резчики) рун стремился создать в пирейской гавани именно такую, традиционную для них композицию. Иными словами, первый мастер «опознал» в пирейском льве рунического Зверя и дополнил его остальными атрибутами мемориального знака — руническим Змеем и поминальной надписью. Соотношение плоскостных и объемных элементов оказалось не вполне обычным, ведь лев служил и камнем, и Зверем, т. е. тем, что традиционно высекалось на камне. Однако подобное смешение, в сущности, не противоречило самой традиции рунических монументов. Камню могла придаваться форма (хотя, разумеется, не столь сложная, как наша греческая скульптура), надпись и орнамент переходили, перешагивали, переползали с одной плоскости на другую.

Собственно говоря, форма камня, орнамент и рунические знаки призваны были создавать единое семантическое и эстетическое целое, своего рода семиотический комплекс — именно такой синкретизм элементов и делает лучшие образчики этих монументов подлинными произведениями искусства. Не вызывает сомнения, что нечто подобное попытались создать те, кто вырезал рунического Змея на пирейском льве, вовлекая, встраивая произведение чуждой культуры в собственную символическую парадигму.

Итак, мы полагаем, что скандинавский мастер XI столетия «узнал» в скульптуре льва рунического Зверя, и это «узнавание» оказалось совершенно понятным его соотечественникам, так как несколько позднее другие резчики продолжили его дело, нанеся на мрамор еще несколько поминальных надписей. Такое предположение вызывает к жизни следующий вопрос, возможно, куда более сложный: кто собственно такой этот рунический Зверь, однажды вдруг воплотившийся в пирейском льве? Несколько упростив задачу, можно задать этот вопрос по-другому: считали ли скандинавы собственного рунического Зверя львом, коль скоро они сочли чужеземного льва руническим Зверем?

Изображения скандинавских орнаментов, по-видимому, никак не могут предоставить простого и ясного ответа на этот вопрос. Существа, смотрящие на нас с рунических камней, многолики и многообразны. Некоторые из них более или менее определенно отождествляются с реальными животными, например, с конем. Однако есть довольно обширная группа изображений, где столь однозначное отождествление кажется невозможным. Едва ли такого Зверя можно напрямую назвать львом, волком, медведем, быком или оленем. В то же время в его изображениях явно угадываются

черты, позволяющие исследователям попеременно отождествлять их то с одним, то с другим из этих животных. С другой стороны, в многочисленных работах, посвященных этой проблеме, подспудно присутствует мысль о том, что при всем разнообразии рисунков на различных камнях речь идет об одном и том же Звере, кем бы он ни был и как бы он ни назывался.

Иначе говоря, обнаруживая сходство каких-либо конкретных изображений Зверя с реальными животными, ученые пытаются определить, кем был рунический Зверь как таковой. При этом и относительно одного-единственного изображения исследователям, да и всем зрителям, бывает нелегко прийти к согласию. Так, уже упоминавшееся изображение на одной из частей знаменитого рунического камня в Йеллинге (Рис. 3) трактуется то как фигура волка Фенрира, связанного змеем, то как фигура орнаментального льва, борющегося со змеем, то как схватка змея и грифона.

Исследователи придумали различные названия для рунического Зверя, в работах нередко можно найти упоминания Шагающего Зверя, Большого Зверя, Хватающего Зверя. Однако все это изобретено в Новое время, а кем был для самих средневековых мастеров рунический Зверь, мы не знаем. Иными словами, у нас есть денотат, но нет его означающего, хотя речь идет, по-видимому, о чрезвычайно важном культурном концепте.

Между тем в западноскандинавских текстах мы обнаруживаем некоторую конструкцию, включающую слово «зверь», про которую с первого взгляда невозможно сказать, кого или что она обозначает. Иначе говоря, у нас есть некий сигнификат без очевидного денотата. О каком же обозначении идет речь?

В древнеисландских и древненорвежских текстах существует устойчивое, хотя и не очень распространенное сочетание óarga (úarga) dýr, которое может быть переведено как «нетрусливый, бесстрашный, неробкий, свирепый, лютый Зверь». В дальнейшем, для простоты повествования, мы будем называть этого зверя лютым, хотя при таком переводе стирается очень важная для нас внутренняя форма слова, поскольку óarga (úarga) есть не что иное, как отрицательная форма прилагательного argr / ragr, о значении которого мы скажем чуть ниже. Существенно сразу же подчеркнуть, что формула óarga (úarga) dýr обладает всеми признаками лексикализованного словосочетания. Прилагательное óargr / úargr употребляется регулярно только со словом «зверь» (dýr) [Beck 1972][2], может фигурировать в качестве прозвища при имени человека и не обладает способностью свободно сочетаться с какими-либо другим словами.

Зверь, скрывающийся за этим устойчивым словосочетанием, как правило, отнюдь не очевиден. Казалось бы, здесь нам должны помочь данные переводных текстов, где у нас есть возможность сопоставить нашего лютого зверя с каким-то более определенным названием зверя из оригинала. Дело в том, однако, что в западноскандинавских переводах выражение óarga dýr выступает как обозначение экзотических, «литературных» хищников. Даже в тех случаях, когда мы располагаем таким фрагментом оригинала, где прототип лютого зверя назван терминологически, весьма затруднительно определить, как осмыслялся и с чем ассоциировался для книжника-переводчика, к примеру, лев, крокодил, пантера или барс из оригинального текста.

Тем не менее, поначалу может показаться, что óarga dýr западноскандинавских переводных памятников — это лев. Однако здесь необходимо помнить о нескольких вещах. Первая из них — самая простая и конкретная. Для обозначения льва у скандинавов существовало вполне точное и определенное слово, заимствованный термин leó[n]. Другое обстоятельство связано с общей спецификой древнеисландских переводов. То, что мы находим в исландских и норвежских рукописях XII–XIII вв., — это, по сути дела, не перевод в современном смысле слова, а, скорее, вольное переложение текста, будь то фрагменты Библии или рыцарский роман. Зачастую в этом переложении

---

2 *Едва ли не единственный пример, когда óargr / úargr употребляется не со словом dýr, содержится в «Саге о Храфне сыне Свейна», где некий исландец по имени Гудмунд характеризуется как «хороший скальд и нелегкий человек, дерзкий (неробкий) (úargr) в отношениях <с людьми>» [Bp., I, 667]. Уникальность такого словоупотребления заставляет предположить, что перед нами ошибка. В самом деле, в других редакциях саги на месте прилагательного úargr присутствует эпитеты vargr (A 1) и órigr «недобрый, злобный» (B). О слове vargr и его сближении с интересующим нас úargr в рукописной традиции см. далее.*

осуществлялся не столько перевод слов, сколько пересчет понятий. В частности, библейская терминология могла передаваться с помощью лексики, обозначающей некие реалии из собственно скандинавской культуры. Здесь достаточно вспомнить в качестве иллюстрации «ярла Пилата», расправляющегося с Христом, или древних иудеев, пользующихся «руническим письмом».

Таким образом, если мы обнаруживаем в исландском или норвежском тексте упоминание о том, что Давид разорвал надвое пасть лютому зверю, мы можем с большей или меньшей уверенностью говорить, что óarga dýr соответствует здесь льву, хотя перевод этот и не вполне буквален ([Ver., 31]; ср.: 1-я Царств 17, 34–36; ср. также: [Konr., 64; Konr. 1988, 61]). В древнеисландском энциклопедическом сочинении сообщается о том, как Самсон «одними своими руками» умертвил лютого зверя и ослиной челюстью убил тысячу своих противников[3]. Мы знаем, что в библейском тексте Самсон убивает льва и, соответственно, можем допустить, что и здесь под лютым зверем подразумевается именно лев. Аналогичным образом, читая в нескольких древнеисландских источниках о Данииле, сидящем в яме с лютыми зверями, мы с относительной уверенностью предполагаем, что речь идет о рве львином ([Ver., 39; AÍ, I, 52; Hóm., 63]; ср.: Даниил 6, 6–7, 16–24).

Вопрос же о том, почему книжник в приведенных эпизодах не использует слово «лев», пока остается открытым, правда, возможно, из наших дальнейших построений вырастет некоторое подобие ответа на него. Следует сказать, однако, что и внутри этой книжной традиции есть куда более сложные случаи, где óarga dýr обозначает, скорее всего, не льва. Например, герой поздней «Саги о Мирманне» (XIV в.) видит лютого зверя во сне ([Mírm., 205]; ср.: [Mírm. 1997, 124]). Описание этого существа достаточно точно соответствует тому, как должна вести себя пантера, разумеется, не реальная пантера, а «литературная», хищница из «Физиолога» и прочих бестиариев [Beck 1972, 103–104]. Óarga dýr, оказавшийся, кстати, самкой, источает сладостный аромат и — вопреки ожиданию героя — не причиняет ему никакого вреда, но, напротив, ведет себя весьма дружелюбно.

В текстах, имеющих инокультурный образец, лютый зверь — это экзотический для скандинавов хищник, зачастую выполняющий некие сложные символические или аллегорические функции. Лев может быть назван óarga dýr лишь постольку, поскольку для континентальной общехристианской традиции именно этот образ больше всего нагружен символическими и аллегорическими функциями, хотя, разумеется, такие функции могли возлагаться и на других животных, и в этом случае для них годилось также обозначение «лютый зверь».

Не случайно в текстах, связанных с собственной историей скандинавов, сочетание óarga dýr часто фигурирует в вещих снах и пророчествах. Самый знаменитый пример такого рода — это рассказ в «Гнилой коже» о пророчестве, которое конунг Сигурд Крестоносец услышал в Константинополе. Это предсказание гласило:

> *«…слава и почет Сигурда конунга будут расти подобно лютому зверю, который широк (силен) в плечах, но уменьшается к задней своей части»*[4].

В этом тексте зрительный образ, стоящий за словосочетанием óarga dýr, может быть более или менее определенно соотнесен со львом (или, разве что, с пуделем), если вообще твердо стоять на том, что под óarga dýr здесь подразумевается реально существовавший, так сказать, зоологический вид.

Другой пример можно найти в «Саге о Хрольве Гаутрекссоне», где óarga dýr появляется в беспокойных снах шведской королевы Ингигерд. Ей снится сон, в котором стаей волков предводительствуют медведь и лютый зверь. Истолковывая сновидение, Ингигерд решает, что лютый зверь — это дух-хранитель (fylgja) конунга Хрольва, а медведь — его побратима Ингъяльда. По дружелюбному виду и поведению этих животных она пытается определить, какие намерения — воинственные или мирные — заставили Хрольва прийти в Швецию. В другом сне королевы Ингигерд опять появляется сбегающая с кораблей стая волков, которой предводительствуют лютый зверь, два медведя

3 *med hondum sinum einum banadi eno oarga dyri ([AÍ, I, 50]; ср.: Судей 14, 5–6; 16, 15–17).*

4 *… sva mondi fara virþing S. konvngs sem it varga dyr er vaxet. geyst ibogonom oc aptr miNa [Msk., 351].*

и огромный вепрь. Из этого сна королева Ингигерд заключает, что конунг Хрольв и его люди собираются напасть на ее государство [Hrólf., 13, 21; Fornaldar sögur..., III/1, 77, 95].

Итак, лютый зверь (óarga dýr) — это животное-символ, животное из снов и пророчеств, и потому это выражение так легко задействуется в переводных текстах для обозначения инокультурных символических существ. Символика лютого зверя связана со свирепостью, яростью и в то же время с властью и могуществом, т. е. приблизительно с теми же качествами, которыми в иносказательном языке библейской традиции наделяется лев. При этом, однако, в континентальных текстах далеко не один лев является воплощением этих качеств в мире символических животных. Стало быть, далеко не только лев может обозначаться выражением óarga dýr.

С нашей точки зрения, это скандинавское выражение отнюдь не является продуктом и принадлежностью языка книжной культуры. Более того, можно попытаться, на наш взгляд, обозначить круг его значений за пределами энциклопедической традиции. Весьма специфическая описательная конструкция с отрицательной формой прилагательного (ó-argr) наводит на мысль о том, что перед нами автохтонное эвфемистическое именование, пришедшее в письменную культуру из устной традиции[5].

Коль скоро мы считаем, что словосочетание óarga dýr возникает не под воздействием книжной культуры, а существовало в языке и прежде, то история его бытования поневоле должна быть разделена на несколько этапов. Соответственно, значение этого выражения на разных этапах неизбежно окажется различным. Действительно, в языке, еще не затронутом влиянием письменных инокультурных источников, выражение лютый зверь едва ли могло служить эвфемизмом для льва или какого-либо другого экзотического хищника, вроде пантеры, поскольку в Скандинавии эти звери не водились. В то же время это словосочетание, по-видимому, обладало неким семантическим потенциалом, позволившим впоследствии использовать его для обозначения именно различных символических и экзотических для Северной Европы зверей. При таком подходе ясно, что мы не можем всякий раз приписывать этому выражению денотаты из книжных текстов.

Тем не менее, выяснение того, чем являлось то или иное выражение за пределами письменного языка, разумеется, всегда остается нелегкой задачей. Ведь все, чем мы располагаем при описании интересующей нас дописьменной эпохи, — это письменные источники. Выражение же óarga dýr с определенного времени находит для себя в литературном языке весьма устойчивую и адекватную функциональную нишу, и извлечь его из этой ниши, чтобы посмотреть, какими функциями оно могло обладать прежде, весьма непросто. В этом отношении весьма любопытно функционирование различных компонентов устойчивого словосочетания óarga dýr в тех текстах, которые в наименьшей степени связаны с континентальной традицией. Разумеется, удельный вес этих компонентов словосочетания неодинаков: как уже говорилось выше, прилагательное óargr употребляется почти исключительно внутри интересующего нас выражения, тогда как слово dýr «зверь», естественным образом обладает куда большей свободой сочетаемости. Тем не менее, слово dýr входит, помимо интересующего нас óarga dýr, и в другие словосочетания, обладающие определенной семантической цельностью и еще некоторыми специфическими особенностями, о которых речь пойдет дальше.

Начнем с прилагательного óargr. Как уже отмечалось, оно является отрицательной формой от слова argr / ragr. Само по себе argr занимает совершенно особое место в правовых текстах и в древнескандинавской культуре в целом: оно значило «трусливый, робкий, немужественный», но также «женоподобный, распутный, лишенный мужского начала (о мужчине)» [Weisweiler 1923, 16–29; Sørensen 1983][6]. В правовых текстах argr / ragr отнесено к кругу обсценной лексики, связанной, по-

---

5 *Строго говоря, это могла бы быть и калька соответствующего выражения из какого-либо другого языка средневековой европейской культуры, однако прототипа, словосочетания-источника для образования подобной кальки найти не удается.*

6 *Подчеркнем, что в значении «трусливый» слово argr / ragr могло, судя по всему, достаточно свободно употребляться в речи: показательна в этом отношении знаменитая пословица «Только раб мстит сразу, а трус — никогда» (Þrœllinn einn hefnist, en argr aldri) [Gret. 1936, 44].*

видимому, с обвинением мужчины в пассивном гомосексуализме. Еще в дописьменную эпоху появляется эвфемистическая замена прилагательного argr, образованное путем метатезы, ragr, но и эта табуистическая форма рассматривалась как тяжкое оскорбление, каравшееся по закону:

«Есть три слова, <…> которые все влекут за собой объявление вне закона: если человек называет другого человека ragr или stroðinn или sorðinn, с него должно быть взыскано как за <произнесение> других непристойностей, словесных оскорблений, клеветы и напраслины. Человек также имеет право убить за эти три слова»[7].

Любопытно, что значения «трусливый» и «распутный, извращенный», присущие слову argr / ragr в языке, могут то разводиться, то объединяться. По-видимому, argr / ragr считалось качеством, свойственным нечистой силе, воплощению зла, а в христианские времена — дьяволу. Так, например, в сагах о древних временах злой дух, злая сила названа örg vættr, а в древненорвежской «Книге проповедей» argr употребляется в качестве одного из эпитетов дьявола (hinn argi djöfull) [GNH, 198]. Весьма существенно, что для обозначения такого рода воплощения зла могло употребляться и выражение hitt argasta dýr. Подчеркнем, что в этом сочетании присутствует слово «зверь» (dýr), а прилагательное argr фигурирует в превосходной степени. Тем самым к злым духам приложим не только эпитет argr / ragr, но и само слово «дух» или «дьявол» может адекватным образом замещаться словом «зверь».

Последняя из интересующих нас конструкций употреблена в своего рода заклятии, произнесенном перед употреблением нечистого, неподобающего питья. В одной из саг рассказывается, как несколько исландцев, мучимые жаждой на корабле, вспоминают, что прежде людям приходилось пить в таких случаях мочу, смешанную с морской водой. Один из них, Торгильс, берет сосуд с напитком и произносит заклятие (соответствующее по форме пиршественному тосту). В нем Торгильс обращается к hitt argasta dýr[8], который препятствует их путешествию, заявляя, что тому не удастся заставить ни его самого, ни его спутников пить собственную мочу. При произнесении этих слов птица, похожая с виду на гагарку, покидает с отвратительным криком корабль и летит на север. Терпящие бедствие воспринимают это как Божественное предзнаменование, выплескивают напиток за борт и гребут еще некоторое время, после чего находят пресную воду [Flóam. 1860, 147, гл. XXIV].

Разумеется, про эту сагу нельзя сказать, что она полностью лишена христианских мотивов. Можно, кстати, вспомнить и о том, что именование дьявола зверем представляет собой одну из общехристианских универсалий. Однако не менее очевидна и, так сказать, фольклорная составляющая саги. Дьявол из проповеди и злая сила из заклятий здесь, в сущности, слиты и неразличимы.

Очень интересно и весьма показательно в связи с проблемой лютого зверя употребление прилагательного argr / ragr с названиями конкретных животных. В качестве эпитета argr часто появляется, когда речь заходит о козе (geit), олицетворявшей в древнескандинавской традиции как похоть, так и трусость. В столь же двойственном значении argr может употребляться, когда характеристики этого животного переносятся на человека. В сагах мы встречаем устойчивый оборот argr / ragr sem geit, который равно мог обозначать «похотливый как коза» и «трусливый как коза». Качества, обозначаемые эпитетом argr / ragr, считались, по-видимому, неотъемлемыми признаками этого животного. Эпитет «смелая, бесстрашная» мог прилагаться к козе лишь иронически, в насмешку. Так, в «Саге о Бьерне, богатыре с Хит-реки» Бьёрн сочиняет хулительные стихи, где, в частности, называет Торда, «отважным как коза» (jafnsnjallr sem geit) [Bjarn., 46]. Уподобление козе — оскорбительное само

---

7 *Þav ero orð þriú, <…> er scog Gang varða avll. Ef maðr kallar mann ragan eða stroðiN. eða sorðiN. Oc scal søkia sem avnnor full rettis orð, enda a maðr vígt igegn þeim orðum þrimr ([Grg., II, 392]; ср.: [Grg. I/2, 183–184]). Термином fullréttisorð обозначались устные оскорбления, за которые пострадавший мог получить денежную компенсацию в полном объеме. Sorðinn — причастие прошедшего времени от serða «вступать в половые отношения (о мужчине)». От serða при помощи метатезы был образован глагол streða с тем же значением (ср. образование ragr из argr). Соответственно, в данном случае stroðinn представляет собой причастие от streða с тем же значением, что и sorðinn — «выполнявший (пассивную?) роль при половом акте».*

8 *В другой редакции саги Торгильс обращается к hit arga ok hit illa kvikindi, т.е. к «мерзкому и злобному животному, существу» [Flóam. 1860, 180].*

по себе — в данном случае лишь усиливается употреблением оксюморонного эпитета (ср.: [Гуревич & Матюшина 2000, 481–482; Finlay 2001, 36–38]).

При этом, как явствует из текста, сравнение с козой не ограничивается обвинением в трусости: все насмешки Бьёрна носят отчетливо выраженный обсценный характер, в сущности, их конечной целью является обвинение Торда в пассивном гомосексуализме [Gade 1986, 134]. Судя по всему, коза олицетворяет «немужское поведение» в самом широком смысле, что хорошо согласуется со всеми случаями употребления при названии этого животного эпитета argr / ragr, который также характеризует различные аспекты, различные составляющие немужественного в мужчине. Весьма выразительны в этом отношении, например, насмешки Синфьотли над Гранмаром в «Саге о Волсунгах». Три его издевательские реплики очевидным образом связаны с пассивным гомосексуализмом — он говорит, что его противник «был вельвою и хотел замуж», «был валькирией в Асгарде, которой все домогались, а я родил с тобою девять волков на Ланганесе, всем им я был отцом», «был кобылой у жеребца Грани» (ср. само имя оскорбляемого — Гранмар, обладающее «конской семантикой»).

Одно только именование мужчины словом, обозначающим существ женского рода, само по себя являлось оскорблением, караемым по закону [NGL, I, 70]. На этом фоне особенно ясно, что следующее обвинение — «был ты затем козопасом у Голни йотуна»[9] — также имеет прямое отношение к мотиву пассивного гомосексуализма. Число примеров, вроде того, как бог Локи в «Младшей Эдде» развлекает богиню Скади, обвязав веревкой козу за бороду, другим концом — себе за мошонку, можно было бы с легкостью умножить. Судя по всему, коза олицетворяет «немужское поведение» в самом широком смысле, что хорошо согласуется со всеми случаями употребления при названии этого животного эпитета argr, который также характеризует различные аспекты, различные составляющие немужественного в мужчине.

Парадоксальным образом слово argr использовалось и в качестве прозвища для персонажа, совершившего многочисленные подвиги. Его называют Рэв inn ragi. Сюжет саги о нем во многом построен на двух толкованиях этого прозвища. Одно связано, скорее, с трусостью главного героя и отсылает к эпизоду, когда он испугался белого медведя; другое же связано со слухами о том, что Рэв «каждую девятую ночь превращался в женщину и нуждался в мужчине»[10]. Это прозвище, вне всякого сомнения, носило уничижительный характер, как повествует сага, ему пришлось убить пятерых поселенцев, чтобы избавиться от этого унизительного эпитета. Иными словами, Рэв полностью реализовал предоставленное ему законом право на убийство в ответ на данное оскорбление.

Существенно, что прозвище inn ragi дается человеку со «звериным» именем Refr («Лис»). Обращаясь к зоологической семантике имени героя этой поздней саги, нельзя не отметить, что качества, характеризуемые эпитетом argr, никоим образом не были связаны с лисом или лисицей. В качестве характерных черт им приписывались, скорее, хитрость, изворотливость и коварство (ср. выражение: slœgr sem refr «хитрый как лис»), что и отразилось в другом именовании героя — Хитрый Рэв (= «Лис»).

В определенном смысле значительная часть саги посвящена тому, как герой пытается избавиться от прозвища, семантически с его личным именем никак не связанного (inn ragi), и закрепить за собой то, которое его имени соответствует (krókr). Примеры, когда прозвище семантически продлевает, дополняет, как бы «уточняет» личное имя и во многом этим личным именем обусловлено, как мы увидим ниже, не столь уж редки у скандинавов.

Итак, даже поверхностный обзор круга значений прилагательного argr позволяет утверждать, что его дериват, ó-argr «не-argr» имеет самое непосредственное отношение к кругу табуизируемых слов и «запретных» понятий, прозрачных иносказаний и эвфемистических замен, связанных как с миром людей, так и с миром животных.

---

9 þú vart völvan í Varinsey ok kvaz vilja mann eiga... ...vartu valkyrja í Ásgarþi, ok var viþ sjálft, at allir mundi berjaz fyrir þínar sakar, ok ek gat víþ þér níu varga á Láganesi, ok var ek faþir allra... ...þú vart meþ hestinum Grana, ok reiþ ek þér á skeiþ á Brávelli... ... vartu geitsveinn Gölnis jötuns [Völs., 16; Сага о Волсунгах, 191–192, гл. IX].

10 var hann kona ina níundi hverju nótt ok þurfti þá karlmanns [Krók., 134–135, гл. VII].

Любопытно, что в текстах коза едва ли не чаще упоминается как олицетворение трусости и распущенности, нежели как реальное животное. При этом козе, априори являющейся argr, естественным образом противопоставлен не кто иной, как волк. Мы располагаем, в частности, достаточно древними примерами такого противопоставления. Так, в героических песнях «Старшей Эдды» говорится, что враги так же бежали от Хельги, убийцы Хундинга, как козы бегут от волка:

Так убегали в страхе безмерном
перед Хельги враги и родичи их,
как козы бегут по горным склонам,
страхом гонимы, спасаясь от волка[11] [24].

Сравнение подобного рода, когда герой уподобляется волку, а противники — убегающим от него козам, «застывает» в качестве своеобразной повествовательной формулы, которая в том или ином виде попадает в поздние саги о древних временах и в такие тексты, как «Сага о Тристане и Изольде» или «Сага о Карле Великом». Коза в известном смысле стабильно, постоянно противопоставлена волку, а люди, уподобляемые козам, противопоставлены тем, кто уподобляется волкам. Естественно предположить, что коль скоро с козой связан эпитет argr, то противоположный эпитет, эпитет-антоним, должен был столь же устойчиво ассоциироваться именно с волком.

Как мы помним, в дошедших до нас текстах этот эпитет-антоним чаще всего употреблялся в составе связанного словосочетания óarga dýr. Однако изредка, что для нас особенно важно, слово óargr фигурирует в ином качестве. За пределами выражения «лютый зверь» оно может выступать как прозвище. Нам удалось обнаружить всего лишь двух носителей этого раритетного именования. Один из них — некий Торбьёрн óargi, упоминаемый в «Книге о занятии земли» [Lnd., 120, 227]. О его судьбе, кажется, решительно ничего не известно, кроме того, что он был отцом двух поселенцев в Исландии, Торбранда и Асбранда.

Гораздо более известен другой обладатель прозвища óargi. Для нас весьма существенно, что его носил человек по имени Ульв (Úlfr = «Волк»). Это Ульв óargi, прапрадед знаменитого исландского скальда Эгиля Скаллагримссона. То обстоятельство, что в его роду волчья семантика имени не была нивелирована, стерта, демонстрируется, например, в рассказе о его внуке, который был назван в его честь Ульвом, а впоследствии получил еще и прозвище «Вечерний». В совокупности его имя и прозвище образовывали сочетание «Вечерний Волк» (Kveld-úlfr), которое находит свое объяснение в саге. Рассказывается, что поведение Квельдульва радикально различалось в зависимости от времени суток:

«...он мог дать добрый совет в любом деле, потому что отличался большим умом, но каждый раз, когда вечерело, он начинал избегать людей... к вечеру он делался сонливым. Поговаривали, что он оборотень...»[12]

Если имя и прозвище внука явным образом осмыслялось как цельное сочетание со значением «Вечерний Волк», то имя и прозвище деда, Úlfr óargi, с большой вероятностью могло трактоваться как «Лютый Волк». Прозвище-эпитет «вечерний» в значительной степени обусловлено, детерминировано именем. Вместе они обозначают оборотня, вервольфа, того, кто вечером оборачивается волком. Естественно предположить, что и прозвище-эпитет óargi также детерминировано собственным именем Волк (= Úlfr), т. е. óargr подчеркивает то бесстрашие или ту свирепость, которые свойственны именно волку. Прозвища деда и внука, таким образом, обретают законченный смысл лишь в связке с их «говорящими» именами. Иными словами, Úlfr óargi является почти таким

11 *Svá hafði Helgi // hrædda görva // fiándr sína alla // ok frændr þeira, // sem fyr úlfi // óðar rynni // geitr af fialli, // geiska fullar! [HH II, 154; СЭ, 90, строфа 37].*

12 *Kunni hann til alls góð ráð at leggja, því at hann var forvitri. En dag hvern, at kveldi leið, þá gerðisk hann styggr, svá at fáir menn máttu orðum við hann koma. Var hann kveldsvæfr. Þat var mál manna, at hann væri mjök hamrammr... [Eg., 2; ИС, I, 23]. Отметим также, что отца Квельдульва звали Бьáлфи, что означает «звериная шкура» [Гуревич & Матюшина 2000, 261].*

же связанным словосочетанием, как и óarga / úarga dýr, только на месте лексемы dýr «зверь» в данном случае оказывается лексема úlfr «волк»[13].

Эпитет «лютый» (óargi) оказывается естественным продолжением имени Волк (Ульв). В определенном смысле обладатель этого имени не может не быть бесстрашным. Именование волка «трусливым» отчасти являет собой такой же немыслимый оксюморон, как именование козы «смелой, отважной» (см. выше). Вопиющая противоречивость сочетания «трусливый волк» обыгрывается в том эпизоде «Саги об Олаве Святом» из «Круга Земного», где речь идет о ссоре конунга Кнута Великого и ярла Ульва, отца будущего правителя Дании Свейна Эстридссона.

Ярл Ульв изображается в саге мудрым правителем и отважным воином, в частности, именно он спасает конунга Кнута от окончательного разгрома у реки Хельги. Вскоре после этой битвы Кнут Великий, разгневавшись на Ульва, своего зятя[14], приказывает убить его, и это убийство описывается как кровавое злодеяние, попирающее все законы и обычаи. При этом в ссоре за игрой в шахматы, послужившей причиной всему произошедшему, конунг Кнут называет ярла «Ульвом трусливым» (Úlfr hinn ragi), что, разумеется, было воспринято ярлом как грубейшее оскорбление:

«Когда конунг Кнут и Ульв ярл играли в шахматы, конунг сделал неверный ход, и ярл взял его коня. Конунг взял свой ход обратно и сказал, что сделает другой ход. Ярл рассердился, сбросил шахматную доску и пошел прочь. Конунг сказал: «Ты бежишь, Ульв Трусливый?» Ярл остановился в дверях, обернулся и сказал: «Это ты бежал бы у Хельги Реки, если бы мог! Ты не называл меня Ульвом Трусливым, когда я со своими кораблями пришел к тебе на помощь. Шведы избивали вас там, как собак»[15].

В саге наделение ярла Ульва эпитетом hinn ragi — это в определенном смысле первый абсолютно недопустимый поступок Кнута в чреде дальнейших беззаконий. Ярла убивают в церкви на Михайлов день, прямо в алтаре, а конунг подкупает монахов, чтобы они не закрывали церковь и продолжали отправлять службы. Очевидно, что человек со «звериным» именем Ульв мог наделяться самыми различными прозвищами, и лишь прозвище hinn ragi было совершенно неприложимо к его имени. В сущности, характер ярла и семантика его имени оказываются в равной мере несовместимы с таким прозвищем. Сказанное полностью подтверждает другой эпизод из «Круга Земного», где эпитет ragr ситуативно вновь связывается со «звериным» именем Ульв (Úlfr = «Волк»). В «Саге об Олаве Трюггвасоне» описывается подготовка конунга Олава к решающей морской битве, в которой ему суждено было погибнуть:

«Конунг громко крикнул, приказывая продвинуть вперед его большой корабль, чтобы он не оказался сзади всех других кораблей. Тогда Ульв Рыжий <Úlfr inn rauði, знаменосец конунга Олава. — Ф. У.> отвечает: «Если Змей будет настолько дальше выдвинут вперед, насколько он длиннее других кораблей, то здорово будет доставаться тем, кто стоит на его носу!» Конунг говорит: «Не знал я, что тот, кто стоит на носу моего корабля, не только рыж, но и труслив (rauðan ok ragan)». Ульв говорит: «Попробуй-ка защити так спиной корму, как я буду защищать нос!» Конунг схватил лук, положил на него стрелу и стал целить в Ульва. Ульв сказал: «В другую сторону стреляй, конунг, туда, куда нужнее. Ведь для тебя делаю я то, что делаю» [КЗ, 161; Hkr., I, 440; Flat., I, 480; ÓTOdd, 208–209].

В отличие от рассказа о Кнуте Великом и ярле Ульве здесь связь между «звериным» именем знаменосца и оскорбительным эпитетом не столь эксплицитна, но приведенный эпизод можно

13 *При этом прозвища со значением «смелый, храбрый, отважный» были весьма распространены, но в них задействовались другие лексемы, обозначающие эти качества (например, frœkni).*

14 *Ярл Ульв был женат на сестре Кнута Великого, Эстрид-Маргарете.*

15 *En er þeir léku at skáktafli, Knútr konungr ok Úlfr jarl, þá lék konungr fingrbrjót mikinn; þá skœkði jarl af honum riddara; konungr bar aptr tafl hans ok segir, at hann skyldi annat leika; jarl reiddisk ok skaut niðr taflborðinu, stóð upp ok gekk í brot. Konungr mælti: «rennr þú nú, Úlfr inn ragi». Jarl snøri aptr við dyrrin ok mælti: «lengra myndir þú renna í Ánni helgu, ef þú kvœmir því við; kallaðir þú eigi þá Úlf inn raga, er ek lagða til at hjálpa þér, er Svíar börðu yðr sem hunda» ([Hkr., II, 371–372; КЗ, 315]; ср.: [Flat., II, 283; Fms., IV, 366–367]).*

рассматривать как попытку Олава обыграть, видоизменить, а точнее, расширить прозвище своего сторонника. Остро́та Олава построена, так сказать, на устранении границ между окказиональным и устойчивым в характеристике Ульва.

При этом, хотя высказывание Олава достаточно лапидарно и даже заключено в аллитерирующую формулу (rauðan ok ragan «рыжий и робкий»), попытка наделить знаменосца еще одним прозвищем не увенчалась успехом. В обмене репликами, в борьбе за Великого Змея побеждает Ульв: эпитет ragr как бы «повисает в воздухе», не превращается из незаслуженного оскорбления в элемент именования. Шутка конунга явно не удалась. Иными словами, семантика «звериных» имен не была изолирована от тех языковых и культурных коннотаций, которые связывались с обозначением соответствующего животного. Обладателю имени Ульв (= Волк) не должны были приписываться качества, которые несовместимы с образом волка в культуре.

Невольно возникает вопрос, что за образ представлялся древним скандинавам за именованием Лютый Волк. До сих пор мы рассуждали так, как будто слово óargr только подтверждает волчью сущность, ничего не добавляя к ней. По-видимому, дело обстояло все же несколько иначе. Можно допустить, что Лютый Волк мог восприниматься как нечто более обобщенное, некоторое воплощение лютости, которая связана и одновременно не связана с волком как просто представителем зоологического вида.

Основание для такого утверждения нам дает, например, изображение на одном из рунических камней рубежа X–XI вв., где вырезан рунический Зверь, который с виду не больше напоминает волка, чем все прочие звери на других камнях (Рис. 5). Однако рядом с этим Зверем изображено нечто, в чем исследователи, в частности Д. Эллмерс, склонны усматривать корабль мертвых, Нагльфар. Если это предположение верно, то довольно естественно связать и изображение Зверя с образом волка Фенрира, а весь иконографический сюжет на камне с эсхатологическим мотивом, когда приплывет Нагльфар, а освободившийся волк будет наступать с разверстой пастью [Ellmers 1986, 364].

Рис. 5. Рунический камень из Тулльсторп (Швеция)

В данном случае у нас есть еще одна зацепка для такого прочтения, не на уровне иконографии, но на уровне текста. Этот камень поставлен по умершему, которого звали не как-нибудь иначе, а Ульв. Именно ради него, ради этого Ульва рунический Зверь мог быть изображен, так сказать, в своей волчьей ипостаси. Как я попытаюсь показать в дальнейшем, эта волчья ипостась и является ключевой, хотя и не единственной для интересующего нас выражения óarga dýr.

До сих пор мы занимались преимущественно определением, входящим в интересующее нас словосочетание, т. е. эпитетом óargr и прилагательным argr, от которого оно образовано. Напомним еще раз, что это прилагательное довольно редкое, с явно ограниченной способностью к сочетаемости: в доступных нам текстах оно, как правило, определяет слово dýr. Безусловно, óarga dýr следует рассматривать как целостное сочетание, и то, что мы с ним проделываем, расчленяя его на составляющие, возможно только при условии, что, анализируя семантику частей, мы все время будем помнить о существовании целого. Особенно это важно при анализе слова dýr, поскольку

здесь невозможно, да и не нужно, останавливаться на всех аспектах его словарного значения или рассматривать все имеющиеся контексты, каковых, разумеется, великое множество. Нас будут интересовать лишь некоторые, особые случаи, связанные с миром эвфемизмов, табуистических переименований и скрытых имен.

В первую очередь нас интересует то, что напрямую связано с именами, так как именно с именами удалось получить некоторые интересные результаты, связанные с прилагательным óargr. Что касается эвфемистической замены, отсылающей к родовым именованиям, то для нас представляет большой интерес один эпизод из «Старшей Эдды», когда самый знаменитый из Волсунгов, Сигурд Драконобойца, стремясь избежать проклятия умирающего дракона, не называет своего имени, а сообщает, что он «родовитый (украшенный знатностью) зверь» (göfukt dýr):

«Юнец, юнец! Кем ты рожден?
Чей сын ты, ответь?
О Фафнира ты свой меч окровавил;
в сердце стоит он!»

Сигурд скрыл свое имя, потому что в древние времена верили, что слова умирающего могущественны, если он проклинает своего недруга, называя его по имени. Он сказал:

«Я зверь благородный, был я всю жизнь сыном без матери; нет и отца, как у людей, всегда одинок я»[16].

Ответ Сигурда, несмотря на свою нарочитую загадочность, был, по-видимому, достаточно прозрачен для аудитории, хорошо знакомой с генеалогией героя. Дело в том, что одним из устойчивых прозваний Волсунгов, отсылающим именно к преданию о Сигмунде и Синфьотли, которые обладали способностью превращаться в волков, было Ильвинги (Ylfingar), т. е. Волчата или Волчичи[17].

Таким образом, указывая свое родовое имя описательно, Сигурд сообщает, что он из знатного рода зверей, иносказательно подчеркивает свою принадлежность к роду Волчичей [Breen 1999, 34–35]. Иначе говоря, словосочетание «родовитый зверь» может быть истолковано здесь как «принадлежащий к волчьему роду». Нет необходимости лишний раз напоминать о том, сколь значительное место волчья символика занимает в цикле о Нифлунгах в целом: «волчье» происхождение Вёльсунгов вновь и вновь актуализируется во многих поворотах и деталях сюжета. Несколько упрощая дело, можно сказать, что в рамках цикла о Нифлунгах зверь — это по преимуществу волк, слово «зверь» является почти синонимом волка.

Хорошо известно, что разного рода «звериные» имена занимают особое место в германском и, в особенности, в скандинавском именослове. Нас при этом интересуют те специфические имена-маски, которые принимаются, как и в случае с Сигурдом Драконобойцей, лишь на время и при особых обстоятельствах. Речь идет о названиях зверей, которые выбирали себе в качестве псевдонима люди, совершившие преступление, беглецы, изгнанники, те, кто по тем или иным причинам разрывает свои связи с социумом. Как явствует из саг, зачастую они берут себе имена Волк (Ульв), Медведь (Бьёрн), Ворон (Хравн) и т. п. [Breen 1999]. По-видимому, в данном случае мы имеем дело не с изощренным литературным приемом, а с отражением некоторой достаточно архаической реальности: согласно правилу древненорвежского судебника, убийца, заявляя о содеянном, должен был объявить свое истинное имя, а «не называться волком или медведем»[18].

---

16 *«Sveinn! ok sveinn // hveriom ertu sveini um borinn? // Hverra ertu manna mögr? // er þú á Fáfni rautt // þinn inn frána mæki: // stöndomk til hiarta hiörr!» Sigurðr duldi nafns sins, fyrir því at þat var trúa þeira í forneskio, at orð feigs mannz mætti mikit, ef hann bölvaði óvin sinom með nafni. Hann kvað: «Göfukt dýr ek heiti, // en ek gengit hefk // inn móðurlausi mögr; // föður ek ákka, // sem fira synir, // geng ek æ einn saman!» ([Fm., 176; СЭ, 104, строфы 1–2]; ср.: [Völs. 1906–1908, 42]).*

17 *Ср.: «Конунг Сигмунд и его род назывались Вельсунги и Ильвинги» (Sigmundr konungr ok hans ættmenn héto Völsungar ok Ylfingar) [HH II, 146; СЭ, 85].*

18 *...callasc hvarke ulfr. ne biorn nema sva heiti hann [NGL, I, 61, § 156].*

При этом для всех совершивших преступление (прежде всего, убийство) и объявленных вне закона людей в языке права присутствовало общее обозначение vargr «изгой, изверг, враг, отторгнутый обществом» [Jacoby 1974, 111–121]. Как известно, однако, за пределами скандинавских юридических текстов это слово значило также «волк». Здесь мы вступаем в ту область, где значения определяющих и определяемых слов пересекаются, накладываются, как бы прорастают друг в друга. Значения «изгой» и «волк» отнюдь не всегда были противопоставлены друг другу, в определенном смысле они не были расчленены. Так, описательно объявленный вне закона одновременно именовался «бродящим по лесу» или «лесным человеком» (skóggangs-maðr, skógarmaðr), сама же процедура объявления вне закона называлась, соответственно, «изгнанием, уходом в лес» (skóggangr). При этом следует заметить, что в поэтическом языке кеннинги и хейти (синонимы), связанные с лесом (типа «лесной житель, обитатель леса»; ср, например, skógar skœðasögn) относятся именно к волку, а не кому-либо из других лесных хищников. Вообще говоря, слово vargr в текстах, по-видимому, связано (хотя и совершенно различными способами) с обоими элементами выражения óarga / úarga dýr и со всем этим словосочетанием в целом. Специфическая связь понятий vargr, dýr и úlfr особенно явно проступает в комментарии Снорри Стурлусона к слову vargr, который он предлагает в тексте «Младшей Эдды». В «Языке поэзии» Снорри дает перечень хейти целого ряда животных, и открывается этот список описанием именно слова vargr:

> *«Vargr называется зверь. Его следует упоминать в кеннингах крови и трупов, называя их его пищей и его питьем. Не годится брать для этих кеннингов названия других зверей. Vargr зовется и волк...»*[19]

Сам по себе этот фрагмент достаточно сложен для интерпретации. Разумеется, приведенное описание в первую очередь имеет отношение к лексикографическим представлениям автора XIII в. Снорри выступает здесь как крупный знаток и чуткий ценитель архаики, но едва ли как непосредственный носитель древней дохристианской традиции и архаических языковых представлений. Для нас весьма существенно, однако, что, согласно Снорри, vargr — это зверь вообще, но при этом из всех конкретных зверей этим словом может быть обозначен только волк.

Чем же, однако, нам может помочь слово vargr в поиске «рефлексов» первоначального, дописьменного значения óarga dýr в письменных источниках? При интерпретации высказывания Снорри необходимо учитывать очевидное сходство графического и фонетического облика слова vargr и слова úargr (óargr), сходство, иногда доходящее в рукописной традиции до полного тождества. В самом деле, одной из распространенных форм интересующего нас прилагательного является úargr, которая на письме довольно часто передавалось как vargr. Поскольку, как мы помним, прилагательное óargr / úargr употреблялось регулярно только со словом «зверь» (dýr), то графически это словосочетание нередко выглядело как it varga dyr (в рукописи «Гнилой Кожи» [Msk., 351]; ср. также: hin vaurgu dyr (в редакции А «Саги о Тидреке Бернском» [Þiðr., I, 353]).

Могло ли такое начертание напрямую вводить в заблуждение и интерпретироваться как *«волко-зверь», *«зверо-волк» или «зверь-изверг»?[20] Едва ли, тем более что такое чтение игнорировало бы грамматический строй языка. Могла ли, однако, возможность такого прочтения обыгрываться авторами XIII — XIV вв.? По-видимому, могла. Более того, кажется вполне допустимым, что они

---

19 *Vargr heitir dýr; þat er rétt at kenna við blóð eða hræ svá, at kalla verð hans eða drykk; eigi er rétt at kenna svá við fleiri dýr. Vargr heitir ok úlfr... [SnE, 129; МЭ, 89].*

20 *В свое время сходство vargr и úargr послужило стимулом для их этимологического сближения. В частности, весьма нетривиальная этимология слова úargr была предложена в едва ли не самом авторитетном словаре древнеисландского языка Ричарда Клизби [Cleasby & Vigfusson, 658]. Трактовка Р. Клизби сводится к следующему: слово óargr, возможно, является не отрицательной формой прилагательного argr / ragr, но происходит непосредственно от слова vargr и первоначально выглядело как *of-vargr, на что и указывает написание в рукописях, о которых я говорил выше. Таким образом, *of-vargr означает своего рода «сверхволк» или «сверхизверг», а выражение óarga dýr исходно означало нечто вроде «зверя со сверхволчьей природой». Нетрудно заметить, что такое понимание очень хорошо, даже слишком хорошо вписывается в нашу картину бытования этого выражения. Тем не менее, этимология Клизби не вызывает немедленного желания к ней присоединиться.*

представляли довольно широкий круг значений слов, вовлекающихся в эту игру. Выражение óarga / úarga dýr могло связываться со словом vargr «изгой, изверг, волк, зверь», в то же время оно могло непосредственно ассоциироваться со львом как символом хищности в энциклопедической традиции и с волком, с которым, как мы предполагаем, оно было связано исконно. Например, в поэтическом тексте конца XII — начала XIII в., «Пророчестве Мерлина», где вместе упоминаются волки и львы, лев мог обозначаться как leó-vargr, т. е. «лев-изверг, лев-зверь» или «лютый лев», хотя волк назван здесь поэтическим термином gylðir [Merl., 21–22, строфа 52].

* * *

Итак, за выражением óarga dýr проступает животное-символ, животное-аллегория, которое при необходимости может быть отождествлено с конкретным существом. Мы предположили, что для автохтонной западноскандинавской традиции таким существом мог быть прежде всего волк, волк как воплощение хищности, свирепости, лютости, но и могущества, хищной силы. Не исключено, что первоначально интересующее нас выражение и было эвфемистическим обозначением волка — отголоски, следы подобной функции этого словосочетания в письменной традиции мы попытались продемонстрировать выше. Однако символическую, отвлеченную составляющую это выражение приобретает, судя по всему, достаточно рано. Самый описательный характер эвфемизма порождал богатые возможности языковой игры. Сильно огрубляя дело, можно сказать, что в дописьменную эпоху так могло именоваться и некое «воплощение звериности», и волк, тогда как в письменную эпоху — «воплощение звериности» и лев, причем в обоих случаях частное как бы не отделялось от общего. Легкость изменения значения этого выражения в книжной традиции демонстрирует изначально присущее ему богатство семантических возможностей и многоликую природу скрывающегося за ним означаемого. Разумеется, мы по-прежнему, как и в начале работы, не можем определить наверняка, как скандинавы называли своего рунического Зверя, но, как кажется, выражение óarga dýr — «лютый зверь» — больше всего соответствует природе его изображений. При необходимости выражение óarga dýr, а, по-видимому, и изображение Зверя на руническом камне наделялось более или менее узким и конкретным значением. Однако никогда это значение не утрачивало связи с тем неопределенным, многообразным и тем не менее вполне понятным носителю культуры обобщенным смыслом.

Экскурс

Избранный нами перевод древнескандинавского устойчивого словосочетания óarga dýr конструкцией лютый зверь, конечно же, не случаен. Исследователям средневековой Руси хорошо знакома проблема древнерусского выражения «лютый зверь», встречающегося прежде всего в знаменитом «Поучении» князя Владимира Мономаха и в «Слове о полку Игореве». Вообще говоря, судьбы восточнославянского и западноскандинавского словосочетаний столь поразительно похожи, что мысль о взаимодействии двух культурных традиций в этой точке напрашивается сама собой.

Счастливым образом сохранившиеся в составе Лаврентьевской летописи труды Владимира Мономаха исследовались с самых разных точек зрения, анализировались сотнями самых разных заинтересованных людей с самыми разнообразными научными интересами. Однако едва ли какое-либо выражение из текста «Поучения» привлекало к себе столь же пристальное внимание, как интересующая нас конструкция.

Можно сказать, что этот *лютый зверь,* напавший на Владимира Мономаха, успел обрасти за полтора столетия густой шерстью научных разысканий, но мы по-прежнему не в состоянии установить со всей определенностью, кто же он такой. На первый взгляд, желание уточнить и конкретизировать это обозначение вполне оправдано, поскольку у Мономаха оно употреблено в контексте, который подразумевает полную определенность ситуации:

«а се в Черниговѣ дѣꙗлъ ѥсмъ. конь дикиѫ̂ своима рукама свꙗзалъ ѥсмь. въ пушаѫ̂. і ̑. и. к. живыѫ̂ конь. а кромѣ того иже по Рови ѣздꙗ ималъ ѥсмъ своима рукама тѣ же кони дикиѣ. тура мꙗ. в ̑. метала на розѣѫ̂ и с конемъ. ѡлень мꙗ ѡдинъ болъ. а. в. лоси ѡдинъ ногами топталъ. а другыи рогома болъ. вепрь ми на бедрѣ мечь ѿтꙗлъ. медвѣдь ми у колѣна подъклада оукусилъ. лютыи звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры. и конь со мною поверже. и Бъ ̑ неврежена мꙗ съблюде» [ПСРЛ, I, 251].

а се в Черниговѣ дѣꙗлъ ѥсмъ . конь дикиѫ̂ своима рукама свꙗзалъ ѥсмь . въ пушаѫ̂ . і ̑ . и . к . живыѫ̂ конь . а кромѣ того иже по Рови ѣздꙗ ималъ ѥсмъ своима рукама тѣ же кони дикиѣ . тура мꙗ . в ̑ . метала на розѣѫ̂ и с конемъ . ѡлень мꙗ ѡдинъ болъ . а . в . лоси ѡдинъ ногами топталъ . а другыи рогома болъ . вепрь ми на бедрѣ мечь ѿтꙗлъ . медвѣдь ми у колѣна подъклада оукусилъ . лютыи звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры . и конь со мною поверже . и Бъ ̑ неврежена мꙗ съблюде [ПСРЛ, I, 251].

Примеры употребления словосочетания лютый зверь в различных древнерусских текстах уже собраны в изобилии в целом ряде работ. При этом, как кажется, единого взгляда на классификацию и интерпретацию этих данных так и не сложилось[21], поэтому мы сосредоточимся по преимуществу на двух уже упоминавшихся случаях самого раннего его употребления и на сопоставлении их с только что рассмотренным скандинавским материалом.

Если предположить, что древнерусское выражение развивалось хотя бы в приблизительном типологическом соответствии со скандинавским óarga / úarga dýr, то оказывается, что оно как нельзя лучше отвечает той риторической и стилистической стратегии, которой придерживается в своем «Поучении» Владимир Мономах.

В самом деле, одной из особенностей построения текста «Поучения» является, как кажется, последовательное обыгрывание различного уровня формул. Мономах использует прямые и скрытые цитаты, фрагменты богослужебных и юридических текстов, устойчивые языковые клише, которые он наполняет новым смыслом, конкретным автобиографическим содержанием. Весьма характерный пример подобной авторской стратегии мы обнаруживаем в пассаже «о травмах», непосредственно следующем за описанием княжеских охотничьих трудов.

Балансируя на грани предельного автобиографизма и литературной цитации, Мономах использует в своем изложении почти каламбурный повтор слова *голова:*

«...лютыи звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры. и конь со мною поверже. и Бъ ̑ неврежена мꙗ съблюде. и с конꙗ много падаѫ̂. голову си розбиѫ̂ дважды. и руцѣ и ногъ свои вередиѫ̂. въ оуности своєи вередиѫ̂ не блюда живота своєго. ни щадꙗ головы своєѣ» [ПСРЛ, I, 251].

метафор не позволяет упоминание летописи о том, что «ієг
же роди мт̄и ѿ вълхованыꙗ . мт̄ри бо родивши ієго . быс ієг
ꙗзвено на главѣ ієго . рекоша бо волсви мт̄ри ієго . се ꙗзве
навꙗжи на нь . да носить є до живота своєго . єже носить Всє
лавъ и до сего дн̄е на собѣ . сего ради немлс̄твъ єсть на кроє

Примеры подобного столкновения абстрактных и конкретных смыслов в «Поучении» легко можно было бы умножить. Лютый зверь под таким углом зрения может трактоваться и как конкретный

21 *Литература, посвященная лютому зверю в древнерусских источниках, достаточно обширна. Обзор точек зрения на это словосочетание и перечень основных работ о нем можно найти в статьях Т.А. Сумниковой [1986] и Н.В. Савельевой [1995, 190], хотя у последнего автора отсутствуют упоминания некоторых важных статей (в частности, не указаны пространная заметка В.Н. Топорова [1988, 249–258] и работа И.Э. Клейненберга [1969]). Из относительно недавних трудов, так или иначе затрагивающих тему лютого зверя, см., например: [Королев 1998; Топорков 2005, 46–110] Следует отметить, что для разработки нашей собственной концепции наиболее важными оказались работы Ф. Буслаева [1851, 11–17] и H. Beck'a [1972, 97–111] (последняя, подчеркнем, представляет собой обзор скандинавских примеров, древнерусский материал в ней не затрагивается вовсе).*

хищник — будь то барс, тигр, рысь, лев, медведь или волк, и как обобщенный образ хищника, врага охотящегося князя.

Такая двойная риторическая нагрузка особенно оправдана в итоговой точке какого-либо описания или перечня, каковой, в сущности, и является в пассаже об охотничьих трудах эпизод с лютым зверем. Согласно нашему предположению, Мономах использует словосочетание *лютый звѣрь* именно потому, что оно совмещает в себе эвфемистическое указание на конкретного хищника (мы полагаем — волка)[22] и максимально обобщенное обозначение свирепого зверя, своего рода собирательный образ врага человека на охоте.

Иными словами, князь обыгрывает многозначность этой конструкции; более того, благодаря своей многозначности она и попадает в текст. Повторимся: перед нами не просто случай обыкновенной полисемии, а пример, когда у словосочетания присутствуют несколько разноуровневых значений. Эти значения, как правило, реализуются в различных контекстах, но здесь они сведены авторской волей воедино.

При этом пример подобного использования сочетания лютый зверь в древнерусских источниках, как кажется, не вполне уникален. Аналогичным образом дело обстоит и в другом, не менее знаменитом памятнике, в «Слове о полку Игореве». Здесь, как мы помним, князь Всеслав Полоцкий «скочи… лютымь звѣрьмь въ полуночи из Бѣла-града: обѣси ся сини мьглѣ» [Виноградова 1965, 22–23]. По-видимому, в этой фразе сочетается метафорический и, парадоксальным образом, вполне конкретный смысл.

Действительно, речь здесь может идти о тро́пе, характеризующем, сколь быстро и тайно перемещался князь Всеслав. В то же время у нас есть все основания полагать, что такого рода троп появляется под воздействием общей темы оборотничества Всеслава. В самом тексте «Слова» говорится, что «Вьсеславъ кънязь людьмъ судяше, кънязьмь грады рядяше, а самъ въ ночь вълкъмь рискаше: ис Кыева дорискаше до куръ Тьмутороканя, великому Хърсови вълкъмь путь прѣрискаше». При этом счесть весь этот ряд набором поэтических метафор не позволяет упоминание летописи о том, что

«ѥгоже роди мт҃и ѿ вълхвованьѣ. мт҃ри бо родивши ѥго. бы҃с ѥму ѕвено на главѣ ѥго. рекоша бо волсви мт҃ри ѥго. се ѕвено навѧжи на нь. да носить є до живота своѥго. еже носить Всеславъ и до сего дн҃е на собѣ. сего ради немл҃ствъ єсть на кровьпролитьє» [ПСРЛ, I, 155][23].

ше». При этом счесть весь этот ряд набором поэтических метафор не позволяет упоминание летописи о том, что «ѥгоже роди мт҃ти ѿ вълхвованьѣ . мт҃ри бо родивши ѥго . бы҃с ѥму ѕвено на главѣ ѥго . рекоша бо волсви мт҃ри ѥго . се ѕвено навѧжи на нь . да носить є до живота своѥго . еже носить Всеславъ и до сего дн҃е на собѣ . сего ради немл҃ствъ єсть на кровьпролитьє» [ПСРЛ, I, 155][22].

Таким образом, в двух памятниках, описывающих события на Руси XI в., выражение лютый зверь едва ли могло быть связано со львом или каким-то другим экзотическим хищником. Между тем, в переводных текстах и текстах, опирающихся на инокультурные образцы, это словосочетание может прилагаться к барсу, крокодилу, леопарду и другим свирепым экзотическим животным. Чаще всего, однако, в этих текстах оно связывается со львом как символом свирепости и хищности. Сопоставление со скандинавским материалом позволяет увидеть, какими путями в языке и в источниках в принципе могла происходить подобная эволюция значения.

Существенно упрощая дело, можно сказать, что на одном этапе существования литературного языка словосочетание *лютый звѣрь* совмещало в себе два значения: конкретный хищник (скорее

22 *О возможном эвфемистическом характере русского «лютый зверь» см., например: [Ларин 1951, 193]; ср. также: [Сумникова 1986, 68–69].*

23 *Об этом свидетельстве и оборотничестве Всеслава см. подробно: [Буслаев 1859, 10, 20; Jakobson & Szeftel 1966, 341–353].*

всего, волк) и свирепый, бесстрашный зверь вообще. На следующем же этапе функция эвфемистического обозначения определенного хищника, обитавшего на Руси, отходит на второй план, и конструкция «лютый зверь» уже служит для того, чтобы обозначать экзотическое животное, аллегорию свирепости, бесстрашия. Первое место среди такого рода аллегорических хищников, несомненно, принадлежало льву, но довольно трудно определить, может ли быть поставлен знак равенства между сочетанием лютый зверь и словом «лев» даже на уровне конкретного текста. В целом же функция словосочетания «лютый зверь» в русских письменных памятниках несводима к обозначению конкретного животного. Можно допустить при этом, что для авторов «Поучения» и «Слова о полку Игореве» волк еще вполне ощущался в качестве денотата этого выражения.

Сокращения и литература

1. *Мельникова 2001 — Е.А. Мельникова. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации: Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы.)*
2. *Beck 1972 — H. Beck. Hit óarga dýr und die mittelalterliche Tiersignificatio // Saga og sprak: Studies in Language and Literature / Ed. by John M. Weinstock. Austin, Texas, 1972.*
3. *Ver. — Veraldar saga / Udg. Jakob Benediktsson. Kbhn., 1944. (STUAGNL 61.)*
4. *Konr. — Konráðs saga // Fornsøgur suðrlanda / Udg. Gustav Cederschiöld. Lund, 1884.*
5. *Konr. 1988 — Konráðs saga Keisarsonar / Ed. O.J. Zitzelsberger. NY.; Bern; Frankfurt a. M.; Paris, 1988.*
6. *Mírm. — Mírmáns saga // Riddara Sögur / Ed. E. Kölbing. London; Strassburg; London, 1872.*
7. *Mírm. 1997 — Mírmanns saga / Ed. by D. Slay. Copenhagen, 1997. (Editiones Arnamagnæanæ. Series A 17.)*
8. *Hrólf. — Hrólfs saga Gautrekssonar // Zwei Fornaldarsøgur nach Cod. Holm 7, 4to / Hrsg. F. Detter. Halle a. S., 1891.*
9. *Weisweiler 1923 — J. Weisweiler. Beiträge zur Bedeutungsentwicklung germanischer Wörter für sittliche Begriffe. Erster Teil // Indogermanischen Forschungen. 1923. Bd. XLI.*
10. *GNH — Gammel Norsk Homiliebog □Codex Arn. Magn. 619. Q. V.□ / Udg. G.R. Unger. Chr., 1864.*
11. *Floam. — Floamannasaga / Udg. ved Finnur Jónsson. Kbhn., 1932. (STUAGNL 56).*
12. *Floam. 1860 — Flóamannasaga // Fornsögur: Vatnsdœlasaga, Hallfreðarsaga, Flóamannasaga / Hrsg. Guðbrandr Vigfússon, Th. Möbius. Leipzig, 1860.*
13. *Bjarn. — Bjarnar saga Hitdœlakappa / Hrsg. von R. Boer. Halle, 1893.*
14. *Гуревич & Матюшина 2000 — Е.А. Гуревич, И.Г. Матюшина. Поэзия скальдов. М., 2000.*
15. *Gade 1986 — K.E. Gade. Homosexuality and Rape of Males // Scandinavian Studies. 1986. Vol. LVIII/2.*
16. *NGL, I–V — Norges gamle Love indtil 1387. Chr., 1846–1895.*
17. *Lnd. — Landnámabók I–III: Hauksbók. Sturlubók. Melabók. Kbhn., 1900.*
18. *КЗ — Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот.: А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.*
19. *Hkr., I–IV — Heimskringla / Udg. ved Finnur Jónsson. Kbhn., 1893– 1900/1901. (STUAGNL 23.)*
20. *Flat., I–III — Flateyjarbók / Udg. af Guðbrandr Vigffusson, C.R. Unger. Chr., 1860–1868.*
21. *ÓTOdd — Saga Óláfs Tryggvasonar af Odd Snorrason munk / Udg. ved Finnur Jónsson. Kbhn., 1932.*
22. *Ellmers 1986 — D. Ellmers. Schifdarstellungen auf skandinavischen Grabsteinen // Zum Problem der Deutung frühmittelalterlicher Bildinhalte. Akten des 1. Internationalen Kolloquiums in Marburg a. d. Lahn, 15. bis 19. Februar, 1983 / Hrsg. von H. Roth. Sigmaringen, 1986.*
23. *Breen 1999 — G. Breen. «The Wolf is at the door»: Outlaws, Assassins, and Avengers Who Cry «Wolf!» // ANF. 1999. Bd. CXIV.*
24. *Jacoby 1974 — M. Jacoby. Wargus, vargr 'Verbrecher, Wolf': eine sprach- und rechtgeschichtliche Untersuchung. Uppsala, 1974. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Germanistica Upsaliensia 12.)*
25. *Msk. — Morkinskinna / Udg. ved Finnur Jónsson. Kbhn., 1932. (STUAGNL 53.)*
26. *Þiðr., I–II — Þiðriks saga af Bern / Udg. H. Bertelsen. Kbhn., 1905– 1911. (STUAGNL 34.)*
27. *Merl. — Gunnlaugr Leifsson. Merlínússpá // Kock, II.*
28. *ПСРЛ, I–XLIII — Полное собрание русских летописей. СПб./ Пг./Л.; М., 1841–2009. (В случае переиздания летописи мы, кроме специально отмеченных случаев, всегда ссылаемся на последнее издание.)*
29. *Ларин 1951 — Б.А. Ларин. Из истории слов // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л., 1951.*
30. *Сумникова 1986 — Т.А. Сумникова. О словосочетании лютый зверь в некоторых памятниках восточнославянской письменности // Балто-славянские исследования 1984. М., 1986.*
31. *Буслаев 1859 — Ф. Буслаев. Русская поэзия XI и начала XII века // Летописи русской литературы и древности / Изд. Н. Тихонравовым. т. I. М., 1859.*
32. *Jakobson & Szeftel 1966 — R. Jakobson, M. Szeftel. The Vseslav epos // Roman Jakobson. Selected Writings. Vol. IV. Paris, 1966.*

Об историчности описаний древнескандинавского священного пира в сагах[1]

Илья Борисович ГУБАНОВ
к.и.н., старший научный сотрудник отдела европеистики
Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург, Россия

ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИЕ дома каркасно-столбовой конструкции с центральными очагами фиксируются с римского железного века. Основная функция древнегерманского дома с центральным очагом или очагами — играть роль пиршественного зала, причем пиршество — veizla — зачастую носило сакральный характер, а священный пир был основным культовым действом древних скандинавов.

Устройство древнескандинавских домов, конечно, варьировалось в зависимости, скажем, от доступности дерева, но в своих главных чертах мало менялось на протяжении столетий. По хорошо сохранившемуся археологическому исландскому материалу выделяются два типа древнескандинавских домов с центральными очагами.[1]

В малых домах с единственным центральным очагом крыша опиралась на два ряда деревянных столбов. Таковы, скажем, староладожские постройки I яруса (кольцевой древнескандинавский хутор середины VIII в.) или хорошо сохранившаяся Грелина землянка в Исландии [Ólafsson 1979] (рис. 1).

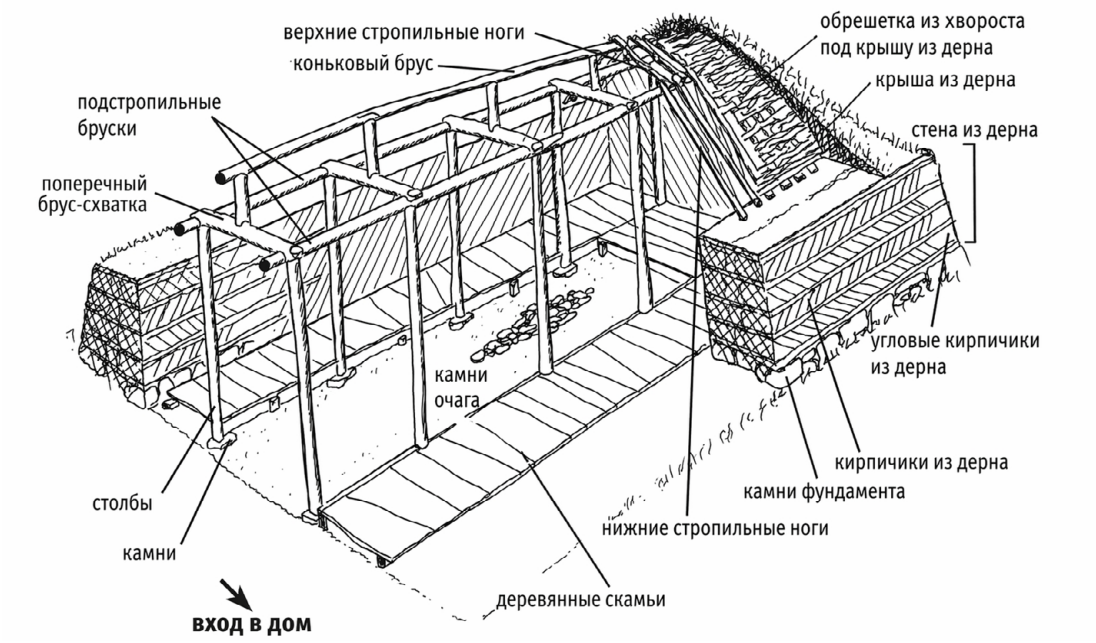

Рис. 1. Грелина землянка в разрезе. По Д.Л. Байоку

1 *Глава из книги «Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества древней Скандинавии. Исследование, тексты и переводы». Печатается с разрешение автора.*

В больших длинных домах было несколько центральных очагов по оси здания и два ряда деревянных столбов. Несущие столбы с двух сторон здания позволяли разгрузить стены, в которых теперь было возможно сделать двери, ведущие к боковым пристройкам [Einarsson 1995]. Такова, например, огромная усадьба Борг на Лафотенских островах и хорошо сохранившийся, погребенный в результате извержения Геклы, хутор Жердь в Исландии [Grǫnvold 1994] (рис. 2).

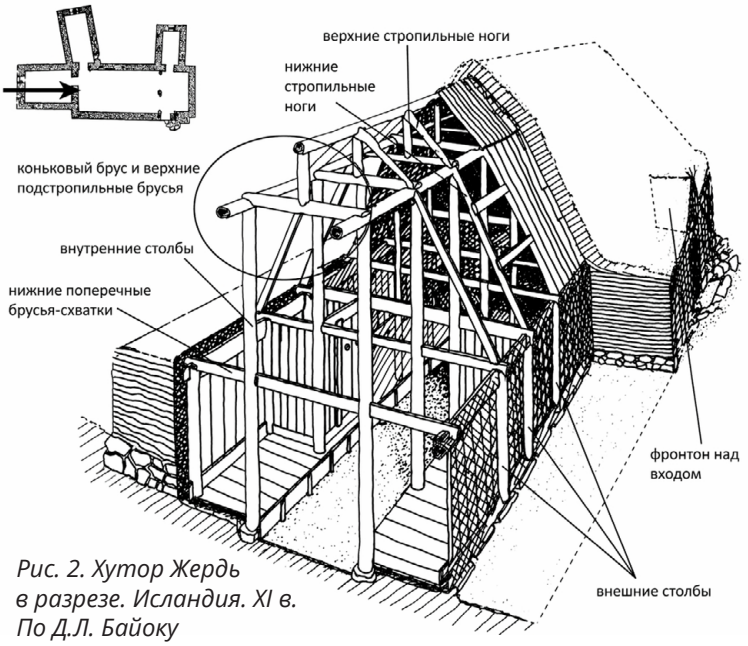

Рис. 2. Хутор Жердь в разрезе. Исландия. XI в. По Д.Л. Байоку

Такой тип жилища ясно прослеживается по крайней мере со времен римского железного века. Так, на поселении Гундеруп в Ютландии (Дания) Гудмундом Хаттом открыты и описаны типичные древнегерманские длинные дома. По кладу римских монет поселение датируется приблизительно 100 г. н. э. Типичный длинный дом в Гиндерупе имел 17 м в длину и 5 м в ширину. Западная его часть представляла собой жилое помещение и пиршественный зал, имела глиняный пол, два напольных открытых очага на центральной оси здания еще овальной формы. Крышу поддерживали два ряда деревянных столбов, всего их было двенадцать. В восточной части дома из Гиндерупа, в помещении хозяйственного назначения, пол был земляной [Hatt 1937: 168, 169, 171].

Функционально древнегерманский длинный дом каркасно-столбовой конструкции с центральными очагами по оси был приспособлен для проживания под одной крышей расширенной семьи из трех поколений родичей. Таким образом, архаическая социальная структура древнегерманского общества определила форму жилища. Подобные длинные дома существовали во многих традиционных культурах. Так, домохозяйство ирокезской расширенной семьи красочно описывается Льюисом Генри Морганом:

«Дома в их деревнях строились из переплетенных жердей и покрывались древесной корой. Длина их доходила до тридцати, пятидесяти, восьмидесяти и даже ста футов. Посредине дома шел проход, а в каждом конце была дверь. Внутри дом разделялся на помещения, отстоящие друг от друга на расстоянии приблизительно семи футов.

Образованные таким образом помещения, похожие на стойла, были открыты во всю ширину в сторону центрального прохода. Эти дома могли вместить пять, десять и двадцать семейств в зависимости от числа комнат, причем каждой семье обычно предоставлялось одно помещение. Домохозяйство строилось на принципе кровного родства. Замужние женщины, обыкновенно сестры, родные или коллатеральные, принадлежали к тому же самому роду или клану. Дома часто украшались изображениями символа рода или тотема. Мужья этих женщин и жены их сыновей принадлежали к различным другим родам. Дети состояли в роде матери. Хотя муж и жена принадлежали к различным родам, но большинство домочадцев были членами одного и того же рода, а именно рода матери <...> В каждом доме было несколько очагов, обычно один очаг на четыре помещения. Очаги помещались в середине центрального прохода, трубы в доме не было. Во главе каждого домохозяйства стояла женщина, которая и руководила всей домашней хозяйственной жизнью. Когда на всех очагах поспевала пища, приглашали домоправительницу, которая должна была распределять из котла еду для всех отдельных семейств в зависимости от их потребностей <...> Старая женщина племени сенека тридцать лет тому назад

рассказывала автору этой книги, что, когда она была молодой девушкой, она жила в таком общинном доме, называвшемся у них «длинным домом», в котором помещалось восемь семейств и имелось два очага, а ее мать и бабушка в свое время были правительницами таких огромных домохозяйств» [Морган 1934б: 42–44].

Еще более сходны с древнескандинавскими длинные дома каркасно-столбовой конструкции индейцев тихоокеанского побережья Северной Америки, что объясняется как сходством базовой социальной структуры, состоящей в обоих случаях из патрилокальных расширенных семей из трех поколений родичей, живущих под одной крышей, так и значительным сходством природных условий и ландшафтов Северо-Запада США и Канады и Северной Европы, в частности Норвегии. В отчете экспедиции Льюиса и Кларка 1805–1806 гг. на Северо-Запад США, цитируемом в последней книге Л.Г. Моргана, в частности, говорится:

«В обширных домах индейцев помещается обычно несколько семей, состоящих из родителей, их сыновей, невесток и внуков. Продовольственные запасы этих семей принадлежат всем сообща, и семейная гармония редко нарушается. <…> Жена после свадьбы немедленно переезжает в семью мужа и живет в ней, пока семья чересчур не разрастается и не приходится искать другого помещения. <…> Все дома в этой округе — это большие деревянные постройки, имеющие в длину двадцать — пятьдесят футов и в ширину 14–20 футов. Строятся они таким образом: в землю врываются два или несколько гладко обструганных столбов в зависимости от числа помещений. Высота столба над поверхностью грунта составляет 14–18 футов. Верхушки столба выдолблены таким образом, что в них удобно укладываются концы круглых балок, которые связывают все вертикальные столбы, образуя таким образом конек крыши всего здания. С каждой стороны первого ряда столбов устанавливается второй ряд высотой около пяти футов, образующий карниз крыши. Часто вся постройка врывается в землю на четыре — пять футов, таким образом, карниз крыши опущен очень низко. Между нижними и верхними столбами попарно укладываются балки, несколько более мелкие и крепко связанные с двух концов веревкой из волокна кедровой коры. Поперек этого ряда укладываются горизонтально два или три других ряда балок и укрепляются такими же перевязями из кедровой коры. Стены сделаны из белых досок, но они очень низки и верхний конец поднимается несколько выше карниза крыши. Точно так же делается фасад. Затем крыша покрывается двойным рядом тонких досок, и только в центре оставляется для выхода дыма щель в два — три фута. Входить в это помещение надо через узкое отверстие, вырезанное в стене с таким расчетом, чтобы в эту дыру могла пролезть человеческая фигура. Только самые большие дома разделяются на отдельные помещения, так как, вообще говоря, в одной комнате могут вполне свободно устроиться три или четыре семейства. В центре каждой комнаты оставляется квадрат в 6–8 кв. футов, углубленный в землю примерно на 12 дюймов и обшитый досками. Это место очага, который обычно растапливается сосновой корой. Кругом очага разостланы циновки, на которых можно и сидеть, и спать. Однако у индейцев есть и более постоянные постели, устроенные в виде нар. Для этого в двух или трех местах вколачиваются столбы приблизительно на расстоянии четырех футов от стены. К столбам этим прикрепляется один или два ряда досок, и, таким образом, по стене образуются своего рода нары, на которых индейцы спят и раскладывают свои изделия» [Морган 1934б: 47, 74–75].

Естественно, вместительный зал древнегерманского длинного дома мог служить и для дружинных пиров. Яркое описание пира дано в «Саге об Эгиле Скаллагримсоне». В ней рассказывается, как Эгиль Скаллагриммсон на норвежском о. Атлей на священном пиру в честь дис убивает человека конунга, который на предыдущем угощении не попотчевал Эгиля и его спутников пивом, накормив, однако, гостей мясом и хлебом и напоив кислым молоком и традиционной норвежско-исландской кисломолочной сывороткой. На пиру королева Гуннхильд и управитель Бард пытались отравить

Эгиля, но знание рунической магии спасло скальда — он вырезал на роге с пивом, в который был подмешан яд, магические руны, окрасил их своей кровью, и зловредный рог лопнул. В темных сенях, при дверях пиршественного зала Бард пал мертвым от руки Эгиля, а спутник Эгиля Алвир тоже упал, мертвецки пьяный, сам же Эгиль сумел успешно ускользнуть в ночи от людей конунга Эрика Кровавая Секира (приложение, с. 199–205).

Описания главного культового действа древних скандинавов, называемого «пир жертвенной крови» (blótveizla), даны главным образом в двух древнеисландских источниках, основанных на устной традиции. Эти источники прекрасно дополняют друг друга, повествуя о событиях второй половины IX — середины X в. Я хочу рассмотреть здесь описание блотвейцлы в родовой «Саге о людях с Песчаного берега», в которой рассказывается о событиях конца IX в., и в королевской «Саге о Хаконе Добром», повествующей о событиях второй половины X в.

В работах, написанных преимущественно филологами, стало модным отрицать историчность описаний в сагах «пира (жертвенной) крови», этого главного культового действа древних скандинавов. Как правило, из них хотят сделать нечто вроде сатирического нравоучительного памфлета против язычества, написанного христианским монахом. Так, А.В. Циммерлинг в комментариях к своему превосходному переводу «Саги о людях с Песчаного берега» пишет:

> *«Сообщения о суеверных первопоселенцах, которые якобы запрещали «глядеть на священную гору немытым» и «посвящали» детей «своему другу Тору», явно вносят комический эффект. К тому же интерес исландцев XIII в. к своему прошлому не опирался на какую-либо традицию или среду, где языческий культ мог отправляться. <…> Против этого можно возразить, что мифологические песни «Старшей Эдды», в которых нетрудно найти сообщения о действиях жрецов, были впервые записаны в том же XIII в. Однако передача языческих (по происхождению) текстов не равнозначна сохранению дохристианской обрядности: сведения о последней могут быть точными лишь в том случае, если отправление культа не прерывалось. <…> Возможность записи в 1220-е годы такого текста, как «Младшая Эдда», одновременно являющегося руководством по скальдической поэзии и компедиумом языческой мифологии, наглядно свидетельствует о том, что язычество к этому времени перестало быть угрозой для христианского общества и могло рассматриваться как культурное наследие, интерес к которому не является чем-то предосудительным. То же самое справедливо и по отношению к описаниям капищ в родовых и королевских сагах, тем более что они обычно сопровождаются нравоучительными или ироническими комментариями»* [Исландские саги 2004, 2: 294–296].

В этом длинном пассаже я не вижу весомых аргументов против историчности описаний культа в сагах. «Комический эффект» явно может представляться только модернизатору психологии древних. Совершенно необязательно практиковать вплоть до времени записи саг дохристианский культ, чтобы сохранить историческую память о нем. Гораздо более удивительно как раз сохранение мифологических текстов «Эдды». Олав Ульсен, автор первой объемной монографии о древнескандинавском культе и храме, высказывал сомнение в историчности описаний культа в «Книге о взятии земли», аргументируя это тем, что сведения об этом могли быть почерпнуты из саг [Olsen 1966]. При этом ученый не аргументирует, почему сведениям саг по этой части нельзя доверять (вероятно, тут сказывается предубеждение школы Сигурда Нордаля против рассматривания саг как исторических источников в принципе).

Также неясно, почему ряд исследователей рассматривает важнейшую фигуру древнескандинавского вождя-жреца, годи, который поддерживал храм и приводил своих тинговых на народное собрание, чисто исландским новообразованием. Д. Байок, почему-то также склоняющийся к этой версии, приводит ссылки на упоминание этого «титула» в старших и младших рунических надписях континентальной Скандинавии и на упоминание человека по имени Торхадд, который был годи в норвежском Трандхейме, в «Книге о взятии земли». Исследователь пишет: «Имеется норвежская надпись старшими рунами, датируемая около 400 г. н. э.,

где, видимо, содержится это слово. Его же читают на нескольких датских рунических камнях с острова Фюн, датируемых IX и началом X в. [Benediktsson 1974a: 172; Wimmer 1899– 1901, 2: 346–351, 352–361, 368–383; Magerøy 1965: 31–33] <...> «Книга о взятии земли» (гл. 297 «Книги Стурлы», гл. 258 «Книги Хаука») упоминает некоего Торхадда из Трандхейма, который был в Норвегии «капищным священником» (дисл. hofgoði), а в Исландии поселился в Восточных фьордах» [Байок 2012: 159].

Надо сказать, что упоминание hofgoði в «Книге о взятии земли» — это свидетельство существования годи в Норвегии во времена исландских первопоселенцев. Если учесть появление этого слова уже в эпоху старших рунических надписей, то аргументация Д. Байока о статусе и функциях годи как чисто исландских инновациях станет не очень убедительной (однако вполне в русле общей, на мой взгляд, ошибочной концепции автора об уникальности древнеисландского общества и феодальных государствах у континентальных скандинавов и других древнегерманских народов в раннее Средневековье).

В четвертой главе «Саги о людях с Песчаного берега» рассказывается, как один из исландских первопоселенцев, годи (т. е. жрец-вождь) Торольв, по прозвищу Мострарская Борода, обосновался на Западном побережье Исландии и построил здесь храм Тора, представлявший собою типичный древнескандинавский «длинный дом». Вырезанные на столбах в храме антропоморфные личины богов, вероятно, напоминали лица со столбов повозки из погребения в Усеберге, также в столбы с драконьими головами усебергских саней вбиты гвозди с ярко-желтыми шляпками [Osebergfundet 1920]. Не таковы ли были «священные гвозди» столбов внутри капища Торольва? Возможно, столбы украшала зооморфная плетенка (рис. 3, 4).

Рис. 3. Мужская голова, украшавшая повозку из погребения в Усеберге. Дерево. Норвегия. 830 е годы н. э.

Наряду с культовыми предметами, упоминаемыми в других сагах, в «Саге о людях с Песчаного берега» говорится о наручном браслете — священном кольце годи. Напомню, наручные кольца играли важную роль в дружинной культуре древних скандинавов: в «Беовульфе» постоянный эпитет конунга — «распределитель (или «ломатель») колец», а в эддических «Речах Фафнира» эпитет Сигурда — «портящий кольца». Видимо, священное кольцо годи передавалось по наследству, в саге упоминается, что такое кольцо носил через 100 лет потомок Торольва Мострарской Бороды знаменитый по многим сагам Снорри Годи. Наконец, что очень важно, основная юридическая

Рис. 4. Деталь украшения саней из погребения в Усеберге с зооморфным орнаментом и декоративными гвоздями. Дерево. Металл. Норвегия. 830 е годы н. э.

формула истца в начале тяжбы в дохристианское время произносилась на священном кольце годи, о чем я писал выше.

Главной обязанностью годи было именно содержание храма в округе, за что тинговые даже платили, согласно свидетельству «Саги о людях с Песчаного берега», определенные «налоги». Храм Тора подробно описан в начале этой саги (приложение, с. 205–206).

«Сага о Хаконе Добром» из «Круга Земного» Снорри Стурлусона дополняет описание священного пира рассказом о кубках, которые осушали на нем в честь важных для традиционного общества богов. Такие священные «тосты» устраивались в честь Одина — важнейшего для дружинной культуры бога мертвых, павших воинов, пирующего с ними в Вальгалле, в честь Фрейра, бога плодородия и мужской силы, дабы он даровал урожай и мир, в честь Браги — за мастерство сказителя и напоследок в честь предков, погребенных в курганах. Таким образом, тут упоминаются возлияния богам, характерным для аграрного и дружинного общества, а также проявление культа предков. Надо думать, что кубок или рог, наполненный пивом, передавали от сотрапезника к сотрапезнику (приложение 1).

Серьезным аргументом в пользу историчности свидетельств саг я считаю использование в них архаической лексики «Старшей Эдды» в наименовании культовых предметов.

Бог Хёнир в «Прорицании вёльвы» после гибели богов в сражении с чудовищами (Регнарёк) находит некое «дерево жребия», тут употреблено др.-исл. существительное hlaut-viðr. Значение др.-исл. hlaut (сущ. ср. р. -a-) в этом композите — «кровь жертвенных животных» или «жребий, удел» (г. hlauts — «жребий», д-а. hlīet — то же, д-в-н. hlōz — то же (н. Los), ср. др.-исл. hlutr (сущ. м. р. -i-) — «часть, доля, вещь» (д.-а. hlyte, д-в-н. hluz; тж. hlotr, д-а. hlot (а. lot), ш. lott, д. lod, нор. Lodd) [Стеблин-Каменский 2002: 241] (приложение 2).

Согласно тому же «Прорицанию вёльвы», Хёнир вместе с Одином и Лодуром делает первых людей: мужчину Ясеня (др.-исл. Askr) и женщину Иву (др.-исл. Embla). Хёнир дает им дух (др.-исл. óð), Один — дыхание (др.-исл. önd), а Лодур — тепло жизни и «хорошие цвета», то есть облик (приложение 2).

Ясно, что композиты с начальным элементом в виде hlaut в исландских сагах обозначают главные культовые предметы, используемые на «пире (жертвенной) крови». Сам термин hlaut тут принято переводить как «кровь жертвенных животных» [Стеблин-Каменский 2002: 241]. Так, прут или кропило для обрызгивания собранных на пир людей жертвенной кровью животных называется в сагах hlaut-teinn (сущ. м. р. -a-). Вполне вероятно, что это аналог упоминающемуся в эддическом «Прорицании вёльвы» «дереву жертвенной крови», которое называется hlaut-viðr и которое находит по возрождении мира творец первых людей бог Хёнир. А чаша с кровью жертвенных животных, которую ставили в алтарной части храма, именуется в сагах hlaut-bolli (сущ. м. р. -an-) с тем же словом в начале композита.

Сохранение столь архаического пласта сакральной лексики в описании древнескандинавского «пира жертвенной крови», как я полагаю, — это сильный аргумент в пользу историчности рассказов устной традиции о древнескандинавском культовом пире — главном культовом действе Скандинавии эпохи викингов, которые впоследствии были зафиксированы в текстах саг.

Встает вопрос о том, какое значение hlaut считать первоначальным — «жертвенная кровь» или «жребий». Если слово первоначально означало, как в других германских языках, «долю», «жребий» (что, на мой взгляд, более вероятно), то в таком случае получается, что лексема (как в качестве независимой лексемы, так и в качестве части сложных слов) для наименования крови жертвенных животных имеет специализированное значение, не имеющее почвы в христианском культе, что с большой вероятностью свидетельствует как раз об историчности описываемых в сагах обрядов. Менее вероятно, что в сагах hlaut употребляется именно в значении, характерном для дохристианских культовых практик, и уже определяло собственно «жертвенную кровь».

В этом случае тем более странно считать описание ритуала древнескандинавского священного пира фантазией христиан, утративших связь с дохристианским культом.

Приложение 1

Сага о Хаконе Добром

14… Hélt Sigurðr jarl upp blótveizlum ǫllum af hendi konungs þar í Þrœndalǫgum. Þat var forn siðr, þá er blót skyldi vera, at allir bœndr skyldu þar koma sem hof var ok flytja þannug fǫng sín, þau er þeir skyldu hafa, meðan veizlan stóð. At veizlu þeirri skyldu allir menn ǫl eiga; þar var ok drepinn allskonar smali ok svá hross; en blóð þat alt, er þar kom af, þá var kallat hlaut, ok hlautbollar þat, er blóð þat stóð í, ok hlautteinar, þat var svá gert sem stǫklar; með því skyldi rjóða stallana ǫllu saman, ok svá veggi hofsins utan ok innan, ok svá stǫkkva á mennina; en slátr skyldi sjóða til mannfagnaðar. Eldar skyldu vera á miðju gólfi í hofinu ok þar katlar yfir; ok skyldi full um eld bera. En sá er gerði veizluna ok hǫfðingi var, þá skyldi hann signa fullit ok allan blótmatinn. Skyldi fyrst Óðins full, skyldi þat drekka til sigrs ok ríkis konungi sínum, en síðan Njarðar full ok Freys full til árs ok friðar. Þá var mǫrgum mǫnnum títt at drekka þarnæst Braga full. Menn drukku ok full frænda sinna, þeirra er gǫfgir hǫfðu verit, ok váru þat minni kǫlluð.

[Snorri Sturluson 1991: 106].

14… Сигурд ярл давал все жертвенные пиры от лица конунга там в Трёндалёге. По древнему обычаю, когда предстоял жертвенный пир, все бонды должны были собраться туда, где стояло капище, и принести припасы, которые нужны во время жертвенного пира. На этот пир все должны были принести также пива. Для пира закалывали всякого рода скот, а также лошадей. Вся кровь от жертв называлась жертвенной кровью, а чаши, в которых она стояла, жертвенными чашами, а жертвенные веники были наподобие кропил. Ими окропляли все жертвенники, а также стены капища снаружи и внутри. Жертвенной кровью окропляли также людей. А мясо варили и вкушали на пиру. Посредине пиршественной палаты горели костры, а над ними были котлы. Полные кубки передавались над кострами, и тот, кто давал пир и был вождем, должен был освящать полные кубки и жертвенные яства. Первым был кубок Одина, его пили за победу и владычество своего конунга, потом шли кубок Ньёрда и кубок Фрейра, их пили за урожайный год и мир. У многих было в обычае пить после этого кубок Браги. Пили также кубок за своих родичей, которые уже были погребены. Этот кубок называли поминальным.

[Snorri Sturluson 1991: 106].
Перевод М.И. Стеблина-Каменского
[Снорри Стурлусон 1995: 74–75].

Приложение 2

Прорицание вёльвы

63. Þá kná Hœnir
hlautvið kjósa
ok burir byggja
brœðra tveggja
vindheim víðan.
Vituð ér enn — eða hvat?
[Edda 1927: Vǫluspá 63].

63. Тогда сможет Хёнир
«жребия (или «жертвенной крови»)
дерево» выбрать,
и сыновья населяют
братьев обоих
ветродом широкий [небо — ? — *И.Г.*].
Узнаете еще — или как?
(Перевод мой. — И.Г.)

17. Unz þrír kvámu
ór því liði
ǫflgir ok ástkir
æsir at húsi,
fundu á landi
lítt megandi
Ask ok Emblu
ørlǫglausa.

17. До того как трое пришли
из этого люда,
могучие и благие
асы к морю,
нашли на земле
мало могущих
Ясеня и Иву,
судьбы лишенных.

18. Qnd þau né áttu,
óð þau né hǫfðu,
lá né læti
né litu góða;
Qnd gaf Óðinn,
óð gaf Hœnir,
lá gaf Lóðurr
ok litu góða.

[Edda, 1927: Vǫluspá 17–18].

18. Дыханья они не имели,
духа они не имели,
ни тепла, ни поведения,
ни цветов хороших;
дыхание дал Один,
дух дал Хёнир,
тепло дал Лодур
и цвета хорошие.
(Перевод мой. — И.Г.)

Тысяча лет по соседству с альвами: от Старшей Эдды до наших дней

Составитель
Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

«Затем Сигват подъехал к другому двору. В дверях стояла хозяйка и не велела им входить, сказав, что они сейчас приносят жертвы альвам. Сигват сказал:

Мне в дверях старуха
«Прочь, — рекла, — треклятый.
Одинова гнева
Здесь у нас страшатся».
Меня выгоняла,
Будто волка, мол,
«мы, Язычники, ночью
Правим жертвы альвам».

Сага об Олаве Святом.
Перевод Ю.К. Кузьменко

Нильс Блумер — «Ängsälvor»
(«Луговые эльфы»),
1850

17. О главных жилищах богов

Тогда спросил Ганглери: «Много чудесного можешь ты поведать о небе. Что там ещё есть замечательного, кроме источника?» Высокий отвечает: «Немало там великолепных обиталищ. Есть среди них одно — Альвхейм. Там обитают существа, называемые светлыми альвами. Тёмные альвы живут в земле, у них иной облик и совсем иная природа. Светлые альвы обликом своим прекраснее солнца, а тёмные — чернее смолы.

[...]
Так сказано о том в «Прорицании вёльвы»:
Чертог она видит
солнца чудесней,
на Гимле стоит он,
сияя золотом,
там будут жить
дружины верные,
вечное счастье
там суждено им».

Тогда спросил Ганглери: «Что же будет защитой этому чертогу, когда пламя Сурта сожжёт небеса и землю?» Высокий отвечает: «Говорят, будто к югу над нашим небом есть ещё другое небо, и зовётся то небо Андланг, и есть над ним и третье небо — Видблаин, и, верно, на том небе и стоит этот чертог. Но ныне обитают в нём, как мы думаем, одни лишь светлые альвы».

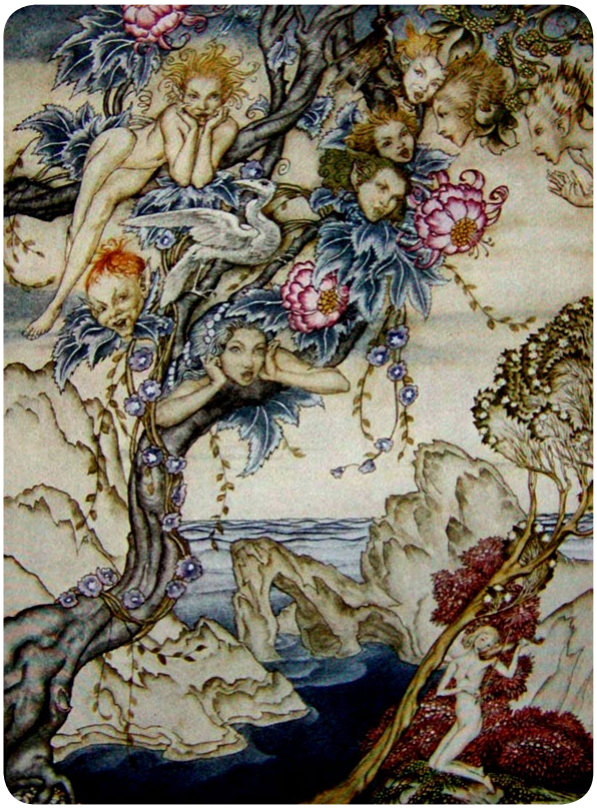
Видение Гюльви. Младшая Эдда.
Перевод: О.А. Смирницкой

Теодор Киттельсен. «Исчезновение хюльдры». Ок. 1904 г.

48 Что же с асами?
Что же с альвами?
Гудит Ётунхейм,
асы на тинге;
карлики стонут
пред каменным входом
в скалах родных —
довольно ли вам этого?

Прорицание вёльвы. Старшая Эдда. Перевод А.И. Корсуна

Артур Ракхэм. «Светлые альвы». 1907 г.

Людвиг Рихтер. Иллюстрация к немецким народным сказкам. Гравюра. Сер. XIX в.

Людвиг Рихтер. «Сказка» (Das Märchen). Гравюра. XIX в.

142 Руны найдешь
и постигнешь знаки,
сильнейшие знаки,
крепчайшие знаки,
Хрофт их окрасил,
а создали боги
и Один их вырезал,

143 Один у асов,
а Даин у альвов,
Двалин у карликов,
у ётунов Асвид,
и сам я их резал.

159 Четырнадцатым
число я открою
асов и альвов,
прозванье богов
поведаю людям, —
то может лишь мудрый.

Речи Высокого. Старшая Эдда.
Перевод А.И. Корсуна

Артур Ракхэм.
Иллюстрация к «Сказкам братьев Гримм».
1909 г.

4 Вот же, я вижу,
святу землю
близ асов и альвов;
Трудхейм, Двор Мощи, —
Тору жилище,
покуда не сгибнут судии.

5 Идалир-поле —
Долина Тисов, —
Улль там хоромы кромил;
Фрейру древле
подарили Альвхейм
боги на зубок.

Речи Гримнира. Старшая Эдда.
Перевод В.Г. Тихомирова

Артур Ракхэм. «Дерево майора Андре».
Иллюстрация к «Легенде о Сонной Лощине». 1928 г.

4 «Как я поведаю,
воин юный,
о тягостном горе?
Альвов светило
(солнце — прим. переводчика)
всем радость несет,
но не любви моей».

7 Со страстью моей
в мире ничья
страсть не сравнится,
но согласья не жду
на счастье с нею
от альвов и асов».

17 Ведь ты не из асов
и не из альвов,
не ванов ты сын?
Зачем ты промчался
сквозь бурное пламя
и к нам прискакал?»

[Скирнир сказал:]
18 «Я не из асов
и не из альвов,
не ванов я сын,
но я промчался
сквозь бурное пламя
и к вам прискакал.

Поездка Скирнира. Старшая Эдда.
Перевод А.И. Корсуна

Август Мальмстрём.
«Танцующие феи»
Ок. 1866 г.

Эгир, именуемый также Гюмиром, наварил пива для асов, как только получил огромный котел, как о том уже рассказано. На пир пришли Один и Фригг, его жена. Тор же не пришел, поскольку был на востоке. Была там Сив, жена Тора, были там Браги и Идун, его жена. Тюр тоже был там; он был однорукий, — волк Фенрир откусил ему руку, когда был связан. Были там Ньёрд и жена его Скади, Фрейр и Фрейя, Видар, сын Одина. Локи там был, и слуги Фрейра — Бюггвир и Бейла. Много там было асов и альвов.

Эльдир сказал:
2 Успехами в битвах,
доспехами хвалятся
дети богов победных;
ни асы, ни альвы
сейчас над чашей
о тебе любезно не молвят.

Локи сказал:
13 Нет же коня у тебя,
ни гривны —
нет у Браги добычи брани;
из асов и альвов
в застолье всевластных
самый опасливый —
ты, гораздый бегать от битвы!

Локи сказал:
30 Молчи-ка ты, Фрейя! —
я знаю верней
всех прочих, сколь ты порочна:
вот асы и альвы,
в прекрасных палатах, —
и каждый любился с тобою.

Перебранка Локи. Старшая Эдда.
Перевод В.Г. Тихомирова

Теодор Киттельсен. «Хюльдра».
Конец XIX — начало XX века.

Трюм сказал:
«Что там у асов?
Что там у альвов?
Зачем ты один
в Ётунхейм прибыл?»

[Локи сказал:]
«Неладно у асов!
Неладно у альвов!

Не ты ли запрятал
Хлорриди молот?»

Песнь о Трюме. Старшая Эдда.
Перевод А.И. Корсуна

Эрик Веренскьольд.
Обложки «Избранные норвежские народные сказки и сказания о хюльдрах», 1896.

10 Сидя на шкуре,
кольца считал
альвов властитель, —
нет одного —
подумал: взяла его,
в дом возвратясь,
Хлёдвера дочь,
валькирия юная.

13 Ньяров владыка,
Нидуд крикнул:
«Откуда ж ты, Вёлунд,
альвов властитель,
в краю этом мог
добыть наше золото?»

32 Молви мне, Вёлунд,
альвов властитель,
как ты сгубил
сынов моих юных?»

Песнь о Вёлунде. Старшая Эдда.
Перевод А.И. Корсуна

9 Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
названьем каким
зовется земля
в разных мирах».

[Альвис сказал:]
10 «Землей — у людей
и Долом — у асов,
Путями — у ванов,
Зеленой — у турсов,
Родящей — у альвов,
у богов она — Влажная».

11 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
названьем каким
небо зовется
в разных мирах».

[Альвис сказал:]
12 «У людей это — Небо,
а Твердь — у богов,
Ткач Ветра — у ванов,
Верх Мира — у турсов
и Кровля — у альвов,
Дом Влажный — у карликов».

13 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
как месяц зовется,
что люди видят,
в разных мирах».

[Альвис сказал:]
14 «Месяц он у людей,
Луна — у богов,
а в Хель — Колесо,
у карликов — Светоч,
Спешащий — у турсов,
у альвов — Счет Лет».

[Тор сказал:]
15 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
как солнце зовется,
что люди видят,
в разных мирах».

[Альвис сказал:]
16 «Солнцем люди зовут,
а боги — Светилом,
Друг Двалина — карлики,
турсы — Пылающим,
Ободом — альвы
и асы — Пресветлым».

[Тор сказал:]
17 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
как тучу зовут,
что дождь проливает,
в разных мирах».

[Альвис сказал:]
18 «Тучей — люди, а боги —
Надеждой на Дождь,
ваны — Ветром Гонимой,
альвы — Мощь Ветра,
Влажною — турсы,
в Хель — Шлем-Невидимка».

[Тор сказал:]
19 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
как ветер зовут,
что дальше всех носится,
в разных мирах».

[Альвис сказал:]
20 «Люди Ветром зовут,
а боги — Летящим,
он Ржущий у асов,
Ревущий — у турсов,
Шумящий — у альвов,
а в Хель он Порывистый».

[Тор сказал:]
21 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
как называть
привыкли затишье
в разных мирах».

[Альвис сказал:]
22 «Люди — Затишьем,
Спокойствием — боги,
ваны — Безветрием,
ётуны — Зноем,
Тишью Дня — альвы,
Покоем Дня — карлики».

[Тор сказал:]
23 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
как море зовут,
струги несущее,
в разных мирах».

[Альвис сказал:]
24 «Люди Морем зовут,
а Водами — боги,
Волнами — ваны,
Влагою — альвы,
Дом Угря — великаны,
а карлики — Глубью».

[Тор сказал:]
25 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
как зовется огонь,
что горит пред людьми,
в разных мирах».

[Альвис сказал:]
26 «Огнем — у людей,
Жаром — у асов,
у ванов — Бушующим,
Жадным — у турсов,
Жгущим — у карликов,
в Хель он Стремительный».

[Тор сказал:]
27 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
как лес зовется,
что вырастает,
в разных мирах».

[Альвис сказал:]
28 «Он Лес у людей,
у богов — Грива Поля,
в Хель — Поросль Склонов,
Дрова он у турсов,
у альвов — Ветвистый,
у ванов он Прутья».

[Тор сказал:]
29 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
как имя ночи,
дочери Нёра,
в разных мирах».

[Альвис сказал:]
30 «Ночь — у людей,
Мгла — у богов,
Покров — у божеств,
у ётунов — Тьма,
у альвов — Сна Радость,
Грёзы Ньёрун — у карликов».

[Тор сказал:]
31 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
как нивы зовутся,
где зерна посеяны,
в разных мирах».

[Альвис сказал:]
32 «Ячмень — у людей,
Злак — у богов,
Всходы — у ванов,
у ётунов — Хлеб,
и Солод — у альвов,
а в Хель то — Поникшее».

Речи Альвиса. Перевод А.И. Корсуна

1 Труд Всеотца,
альвов явленья,
знание ванов,
пря́денье норн,
ведьмина вьюга,
дре́внейших тяга,
турсова жажда,
валькирий зов.

6 В долах обитает
пытливая диса,
от Иггдрасиля
с праха сошедшая;
родом из альвов,
именем Идунн,
Ивальда юность
старших детей.

25 Огромные земли
на север границы,
под корнем глубоким
дерева жизни
из лежбища вышли
великанши и турсы,
мертвые мужи, дверги
и тёмные альвы.

26 Возникли владыки,
луч альвов ***(солнце — прим. переводчика)***
катился,
на север в Нифльхейм
тьма удалилась;
поднят Аргьёлль
врагом волчьих рун,
рог будит павших
с небесных гор.

Предваряющая песнь,
или Воронова ворожба Одина.
Перевод Тимура Гимранова

Ричард Дойл. «Лесные эльфы за игрой». 1870 г.

«Торвард выздоравливал медленно, и как только он встал на ноги, то пошел к Тордис и просил ее вылечить его.

Она сказала:

— Неподалеку отсюда есть холм, где живут эльфы. Купи у Кормака быка, которого можно принести в жертву, окропи вершину холма его кровью, и пусть эльфы напитаются его плотью. Тогда ты выздоровеешь.

Он отправил людей к Кормаку с этой просьбой, и тот дал согласие продать быка при условии, что ему отдадут кольцо, которое принадлежит Стейнгерд. Кормаку отдали кольцо, бык был продан, и было сделано все то, что говорила Тордис».

Сага о Кормаке-скальде.
Перевод Сеничева Вадима

Артур Ракхэм. «Эльфы, бегущие между деревьями с фонариками». 1906 г.

«Скульд была величайшая колдунья и происходила от альвов со стороны матери, и конунг Хрольв со своими витязями поплатились за это.

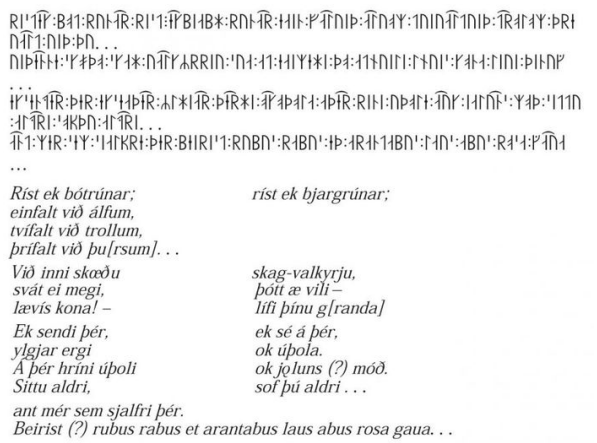
[...]

Тем временем Скульд собрала всех самых сильных мужей и весь сброд с соседних областей. Однако это коварство осталось в тайне, так что конунг Хрольв ничего не заметил, и витязи не заподозрили, ибо это было величайшее колдовство и чары. Скульд сотворила настолько сильное волшебство-сейд, дабы одолеть конунга Хрольва, своего брата, что ей стали помогать альвы, норны и другой бесчисленный сброд, так что человеческая природа не смогла бы противостоять подобному».

Сага о Хрольве Жердинке и его витязях.
Перевод Тимофея Ермолаева

После этого Старкад похитил Альвхильд, дочь конунга Альва из Альвхеймара, но Тор убил Старкада. Тогда Альвхильд ушла к своим родичам, и Грим был с ней, пока не отправился в поход.

Сага о конунге Хейдреке Мудром.
Перевод Тимофея Ермолаева

Rist ek bótrúnar; *rist ek bjargrúnar;*
einfalt við álfum,
tvífalt við trollum,
þrífalt við þu[rsum]. . .
Við inni skœðu *skag-valkyrju,*
svát ei megi, *þótt æ vili –*
lævís kona! – *lífi þínu g[randa]*
Ek sendi þér, *ek sé á þér,*
ylgjar ergi *ok úþola.*
Á þér hríni úþoli *ok jǫluns (?) móð.*
Sittu aldri, *sof þú aldri . . .*
ant mér sem sjalfri þér.
Beirist (?) rubus rabus et arantabus laus abus rosa gaua. . .

«Я вырезал руны-лечения (bót-rúnar) единожды против альвов дважды против троллей трижды против турсов...

Руны на палочке из Бергена,
датируемой 1250–1300 гг.

Бернард Эванс Уорд «Хюльдры», 1909 г.

«Однако внешним отличительным признаком эльбов служит то, что их верхняя губа под носом вместо углубления имеет возвышение; кроме того, их обыкновенно можно узнать по их внезапному исчезновению».

Конрад фон Маурер. Исландские народные предания современности, 1860.

Джон Анстер Фицджеральд. Похороны феи. ок. 1860–1870 гг.

«Hafa bæði heyrn og mál,
hold og blóð með skinni;
vantar ei nema sjálfa sál,
sú er lukkurýrð minni.

У них [альвов] есть и слух, и речь, и плоть, и кровь, и кожа; не хватает им лишь самой души — а это меньшая часть».

Йон Гвюдмюндссон Учёный, Fjandafœla, XVII в.

Джон Анстер Фицджеральд. Пир фей, 1859 г.

«Я думаю, что их тела [сокрытых людей] устроены слабее наших и плоть у них на ощупь мягкая и нежная, а кости тоньше наших».

Олафур из Пюркей, исландский крестьянин-фольклорист XIX века. Цит. по Jón Árnason. Íslenzkar þjóðsögur og œfintýri. Bd. I. Leipzig, 1862.

Кейт Гринуэй. Кольцо эльфов. ок 1901 г.

«Представление о том, будто они [сокрытый народ] неспособны к плотской близости с людьми, является выдумкой духовенства, идущей вразрез с народными исландскими представлениями».

Жаклин Симпсон, Исландские народные сказки и легенды

Аусгримюр Йоунссон, Альвы в Тунгустапи, 1914

«Эльфы, которых чаще называют «Сокрытым Народом», сродни британским феям, и многие предания о них перекликаются с теми, что бытуют на Британских островах. Отличаются же они тем, что всегда предстают в человеческий рост, и распознать их среди людей можно лишь по какой-нибудь едва уловимой черте — выпуклости вместо бороздки на верхней губе или отсутствию перегородки меж ноздрями. Их общественный уклад рисуется в мельчайших подробностях как зеркало человеческого мира, порой приукрашенное: они живут общинами в холмах, в недрах гор или на незримых хуторах; промышляют земледелием и рыболовством (но не имеют какого-либо особого ремесла, как, скажем, лепрекон); ходят на ярмарки, отправляют церковные службы, а порой, как говорят, имеют и собственного короля.

Отношение к ним, проступающее сквозь сказания и поверья, двойственное. То их страшатся как похитителей младенцев, насылателей хворей, как существ жестоких, мстительных или безотчётно злобных; то, напротив, говорят, будто они вознаграждают добродетель и доблесть, карают одних лишь недостойных, а друзьям своим из числа людей помогают и оберегают их. В одних преданиях они — язычники, страшащиеся имени Господнего и Креста; в других — у них своя вера, со священниками, службами, таинствами и песнопениями, во всём построенная по образцу христианства. Последний мотив встречается сравнительно редко, хотя и не вовсе чужд британскому фольклору; прочие же противоречивые черты для него вполне привычны. [...]

Вера в эльфов уходит корнями в языческую мифологию Скандинавии; некоторые из преданий о них, что позднее разошлись по свету как народные сказки, впервые мелькают в средневековых сагах, обычно в усечённом или искажённом виде, как, например, повесть о человеке, принимающем роды у эльфийки. Писатели шестнадцатого столетия нередко выказывают знакомство с эльфийскими преданиями, а после примерно 1600 года упоминания об эльфах становятся частыми; вера в их подлинное существование была чрезвычайно сильна, и даже в начале девятнадцатого века Олафур Свейнссон из Пюркей собирал рассказы о встречах людей со Сокрытым Народом с тою же убеждённостью, с какой шотландский пастор Роберт Кирк писал свой труд «Тайное содружество» в 1691 году».

Жаклин Симпсон.
Исландские народные сказки и легенды

Существует представление, что эльфы — это какие-то гномы или карлики, легкие, воздушные и благожелательные к людям. Это представление сложилось под влиянием того, как эльфы изображались в литературе, в частности в литературной балладе, но оно совершенно не соответствует скандинавским народным верованиям. В скандинавских народных верованиях эльф (по-датски elv, по-шведски älv, по-норвежски alv, по-исландски álfur) — это сверхъестественное существо мужского или женского пола, внешне ничем не отличающееся от человека. Эльфы живут где-то рядом с миром людей, обычно — в горе. Они водят ночью хороводы в лесу, заманивают к себе людей, нередко вступают с людьми в любовные связи, но нередко бывают причиной внезапной болезни или сумасшествия. Существует представление, что тролли — это тоже какие-то гномы или карлики. И это представление совершенно не соответствует скандинавским народным верованиям. Тролли — это всегда великаны мужского или женского пола, как правило, безобразные, глупые и свирепые.

Баллада в Скандинавии,
М.И. Стеблин-Каменский

У. Дж. Виганд. «Король Олаф и маленький народ», 1871.

Улов и эльфы

Баллада эта, «Улов и эльфы», основана на поверье, что внезапная болезнь, влекущая за собой смерть, бывает причинена невидимой стрелой, пущенной в человека эльфом. Баллады на этот сюжет есть во всех скандинавских и во многих других европейских странах. В бретонской и западно-скандинавских балладах на этот сюжет убийство героя мотивируется тем, что он был раньше в любовной связи с девушкой-эльфом, но бросил ее. Предполагается, что баллада бретонского происхождения.

1 Улов к заутрене спешит, —
Ветер стих, выпал снег —
Невиданный свет впереди горит.
Улов вернется, когда распустится лист.

2 По склону едет он вперед
И видит эльфов хоровод.

3 Эльфы лесные танцуют в ряд,
Волосы падают до пят.

4 Принцесса эльфов машет рукой:
«Улов, иди танцевать со мной!»

5 «С тобой танцевать не стану я,
Мне не велит невеста моя».

6 «Если не станешь танцевать,
Будешь ты горе горевать».

7 «Нельзя танцевать мне с тобой вдвоем,
Завтра свадьба в доме моем».

8 «Улов, недуги пойдут за тобой,
Станут они твоей судьбой».

9 Улов коня повернул назад,
Недуги за Уловом спешат.

10 Улов к матери едет своей,
Мать ожидает его у дверей.

11 «Мой милый сын, ты бледен, как мел.
Скажи, отчего ты побледнел?»

12 «Задумался я и чуть не погиб,
О дерево конь меня ушиб.

13 Готовь мне постель поскорее, мать,
Я лягу, чтобы больше не встать».

14«Мой сын, не время для скорбных речей,
Мы завтра пируем на свадьбе твоей».

15 «Какой бы ни был день в году,
К невесте моей я не приду».

16 Как только рассвело вокруг,
Пришло за невестой семь подруг.

17 Невеста глаза на них подняла:
«Зачем звонят колокола?»

18 «Таков обычай на острове тут,
Так парни девушек зовут».

19 Невеста к Улову едет на двор,
Ведет со свекровью разговор.

20 «Добрый день, дорогая свекровь,
Где мой жених, моя любовь?»

21 «Любит охоту мой резвый сын,
Он за оленем уехал один».

22 «Разве дороже ему олень,
Чем невеста и свадебный день?

23 Он мой жених, и я не пойму,
Разве олень дороже ему?»

24 «Не скрою я Улова судьбу,
Увы, он мертв и лежит в гробу».

25 За красный полог невеста зашла
И мертвого Улова нашла.

26 Из-за полога вышла она,
Молчалива и смертно бледна.

27 Был мертвый один, а стало три
В доме Улова до зари.

28 Невеста недолго прожила, —
Ветер стих, выпал снег —
За нею от горя мать умерла.
Улов вернется, когда распустится лист.

Перевод со шведского Игн. Ивановского.

Йоуханнес Свейнссон Кьярваль, «На сокрытом берегу» (Á hulduströnd), 1935.

Олуф и королевна эльфов

«Elveskud» / «Hr. Oluf han rider» — баллада о рыцаре Олуфе, которого эльфийская дева заманивает в свой танец и убивает накануне свадьбы. Известна в датской, шведской, норвежской, фарерской и исландской версиях. Один из самых важных текстов о «соблазняющих» эльфах.

Рыцарь Олуф, покинув усадьбу,
Ехал гостей созывать на свадьбу.

А танец легко плывет по поляне...

В горы увлек его путь незнакомый —
Туда, где плясали эльфы и гномы.

Прыгали эльфов четверки, пятерки
Вокруг своей королевны на взгорке,

Что руки, манящие белизной,
Простерла: «Олуф, танцуй со мной!»

«Если пойду я с тобой танцевать,
Завтра свадьбе моей не бывать!»

«Танцуй со мной, Олуф, на склонах зеленых.
Я дам тебе пару шпор золоченых.

Обую тебя в сапожки из сафьяна,
Что будут сидеть щегольски, без изъяна.

Олуф, танцуй со мной до упаду!
Сорочку из шелка получишь в награду.

Из тонкого шелка получишь сорочку,
Что мать отбелила в лунную ночку».

«Если пойду я с тобой танцевать,
Завтра свадьбе моей не бывать!»

«Олуф, танцуй со мной до заката!
Я дам тебе слиток червонного злата»,

«Хоть и приманчив золота глянец,
Не должно идти мне с тобою в танец!»

«Если не хочешь плясать со мной —
С мором пляши и заразой чумной!» —

И ткнула в панцирь, под левым плечом,
Корень сердца пронзив, как мечом.

В седло усадив молодца, честь по чести,
«Езжай, — сказала, — к своей невесте!»

А танец легко плывет по поляне...

Встречает Олуфа мать у ворот,
Коня гнедого за повод берет.

«Олуф, сын мой, чело твое бледно,
Свежий румянец пропал бесследно».

«На игрище эльфов поблек мой румянец,
Где их королевна влекла меня в танец!»

«Выйдя юной невесте навстречу,
Что я ей завтра, сын мой, отвечу?»

«Скажи, — коня и собак, для забавы.
Пробует Олуф под сенью дубравы».

В усадьбу, наутро заветного дня,
Въезжает невеста и с ней родня.

Когда наполнили чаши для них,
Невеста спросила: «Где мой жених?»

«Жених твой домой не вернется никак:
Он пробует в роще коня и собак!»

«Неужто Олуфу лошадь и псы

Дороже моей девичьей красы?»

А танец легко плывет по поляне...

Наверх она поднялась втихомолку
И разыскала его светелку.

На синей подушке жених желанный
Под пурпурной тканью лежал, бездыханный.

Живыми устами его чела
Коснувшись нежно, она умерла.

Три мертвых тела остались в усадьбе,
Где быть надлежало веселой свадьбе.

Олуф, и дева, и мать в одночасье
Скончались, как бы в полном согласье.

А танец легко плывет по поляне...

Перевод с датского Веры Потаповой

Г.Х. Андерсен.
«Волшебный (Эльфийский) холм»
(Elverhøj)

Юркие ящерицы бегали по истрескавшемуся корявому стволу старого дерева; они отлично понимали друг друга, потому что говорили по-ящеричьи.

— Ишь, как шумит и гудит в холме у лесных духов! — сказала одна ящерица. — Из-за этого шума я уж две ночи кряду глаз сомкнуть не могу. Точно у меня зубы болят — тогда я тоже не сплю.

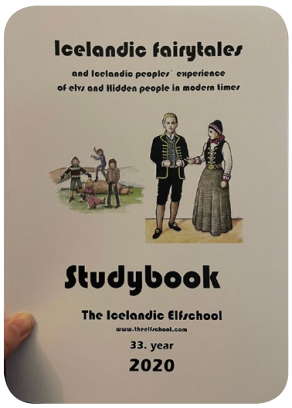
«Они кружились и кружились, так кружились и вертелись». Иллюстрация У. Хита Робинсона, опубликованная в сборнике «Сказки Ганса Христиана Андерсена» (1913), Констебль

— Там что-то затевается, — сказала другая. — Холм, как подымется на своих четырёх красных столбах, так и стоит, пока не запоют петухи, — верно, хотят его хорошенько проветрить, — а дочери лесного царя выучились новым танцам с притоптыванием. Да, что-то затевается!

*Продолжение читайте на стр. **100** в разделе «Сказки».*

Школа Альвов
в Рейкьявике

В центре Рейкьявика, на улице Сидумули (Síðumúli), уже больше тридцати лет работает Álfaskólinn — Школа альвов. Её основатель и бессменный директор Магнус Скарфединссон (Magnús Skarphéðinsson), историк и антрополог по образованию, за это время записал, по его собственному счёту, рассказы более семисот исландцев, лично сталкивавшихся с huldufólk, и на их основе вывел собственную классификацию скрытого народа: тринадцать видов альвов, четыре вида гномов, две разновидности троллей и три — фей. Программа, к слову, рассчитана не на исландцев (те и так знают, как себя вести с соседями), а на туристов: однодневный курс с чаем, блинами и пачкой учебных материалов заканчивается выдачей диплома о прохождении курса álfafræði,

«альвоведения». На вопрос, как он сам относится к существованию своих подопечных, Магнус обычно отвечает в духе своей коронной фразы: «Они как привидения — чтобы в них верить, не обязательно их видеть».

Билет на паром для семьи альвов

В январе 2010 года депутат исландского парламента Аурни Йонсен (Árni Johnsen) ехал по обледенелому перевалу Хеллисхейди (Hellisheiði) на юго-западе Исландии. Его внедорожник потерял управление, перевернулся пять раз и улетел с дороги на сорок метров, остановившись возле большого валуна. Машина не подлежала восстановлению, сам Аурни вышел из неё без единой царапины. Своим спасением он был обязан, как он сам решил, обитателям камня — семье альвов, живших в нём.

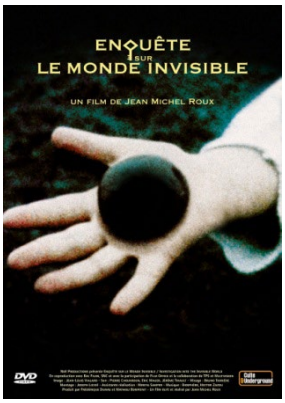
Спустя два года, когда стало известно, что при расширении Кольцевой дороги валун должны снести, Аурни обратился к известной «специалистке по делам альвов» Рагнхильд Йонсдоттир (Ragnhildur Jónsdóttir). Рагнхильд осмотрела камень и сообщила, что в нём живут три поколения альвов: пожилая пара на верхнем «этаже», молодая пара с тремя детьми на нижнем. Семья согласилась переехать, но выдвинула условия: вид на океан, трава вокруг (чтобы держать овец) и большое «окно» в сторону моря. Дедушка отдельно пожаловался, что в нынешнем положении камня его кровать стоит почти вертикально.

В мае 2012 года тридцатитонный валун перевезли на пароме «Херьоульв» (Herjólfur) с материка на остров Хеймаэй (Heimaey) в архипелаге Вестманнаэйяр (Vestmannaeyjar), где у Аурни была усадьба. Будучи государственным служащим, он добросовестно купил билеты на паром и для альвов: за пожилых и детей с него ничего не взяли, оплатил он только молодую пару. Сама Рагнхильд везла семью отдельно в багажнике своей машины: в корзине, выстеленной овечьей шкурой. Она не забыла прихватить мед, на случай если альвам в дороге захочется перекусить.

На новом месте, в усадьбе Хёвдабоуль (Höfðaból), камень установили на траве с видом на море. На следующий день соседняя лошадь по кличке Гэва (Gæfa) (что означает «Удача») родила жеребёнка, которого назвали Альв (Álfur) в честь новых соседей.

Документальное кино

Документальное кино про альвов подошло к теме с двух сторон. Француз Жан-Мишель Ру (Jean-Michel Roux) в **«Investigation into the Invisible World» / «Enquête sur le monde invisible»** (2002) приезжает в Исландию с интонацией удивлённого иностранца. У него в кадре мелькают медиумы, консультирующие Исландское дорожное управление, экс-президент Вигдис Финнбогадоттир (Vigdís Finnbogadóttir) и взрослые исландцы, спокойно рассказывающие, как в детстве играли с альвами. Четыре года спустя Ниша Иналсингх (Nisha Inalsingh) в **«Huldufólk 102»** (2006) снимает ровно то же самое уже изнутри, без эффекта экзотики: дорожные инженеры, учителя, священники

и дети просто объясняют, как скрытый народ вписан в инфраструктуру страны. В записи саундтрека участвовали Sigur Rós, múm и Björk.

Альвы в музыке

В январе 2023 года у французского нордик-фолк-коллектива SKÁLD вышел альбом «Huldufólk» — двенадцать треков, целиком посвящённых скрытому народу. С 2018 года SKÁLD поют на древнеисландском, шведском, норвежском, датском и фарерском, используя реконструкции древних инструментов (никельхарпа, тальхарпа, лира, шаманские барабаны). Обложка альбома является отсылкой к шведскому иллюстратору Йону Бауэру и его «Принцессе Тувстарр» из классического сборника шведских сказок. В трек-листе альбома есть композиции «Ljósálfur» («Светлый альв»), «Elverhøy» (тот самый эльфийский холм из датской баллады) и «Her Mannelig» — средневековая шведская баллада про тролля-женщину, сватающуюся к рыцарю.

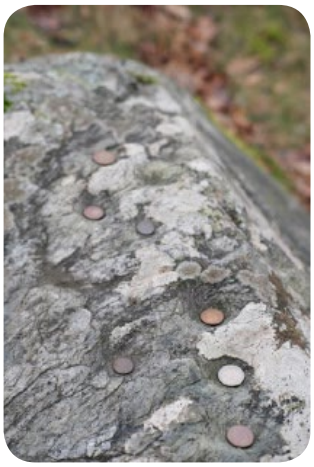

В 1995 году вышел дебютный альбом норвежского коллектива Ulver «Bergtatt — Et eeventyr i 5 capitler» («Взятая в гору — сказание в пяти главах»), в котором был положен на музыку один из самых характерных скандинавских фольклорных сюжетов: молодая девушка теряется в лесу и оказывается утащена под гору обитателями подземного мира. Само слово bergtatt — фольклорный термин, буквально «взятый в гору»: по норвежскому поверью, женщин уводили тролли, а мужчин — хюльдра, заманивая их вглубь леса. Альбом построен как сказка в пяти главах, лирика — на архаичном датско-норвежском, музыка — на стыке блэк-метала с норвежским фолком: акустические гитары, флейта и хоровое пение вперемежку с холодным шквалом дисторшна.

Мельницы альвов

В Скандинавии с альвами связывали не только холмы и горы, но и древние чашевидные углубления на скалах и валунах. Такие углубления, известные как чашечники, встречаются в разных странах Европы и известны ещё с бронзового века. В шведской народной традиции их называли älvkvarnar, «мельницы альвов»: считалось, что по ночам альвы перемалывают в этих маленьких каменных ямках своё зерно.

С такими камнями были связаны лечебные обряды. Их чаще всего совершали женщины, особенно в возрасте (так

называемые «знающие» женщины). Они смазывали чашевидные углубления жиром, чаще всего на закате и против солнца, а в сами ямки клали небольшие подношения: зёрна или монеты. Это делали, чтобы умилостивить альвов и исцелить болезни, которые приписывали их вредоносному воздействию. Дождевую воду, собравшуюся в чашечниках, также считали целебной, особенно против бородавок.

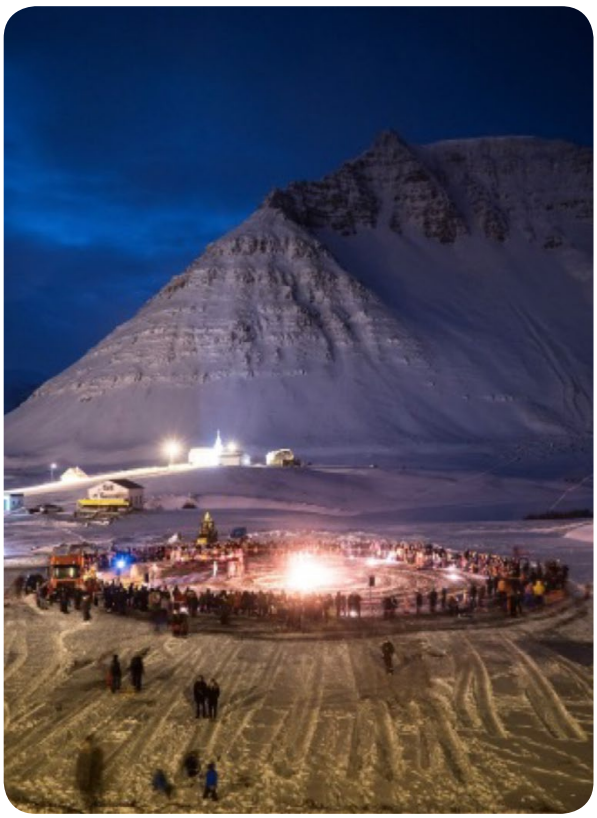
Þrettándinn.
Костры альвов

Каждый год 6 января в Исландии отмечают праздник Þrettándinn — «Тринадцатый день», последний день Рождества (по-исландски считают на день раньше, чем в англоязычной традиции, отсюда «тринадцатый», а не «двенадцатый»). Это, как пишут сами исландцы, «один из самых языческих» праздников в их календаре: по поверью, именно в эту ночь сокрытый народ становится виден людям, в горах оживают тролли, а на хуторах коровы заговаривают человеческим голосом — правда, бессмысленными рифмованными двустишиями, которые сводят с ума всякого, кто их услышит. По всей стране в этот вечер разжигают álfabrennur, «костры альвов», часто сложенные из выброшенных по соседству рождественских ёлок (оставить ёлку дома дольше Þrettándinn считается дурным тоном). Дети, наряженные альвами и троллями, идут к кострам факельными шествиями. У огня их встречают король и королева альвов (Álfakóngur og Álfadrottning) — выбранные на эту ночь жители квартала в костюмах — и ведут вокруг костра тот самый танец альвов (álfadans) под пение, барабан и фейерверки.

По поверью, если сесть на перекрёстке, с которого видны сразу четыре приходских церкви, можно встретить альвов: они станут подходить к сидящему один за другим и подносить дары — золото, еду, тайные знания, — пытаясь заманить в свой мир. Принять подношение до рассвета — значит, сойти с ума. Но если выдержать ночь молча, не сказав им ни слова, всё сложенное за ночь добро останется человеку. По другому поверью, в эту же ночь альвы сами переезжают на новое место жительства, и многие исландцы оставляют дома свет включённым до утра — осветить дорогу сокрытому народу.

Новая версия этимологии слова «Эдда»,

или
скандинавские мысли вслух

Маргарита и Евген ПАПАКУЛЬ

ПОЧЕМУ «Эдда» называется «Эддой»? Пожалуй, большинство любителей древнескандинавской литературы — если не все — рано или поздно задавались этим вопросом. Вот только однозначного ответа, почему «Поэтическая», «Прозаическая», «Лаувас», «Длинная», «Меншая» и «Апокрифическая» — именно «Эдды», до сих пор нет. Так, из источника в источник кочуют извечные и, честно говоря, достаточно поднадоевшие поэтика, прабабушка и хутор Одди. Если поискать ещё, найдутся и латинские «edo» («я сочиняю»), и даже «маленькая гага». Сразу обозначим, что нашей целью не было доказать или опровергнуть данные версии. Но как те, кто перевёл, отредактировал и издал полный беларускоязычный перевод «Эдд» — имеем полное право предложить и собственную гипотезу. Вполне возможно, что она когда-то уже озвучивалась, но найти тому подтверждения не удалось.

Начнём с фактов. Впервые именование «Эдда» по отношению к интересующим нас текстам употребляется в рукописи «Codex Regius» первой половины XIV века, в которой сохранился наиболее полный список труда Снорри Стурлусона. «Книга эта зовётся Эдда...» — так начинается «эддическая история». В то же время оригинальная работа Снорри, написанная в 1222–1225 годах, утрачена. Соответственно, какое название она носила (и носила ли вообще) — мы не знаем. Можно только догадываться и о том, сколько разделов включала книга, ведь про однозначное авторство Снорри можно говорить только по отношению к «Перечню размеров». Да и количество остальных глав, которые входят в «Прозаическую Эдду» разнится: от трёх (...сначала про асов и Имира, потом — «Язык поэзии» с хейти многих вещей и явлений, последняя часть — «Перечень размеров»...) до пяти (если считать «Перечень скальдов» и «Тулы имён»).

В любом случае, нас в данном контексте будет больше всего интересовать, как ни странно, «Пролог» — добавленный, вероятно, только в XIV веке. А точнее — стремление автора данного раздела вывести родословную скандинавских богов от правителя Трои Приама. Вспомним схожую «моду»

и у нас: попытки связать происхождение князей Великого Княжества Литовского с Палемоном, родственником императора Нерона.

Так вот, очевидно то, что автор «Пролога» был знаком с античной (древнегреческой) культурой. Это и не удивительно, ведь скандинавы были частыми гостями в Византии. Причём культурный обмен не ограничивался выцарапыванием рун на хорах собора Святой Софии в Миклагарде-Константинополе — северяне на территории восточной части бывшей Римской империи знакомились, в том числе, и с литературой. И упоминание Трои в «Прологе» сразу же наводит на мысль об «Илиаде» Гомера. А здесь начинается самое интересное, ведь Гомер был аэдом (от др.-греч. ᾠδή песня, пение), т. е. профессиональным поэтом. От того же корня происходит и имя Аэда (Ἀοιδή) — именно так звали одну из старших муз, отвечавшей за голос и пение. В таком случае «Эдда» может быть не чем иным, как искажённым именем музы Аэды — почему бы не назвать, по сути, учебник для молодых поэтов в честь богини поэзии, правда? Тем более что такой подход прекрасно поддерживает концепцию «Пролога» в стремлении автора связать своё, скандинавское, — с античным.

Примечательно, что в таком случае беларускоязычное написание «Эда» (с одной «д») наиболее близко к оригинальной этимологии. Да и свои знания древнегреческой литературы викинги принесли на родину, скорее всего, через беларуский Полоцк на легендарном пути из варяг в греки.

Не зря же говорят: «ад Полацка пачаўся свет».

Перевод с английского и комментарии:
Анна БЛЕЙЗ (с)
https://northern.thesaurusdeorum.com

Альвы и ветты: как они себя ведут и как вести себя с ними

Глава из книги Квельдульфа Гундарссона «Тролли, альвы и ветты: младшие духи в северном язычестве»

НЕСМОТРЯ на многочисленные попытки (в том числе и мои собственные) классифицировать различных существ, населяющих иные миры в тех областях, где последние пересекаются со Срединным Двором наиболее тесно, конкретные категории удается выявить лишь в самом широком ключе и скорее в формате спектра, чем в виде четко разграниченных подразделений. Как будет показано далее, границы между троллями, ётунами и ***ландветтир*** (духами местности) всегда остаются расплывчатыми. Не намного отчетливее они проходят и между ***ландветтир*** и разного рода альвами или между альвами и духами мертвых. Более того, даже между различными типами веттов и живыми людьми встречаются пересечения, связанные с браками, скрещиванием, воспитанием, личными трансформациями и индивидуальным принятием той или иной стороны. В некоторых случаях вся разница между троллем и ландветтом может сводиться к вопросу о готовности подружиться с человеком — с какой бы стороны ни исходило предложение дружбы; исландская сказка о Хадльгерд с Блауведля (подробнее о которой речь пойдет ниже) показывает, как хорошие манеры могут превратить злонамеренного тролля в благожелательного духа местности.

Хорошие манеры — это ключевое и неизменное правило в общении с обитателями иных миров, особенно с такими близкими нам, как духи местности, морские духи и разного рода альвы. Боги мудры и зрят в самое сердце верующих, а потому могут прощать неудачно выбранные слова, ошибки, допущенные по неведению, сомнения, порожденные страхом или непониманием и даже некоторые более серьезные проступки. Удачный тому пример — строки из ***Речей Хакона***, в которых описывается прибытие

Хакона Доброго в чертог Одина. Поначалу он не без обиды заявляет пришедшей за ним валькирии: «Неправо ты сечу судила, Скёгуль! [...] Мы ль не достойны победы в битве?»[1] (строфа 12) — и получает на эти слова прямой ответ: «Но мы за тобой [...] оставили поле, и враг твой повержен». Затем, уже на пороге чертога Одина (строфы 15–17), Хакон замечает: «Уж очень недобрым мнится нам Один, нам нрав его страшен». И даже после того, как Браги заверяет его в мире и дружбе (***grið***), которые он обретет среди эйнхериев, Хакон упрямо отказывается сложить оружие. Он входит в пиршественный зал в доспехах и с копьем, что со стороны гостя чрезвычайно невежливо, но Один его прощает — или даже, быть может, одобряет, поскольку Хакон следует советам, которые сам Один давал людям по поводу оружия и необходимости соблюдать осторожность в незнакомых местах. Так или иначе, бог, по всей видимости, понимает и принимает поведение Хакона.

1 *Речи Хакона цитируются в пер. О. Смирницкой. — Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

Однако младшие духи, обитающие в иных мирах, гораздо более похожи на людей, причем на людей старой закалки, — в том отношении, что их не на шутку оскорбляют любые невежливые поступки, вызваны ли те преднамеренной грубостью или простой неосведомленностью. Многие народные сказки об альвах, карликах и прочих духах строятся на том, что человек поступает неправильно по чистой случайности и навлекает на себя чрезмерное наказание — или, наоборот, по удачному стечению обстоятельств совершает правильный поступок и получает столь же чрезмерную награду.

Среди прочего очень важно не забывать о том, что многие представления об альвах, бытующие в современной культуре, берут начало не в германской традиции, а в традициях ирландцев и других британских кельтов. У ирландских сидов немало общего с германскими альвами, в особенности с альвами из курганов (само слово ***sidhe*** обозначает и полый холм или курган, и обитателей полых холмов): любовь к музыке, привычка приглашать людей к себе домой и похищать человеческих детей, оставляя вместо них подменышей, и так далее. Однако правила обхождения с сидами, до некоторой степени обеспечивающие безопасность, отличаются от тех, которые следует соблюдать при общении с альвами. Согласно ирландским верованиями, сиды — существа нечеловеческого происхождения, побежденные людьми, которые заселили Ирландию. Из некоторых ирландских героических сказаний явствует, что даже до принятия христианства мир между людьми и сидами был в лучшем случае шатким. Пример тому — сага ***Приключение Неры***. Нера из Круахана, женатый на женщине из сидов, получает от своей супруги совет предупредить людей Круахана: если они не разрушат местный сид, то на Самайн его обитатели нападут на них и всех перебьют. Люди наносят удар первыми и побеждают (Markale 1986, 193–194).

Разница между сидами и курганными альвами — мертвецами, обретшими особые силы в междумирье, — была известна уже в эпоху викингов: древнескандинавское слово «альвкарл» (***álfkarl***, альв мужского пола) переводилось на ирландский не как ***sidhe***, а как ***alcaille***, «дух мертвого» (de Vries 1962a, 6). И в Скандинавии, и в Ирландии культ курганных мертвецов восходит по меньшей мере к позднему неолиту, когда материальные культуры двух этих регионов были практически идентичны; не исключено, что когда-то между сидами и некоторыми альвами имелись черты сходства, но с тех пор эти два типа иномирных сущностей успели разойтись достаточно далеко. По крайней мере, для духовного восприятия разница между ними велика: например, и по моему собственному опыту, и по словам других скандинавов, северные курганные альвы относятся к своим родичам с теплой приязнью, а от сидов исходит лишь равнодушие. Возможно, у сидов и альвов все же имеются некоторые общие особенности, да и опасности, исходящие от них, могут быть схожими. Но в целом альвы относятся к людям гораздо более доброжелательно, гораздо чаще просят людей об услугах и, со своей стороны, оказывают им помощь. Это не значит, что иметь с ними дело совершенно безопасно; но все-таки они куда менее, чем сиды, склонны вредить людям просто по привычке или по злому умыслу. На практике главное различие между сидами и альвами заключается в том, что от сидов никогда не следует принимать пищу, да и другие их подарки могут таить в себе опасность. С альвами всё наоборот: их угощения и дары, как правило, безопасны и благотворны, и, более того, отказаться от них — значит нанести дарителю тяжкое оскорбление. Так же обстоит дело и с троллями: в одной сказке с человеком, поевшим тролльской еды, не происходит ничего плохого, а другой человек, отказавшийся от угощения, погружается в зачарованный сон (Jón Árnason 1862, 1.196).

Основные правила взаимодействия с альвами таковы:

- Не отказывайтесь от пищи, которую они вам предлагают, и от прочих услуг и даров. Даже бесполезный, на первый взгляд, подарок, может на поверку оказаться очень ценным[2].
- С напитками, которые предлагают тролли, будьте очень осторожны: зачастую они слишком крепкие для человека и даже обжигают кожу. Вино иномирных духов тоже может быть опасным: оно ослабляет связь нашего разума или души со Срединным Двором, затягивая человека слишком глубоко в потусторонний мир[3]. По той же причине опасно

2 *В этом отношении скандинавские альвы и ветты непохожи на кельтских: те скорее вручат человеку зачарованные опилки или сухие листья под видом золота, а германские альвы обычно поступают наоборот. — Прим. автора.*

3 *Здесь можно вспомнить средневековую скандинавскую балладу «Пленница Горного короля» (Den bergtagna): испив вина или меда из рога Горного короля, девушка забывает обстоятельства своей земной жизни (разные в различных версиях баллады) (Jansson 1999, 163–165). — Прим. автора.*

присоединяться к танцам альвов (вероятно, из-за того, что танец сам по себе способен изменять сознание, погружать в экстаз или транс).

- Если альвы просят вас о какой-то услуге, окажите ее от чистого сердца, даже если это доставит вам неудобства.
- Предупреждайте альвов, когда собираетесь зажечь огонь вне дома, выплеснуть кипяток на землю, облегчиться под открытым небом и так далее.
- Не лгите ни альвам, ни об альвах.
- Прежде чем заглянуть к альвам домой или присоединиться к каким-либо их занятиям, особенно к танцам, подумайте как следует и будьте очень осторожны. Люди, решившиеся на подобное, могут не вернуться вовсе, а если и вернутся, то уже никогда не будут прежними: одних до конца дней будет снедать тоска по миру альвов, другим придется заплатить слишком высокую цену за то, чтобы их отпустили. Депрессия, психические расстройства и помрачение рассудка той или иной степени тяжести — обычные последствия для тех, кто провел среди альвов слишком много времени.
- Чтобы освободить от чар человека, животное или предмет, заколдованный альвами (например, зачарованную скотину или «похищенного» ребенка), советуют пустить у него над головой стрелу или метнуть какую-нибудь стальную вещь. Еще один пример — зачарованные альвами острова, которые то появляются, то исчезают, пока на них не принесут сталь и/или огонь. Однако следует иметь в виду, что для человека, с которым так поступили, последствия могут быть неожиданными[4].
- Если вам однажды уже довелось увидеть альвов, особенно при помощи каких бы то ни было магических средств, а затем случится так, что вы увидите их опять, не заговаривайте с ними по собственной инициативе. И в Норвегии, и в Исландии, и на Оркнейских островах известны сказки о людях, которые неосмотрительно заговорили с альвом или другим ветте, которого уже видели раньше, а затем встретили снова в каком-то неожиданном месте. Во всех подобных сказках человек или полностью слепнет или, в лучшем случае, теряет дар духовного зрения.
- Не хвастайтесь подарками, полученными от альвов, и милостями, которые они вам оказали.
- Будьте очень осторожны с курганами, скалами и прочими жилищами альвов: ни в коем случае не нарушайте их покой и ничего не трогайте без разрешения. Если вдруг окажется, что вы построили что-то поверх жилища альвов или у них на дороге, попросите прощения и немедленно возместите ущерб[5].
- Не рассчитывайте заслужить милость альвов, просто повторив (особенно из жадности) те же действия, за которые был вознагражден кто-то другой. Такие поступки только раздражают альвов и непременно навлекают беду. Не просите у них подарков. Альвы часто проявляют

4 *Наглядная тому иллюстрация — норвежская история об Анне Рюккус. Анна была похищена альвом и едва не вышла за него замуж. Проходивший мимо крестьянин спас ее, пустив стрелу поверх голов свадебных гостей. Но в этот момент Анна услышала слова своего несостоявшегося жениха: «Много будешь видеть, но мало что поймешь». После этого случая она и впрямь стала видеть то, чего не видели другие, а иногда брала палку и размахивала ею, чтобы прогнать с дороги перед собой каких-то незримых существ. Вдобавок, она заявляла, что видит, как через долину, где она жила, едут повозки без лошадей (за полвека до того, как там проложили железную дорогу), а высоко в небе летает нечто вроде гигантских птиц (за несколько лет до того, как над ее деревней впервые пролетел аэроплан). «Через несколько лет Анну Рюккус прекратили считать ненормальной и стали относиться к ней как к мудрой ведунье» (Simpson 1988, 219–220). — Прим. автора.*

5 *Э. Марвик приводит случай, произошедший в 1911 году на Оркнеях. Один местный фермер раскопал большой пригорок у себя на поле. Хранитель кургана явился ему в виде «седоусого старика; на нем был старый серый костюм, изношенный до дыр, латаный-перелатаный; в руке он держал старую шляпу, а обут был в такие же старые башмаки, то ли из конской кожи, то ли из коровьей, на кожаных шнурках». «Попомни мое слово, парень: прекрати копаться у меня в доме, — сказал он фермеру. — А не прекратишь, так попомни мое слово: сроешь еще хоть лопату земли, и, попомни мое слово, шесть коров у тебя на выпасе подохнут в одночасье. А не угомонишься и на этом, парень, так попомни мое слово, парень: будет у тебя в доме, парень, шесть похорон; попомни, парень, мои слова. Ну, доброго денька тебе, парень...» — и на этом старик исчез. И действительно, на выпасе подохло шесть коров, затем умерло и шестеро домочадцев того фермера. Его зять, который поведал эту историю, присутствовал при четвертой из шести смертей; тогда-то ему и рассказали о предупреждении курганного жителя (Marwick 1975, 41). Особый интерес представляют повторы в речи хранителя кургана, потому что и в старинных сагах мертвецы, говорящие из курганов стихами, склонны по многу раз повторять одни и те же строки. Персонаж Пряди о горном жителе и альвы из рассказа об «аульварейде» (álfareið, «конная скачка альвов»; см. стр. 122) тоже повторяют по два раза последнюю строку каждой строфы, что указывает на явное сходство (если не прямую связь) и возможные пересечения между этими существами и обитателями загробных миров. — Прим. автора.*

щедрость по собственной воле, но терпеть не могут жадных людей и всегда их наказывают.

- Не облегчайтесь в местах, где могут обитать альвы: это вынудит их уйти, как ясно показывает фразеологизм ***at ganga álfrek*** («пойти прогнать альвов»), означающий испражнение под открытым небом.
- Задавая альвам вопросы, будьте осторожны: они могут оскорбиться, если решат, что вы суете нос не в свое дело.

Альвы и всевозможные ветты часто посещают человеческие дома на Йоль. Как они себя при этом ведут, зависит и от их собственного характера (духи буйного нрава нередко оставляют после себя беспорядок и даже разрушения), и от того, как их принимают люди. Если вежливо пригласить их войти, приветствовать и обойтись с ними как со званными гостями, они благословят дом и его обитателей; если нет — добра не ждите. В Исландии соответствующий йольский обычай называется «звать альвов в дом» (***bjóða álfum heima***). Хозяйка подметает весь дом, не пропустив ни одного угла; затем по всему дому зажигают свечи и светильники, чтобы ни одного уголка не осталось в тени. После этого хозяйка выходит за дверь, обходит вокруг дома (иногда трижды) и произносит: «Кто хочет прийти, придите; кто хочет остаться, останьтесь; кто хочет уйти, уйдите, а мне и моим не вредите» (***Komi þeir sem koma vilja, veri þeir sem vera vilja, og fari þeir, sem fara vilja, mér og mínum að meinalausu***) (Árni Björnsson 1963, 138–139). Альвы и ветты, получившие такое приглашение, вынуждены вести себя как подобает гостям в ответ на гостеприимство.

В Норвегии йольские праздники завершаются в день святого Кнуда, 13 января, «изгнанием карликов». Чтобы выдворить всех духов, которые могут задержаться дольше положенного, все двери в доме распахивают настежь, после чего обходят дом, гремя горшками и сковородками и распевая: «Карлик, ступай прочь в свою постель, к зерну и коровам!» На Шетлендских островах схожий обряд проводили 24 января, примерно таким же способом выгоняя из дома трау (Feilberg 1962, 2.303–304).

Книгу можно заказать здесь:

Перевод с английского и комментарии:
Анна БЛЕЙЗ (с)
https://northern.thesaurusdeorum.com

Прядь о горном жителе (Bergbúa þáttr)[1]

Приложение к книге Квельдульфа Гундарссона «Тролли, альвы и ветты: младшие духи в северном язычестве»

Эта древнеисландская прядь долго оставалась малоизвестной и до сих пор (насколько я могу судить) ни разу не переводилась на английский язык. Однако она содержит много информации о самых диких и чуждых человеку природных духах, и потому я решил включить сюда собственный перевод, выполненный по изданиям ÍF 13 (прозаические части) и Finnur Jónsson 1912–1915, 2 (поэтический текст). Спасибо за советы Полу Бибире, который помог мне справиться с непростым текстом «Песни Халльмунда»! Горный житель (bergbúi) Халльмунд — по-видимому, тот же Халльмунд, который действует в Саге о Греттире[2].

От фьорда Колли отходит другой фьорд, который зовется Глубоким. У этого фьорда, к западу от Мыса Халльстейна (названного так по имени Халльстейна, владевшего рабами, которых прозвали рабами Халльстейна[3]) жил человек по имени Торд. Был он тогда в расцвете лет и жил в достатке.

Однажды зимой, по случаю какого-то праздника, собрался он на церковную службу и взял с собой работника[4]. До церкви был путь неблизкий — чуть ли не целый день ходу. Вышли они рано утром и шли, пока день не начал клониться к вечеру. Тут началась сильная метель. Торд сказал, что они сбились с пути и неохота ему идти в потемках, да к тому же они и так заплутали:

1 *Перевод пряди, вошедший в это издание, выполнен А. Блейз по древнеисландскому оригиналу под редакцией Гвюдни Йоунссона (ND). «Песнь Халльмунда» приведена в ритмизованном прозаическом переводе. Стихотворный перевод «Песни Халльмунда», выполненный Е. Гуревич, см. в издании ИП 2016 или на сайте ND (URL: clck. ru/3MYk6E, дата обращения 10.06.2025). Для полноты картины в настоящее издание включен краткий вводный текст Квельдульфа Гундарссона, предваряющий его версию перевода.*

2 *В 54-й главе саги Греттир встречает высокого и сильного всадника, который представляется именем Лофт. Греттир пытается ограбить его, но отступает, обнаружив, что Лофт превосходит его силой. Выясняется, что настоящее имя Лофта — Халльмунд; это горный великан, живущий в пещере под ледником. Некоторое время спустя Греттир снова встречается с Халльмундом (глава 57), и между ними завязывается крепкая дружба. Греттир гостит у Халльмунда, сочиняет в его честь стихи, а впоследствии пытается отомстить его убийце. Халльмунд погибает от руки изгоя по имени Грим, у которого он похищал выловленную рыбу, невзлюбив Грима «за то, что он жил на Греттировом месте» (глава 62).*

3 *Е. Гуревич дает следующий комментарий: «Халльстейн Годи, сын Торольва Бородача с Мостра. Ссылки на рассказы о его рабах встречаются неоднократно [...], однако записаны они были лишь в XIX в. Согласно этим преданиям, Халльстейн заставлял привезенных из Шотландии рабов добывать соль; застигнув их спящими на островах, получивших вследствие этого название Сонных, он разгневался и велел их повесить».*

4 *В оригинале húskarl — домочадец, работник или слуга.*

— Как по мне, так опасно идти в ночной темноте — того и гляди свалимся с обрыва!

Стали они тогда искать укрытие и зашли под одну крутую скалу, где не было снега. Тут обнаружился вход в пещеру, о которой Торд раньше не знал и не ожидал ее там увидеть. Торд вырезал у входа знак креста стальным острием копья, которое держал в руке. Затем они вошли внутрь и уселись на два камня около входа, не желая заходить глубже.

И вот в первую треть ночи они услышали, как в глубине пещеры кто-то движется и будто бы идет к выходу. Работник Торда испугался и выбежал наружу. Но Торд велел ему вернуться и сидеть спокойно:

— Ты лучше помолись, а то бывает, что человек вот так выскочит ночью наружу да и заблудится. В темноте ведь все не то, чем кажется.

Осенили они себя крестом и стали молить Бога не оставить их своей милостью, потому что шум в пещере казался очень уж страшным. И так было темно, что и не разглядеть, что там творится. Наконец пригляделись они и увидели что-то похожее на две полные луны или на пару больших круглых щитов, и места между ними было немало. Видать, подумали они, это два глаза, а тот, кто носит эдакие светильни, уж, верно, не узколиц.

Вскоре послышался ужасный прегромкий голос, читающий стихи нараспев. Так он прочел целый флокк[5] из двенадцати вис, всякий раз повторяя последнюю строчку дважды:

1. Hrynr af heiða fenri.
Höll taka björg at falla.
Fátt mun at fornu setri
fríðs aldjötuns hríðar.
Gnýr, þás gengr enn hári
gramr of dökkva hamra.
Hátt stígr höllum fæti
Hallmundr í gný fjalla,
Hallmundr í gný fjalla.

(Грохот исходит от Фенрира вереска [= ***волка вереска = ётуна***], скалы вот-вот обрушатся в пропасть: нету покоя стоявшему издревле престолу грозо́вому старого ётуна [= ***горам***]. Гром гремит, когда седовласый шагает вождь по крутым утесам. Высо́ко ступает стопой покатой Халльмунд в грохоте гор; Халльмунд в грохоте гор).

2. Hrýtr, áðr hauga brjóti
harðvirkr megingarða,
gnýr er of seima særi
sáman, eldr enn kámi.
Eimyrju lætk áma
upp skjótliga hrjóta.
Verðr of Hrungnis hurðir
hljóðsamt við fok glóða,
hljóðsamt við fok glóða.

(Бушует темное пламя, встречая крушителя курганов могучих врат [= ***крушителя гор = Халльмунда***[6]]; ревет оно вкруг укрытого тьмою сокровищ губителя[7] [= ***ётуна = Халльмунда?***]. Взметну я темно-сверкающий пепел; пусть гулко стучится в двери Хрунгнира [= ***двери ётуна = скалу***] дождь раскаленных углей; дождь раскаленных углей.)

3. Laugask lyftidraugar
liðbáls at þat síðan,
vötn koma heldr of hölda
heit, í foldar sveita.
Þat spretta upp und epla
aur þjóð vitu jóða.
Hyrr munat höldum særi
heitr, þars fyrða teitir,
heitr, þars fyrða teitir.

(Затем омываются по́том земли [= ***водой***] взнесенные древа костра запястий [= ***люди, носящие золотые обручья = воины***]; горячий поток людей заливает; бьет он ключом из-под народа потомков яблока глины [= ***потомков камня = ётунов***]; он нестерпимей, чем жаркое пламя, — то-то воинам радость; то-то воинам радость.)

4. Springa björg ok bungur
berg, vinnask þá, stinnar,
stór, ok hörga hrærir
hjaldrborg, firar margir.
Þytr er um Þundar glitni.
Þrammak á fyr skömmu,
en magna þys þegnar
þeir hvívetna fleiri,
þeir hvívetna fleiri.

5 *Флокк — скальдическая песнь без рефрена, состоящая из вис (строф), связанных одной темой.*

6 *В редакции Финнюра Йоунссона в первой строке значится Hanga brjóti. У Квельдульфа Гундарссона: «крушителя могучих оград Ханги [= Одина]», т. е. «крушителя щитов». В пер. Е. Гуревич: «тына Тунда ворога», где Тунд — еще одно из имен Одина, тын Тунда — щит, ворог щита — муж (здесь: ётун).*

7 *Букв. «того, кто ранит».*

(Скалы и глыбы брызжут с кряжа, и сотрясается крепость хёргов[8] [= *гора*]; многие гибнут; грохот стоит вкруг сверканья Тунда[9]; тяжко я брел через реку намедни, но и воинам многим пришлось не слаще; многим пришлось не слаще.)

5. Þýtr í þungu grjóti
þyrr eskinnar svíra.
Undr láta þar ýtar
enn, er jöklar brenna.
Þó mun stórum mun meira
morðlundr á Snjógrundu
undr, þats æ mun standa,
annat fyrr of kannask
annat fyrr of kannask.

(В тяжких глыбах рокочет вихорь пепельной шеи [?]; мнится людям — дивное диво: ледник огнем пламенеет; но деревья битвы [= *воины*] в Стране Снегов [= *Исландии*] увидят диво того поболе — диво сулящее беды; диво, сулящее беды.)

6. Spretta kámir klettar.
Knýr víðis böl hríðir.
Aurr tekr upp at færask
undarligr ór grundu.
Hörgs munu höldar margir,
himinn rifnar þá, lifna.
Rignir mest. At regni
rökkr, áðr heimrinn slökkvisk,
rökkr, áðr heimrinn slökkvisk.

(Треснули надвое темные скалы, пагуба веток [= *буря*] терзает склоны; донная грязь подымается кверху; многие мужи хёргов [= *мужи скал = ётуны*] воспрянут; небо расколется, хлынет ливень, сумрак сгустится, и мир утонет; и мир утонет.)

7. Stíg ek fjall af fjalli.
Ferk oft litum þofta.
Dást ferk norðr et nyrðra
niðr í heim enn þriðja.
Skegg beri oft, sás uggir,
ámr, við minni kvámu,
brýtk við bjarga gæti
bág, í Élivága,
bág, í Élivága.

(Шагаю я с горы на гору, как с корабельной скамьи на скамью; часто я странствую в красках [зари]; иду я на север дорогой северной, ведущей в недра третьего мира; враждую я с хранителем скал [= *ётуном*[10]]; темный тот бородач страшится, что приду я к потокам Эливагар; что приду я к потокам Эливагар[11].)

8. Várum húms í heimi,
hugðak því, svá er dugði,
vér nutum verka þeira,
vallbingr, saman allir.
Undr er, hví örvar mundi
eitr hríðin mér heita,
þó ef ek þangat kæma,
þrekrammr við hlynglamma,
þrekrammr við hlynglamma.

(Все мы тут вместе в сумрачном мире; оттого я решил, что пещера сгодится; на пользу нам пошли их деянья [?]. Стало ль бы жарко мне в буре стрел яда, если бы я туда явился, крепкий супротив волка клена [= *губителя деревьев = огня*]; крепкий супротив волка клена?)

9. Dauðan mér frá morði,
mun ván ara kvánar,
handan hrímnis kindar
hárskeggjaðan báru.
En steinnökkva styrkvan
stafns plóglimum gröfnum,
járni fáðan Aurni,
auðkenndan, réðk senda,
auðkenndan, réðk senda.

(С той стороны принесли мне, седому, потомка Хримнира [= *ётуна*], павшего в битве; будет надежда жене орлиной. Послал я Аурниру[12] крепкий корабль из камня, железом окованный: легко узнать

8 *hörga, т. е. жертвенников, сложенных из камней.*

9 *Тунд — поток, окружающий Вальгаллу; через него идут вброд воины, погибшие в битвах. Ср. Речи Гримнира, 21: «Тунд шумит [...] / поток нелегко / вброд перейти / тем, кто в битве убит» (пер. А. Корсуна).*

10 *Квельдульф Гундарссон предполагает, что это «страж пути между мирами, подобный Модгуд, стерегущей мост на дороге в Хель».*

11 *Потоки, вытекающие из Нифльхейма.*

12 *Аурнир — имя ётуна (Песнь о Гротти, 9; Тулы имен, 1), в переводе означающее «житель камня (песка, глины, гравия)» (de Vries 1962a, 20).*

его по штевню — резному подобью плуга; резному подобью плуга.)

10. Sterkr, kveða illt at einu
oss við þann at senna,
Þórr veldr flotna fári.
Felldr er, sás jöklum eldir.
Þverrðr er áttbogi urðar.
Ek fer gneppr af nekkvi
niðr til Surts ens svarta
sveit í eld enn heita,
sveit í eld enn heita.

(Могучий Тор шлет беду мореходам [= *молнию*]; с ним враждовать — себе дороже; повержен ныне льдов поджигатель; потомков осыпи [= *ётунов*] род редеет; недаром я хожу понурясь: идут они к черному Сурту вниз, туда, где жаркое пламя; туда, где жаркое пламя.)

11. Veðk sem mjöll í milli,
margt er einmyrkligt, heima.
Springr jörð, því at þangat
Þór einn kveðk svá fóru.
Breitt er und brún at líta
bjargálfa, mér sjálfum.
Heldr skek ek hvarma skjöldu.
Harmstríð, er ek fer víða,
harmstríð, er ek fer víða.

(Ношусь метелью я меж мирами; повсюду смутно, клубится пар, земля разверзлась: то поступь Тора, он прошел там. Большое горе — глядеть в глаза[13] мне горным альвам [= *ётунам*]; тряхну уж лучше щитами век [=*ресницами, т. е. закрою глаза*] в скитаньях дальних; в скитаньях дальних.)

12. Einn ák hús í hrauni.
Heim sóttu mik beimar,
fimr vark fyrðum gamna
fyrr aldrigi, sjaldan.
Flokk nemið it eða ykkat,
élherðar, mun verða,
enn er at Aurnis brunni
ónyt, mikit víti,
ónyt, mikit víti.

(Одинокий мой дом — на лавовом поле; герои редко меня навещали: не мастер я развлекать речами. Запомните флокк мой, вабители бури [= *воины*], не то вас постигнет великая кара; на этом иссяк Аурнира источник [= *поэтическое вдохновение?*]; на этом иссяк Аурнира источник.)

Всё это повторилось с ними трижды: в каждую треть ночи снова звучала песня, и пока она звучала, они снова видели луны, а в другое время не видели. Когда же песня закончилась в третий раз, всё исчезло в глубине пещеры.

Тут они увидали, что занялся день, и поспешили выйти из пещеры. Но прежде чем уйти, Торд наступил ногой на крест, который начертил при входе.

Затем они двинулись дальше и добрались до церкви, но служба уже закончилась. Они повернули обратно и дошли до того места, где, как им казалось, они провели ночь, но никакой пещеры там не нашли. Изрядно тому удивившись, они пошли домой.

Торд запомнил весь этот флокк целиком, а его работник не запомнил ни слова. Через год после того Торд переселился поближе к церкви. Еще полгода спустя этот работник, спутник Торда, умер, а Торд прожил еще долго. И ничего необычного с ним больше не случалось, хотя такие вещи происходят и впрямь, пусть и очень редко.

Книгу можно заказать здесь:

13 *Букв. «под брови».*

Зигмунд ЭЭРЛЬ,
Мюнхенский / Стокгольмский университет
Перевод с английского:
Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

Новый взгляд на резные камни Готланда

Статья впервые опубликована в сборнике «Миф, материальность и живая религия в Скандинавии Меровингской эпохи и эпохи викингов» (Myth, Materiality, and Lived Religion in Merovingian and Viking Scandinavia, Stockholm University Press, 2019).

РЕЗНЫЕ камни с острова Готланд[1] являются уникальным источником для изучения мифологии древних германцев. Эти каменные плиты, вдохновлённые позднеантичными погребальными памятниками, воздвигались начиная с эпохи Великого переселения народов и вплоть до конца эпохи викингов. Хотя многие изображения на этих камнях до сих пор не поддаются однозначному толкованию, можно с уверенностью утверждать, что их иконография[2] включает мифологические и героические мотивы, которые в ряде случаев находят убедительные параллели в древнескандинавской литературе.

В своём фундаментальном труде «Готландские резные камни» (Gotlands Bildsteine, 1941–1942) Суне Линдквист (Sune Lindqvist) относит поздние камни, богато украшенные мифологическими сценами, к VIII веку (типы C/D по его классификации) [3]. Однако новейшие исследования показали, что памятники такого типа продолжали возводить и в IX–X веках[4] — в тот самый период, когда начали появляться самые ранние из известных нам образцов скальдической и эддической поэзии.

Таким образом, оба эти источника: исландские письменные тексты и иконографические изображения с балтийского острова Готланд — хронологически пересекаются. А это значит, что в некоторых случаях и при определенном везении анализ и сопоставление этих двух источников может привести к неожиданным и весьма интересным результатам.

Рис. 1. Церковь Ардре VIII. Фото: Бенгт А. Лундберг (SHM)

На двух из самых известных резных камнях эпохи викингов (тип D): камне из Тьенгвиде I (Alskog Tjängvide I) [5] и камне из Ардре VIII (Ardre Church VIII) [6] (рис. 1, верхняя часть камня) — изображен всадник на восьминогом коне. Исландские письменные источники XIII века рассказывают о чудесном восьминогом коне Одина Слейпнире[7]. Слейпнир описывается как прекраснейший и быстрейший из всех коней в мире. Его главная особенность — способность пересекать границу между миром живых и миром мёртвых. Весьма вероятно, что конь на этих резных камнях

и есть не кто иной, как Слейпнир, изображенный по меньшей мере за три века до того, как были записаны первые истории о нем. Во всяком случае, на этих камнях представлен тот же образ мифологического сверхъестественно быстрого коня.

На камне из Ардре VIII изображены кузница, двое обезглавленных мужчин позади неё, птицеподобное существо и женщина (рис. 1, нижняя часть камня, под кораблём). Перед нами, вне всякого сомнения, сцена мести Вёлунда-кузнеца [8], та самая, что впервые была записана в эддической поэме «Песнь о Вёлунде» [9] (Исландия, X век или ранее [10]). Эти примеры показывают связь между мифологическими образами камней Готланда и письменными источниками, которые помогают расшифровать и пролить свет на время и место возникновения этих мифов.

Кроме того, иконография этих памятников позволяет по-новому взглянуть на древнегерманскую религию и религию эпохи викингов, ведь они несут в себе мотивы, не известные по письменной традиции. Здесь я хотел бы представить ранее не публиковавшуюся находку из Санкт-Валле в приходе Руте (St. Valle in Rute Parish), которую подробно рассмотрю в своей новой книге о резных камнях Готланда[11].

Рис. 2. Неопубликованный фрагмент из Сент-Валле, Руте (рисунок С. Ээрля). Авторские права: Sigmund Oehrl. Лицензия: CC BY-NC-ND

На фрагменте изображён мужчина в рогатом головном уборе, парящий над морскими волнами за кормой корабля (рис. 2). Образ напоминает рогатую мифическую фигуру с пластинок шлемов меровингского периода (рис. 3), где похожий персонаж (так называемый божественный покровитель в бою, германский аналог numen victoriae[12] (лат., дух победы — прим. переводчика)), помогает всаднику метнуть копьё.

Рис. 3. Накладка со шлема из Вальсгёрде 8 (рисунок W. Lange; по Hauck 1981)

В древнескандинавской литературе прямых параллелей этому образу морского божественного спутника не находится. Тем не менее мотив на этих пластинах перекликается с письменными источниками [13]: в скальдической поэме «Драпа о Серой Мантии» Глума Гейрасона (после 974 г.) говорится, что боги направляют героев в битве. В эддической поэме «Песнь о Хлёде», строфа 28 (предположительно IX век), король готов взывает к Одину, богу войны и отцу павших, с просьбой направить полет его копья (láti svá Óðinn flein fliúga).

Итак, как мы убедились, резные камни с острова Готланд — важный и уникальный источник по германской мифологии и героическому эпосу. Однако существует нерешённая проблема, которая делает их полноценную интерпретацию практически невозможной. Изображения на резных камнях зачастую крайне трудно различить. Рельефы довольно грубые, а вырезанные линии плоские, почти невидимые невооружённым глазом. Вдобавок они нередко разрушены выветриванием или попросту истоптаны. Именно с этой трудностью столкнулись Суне Линдквист и его предшественники, готовившие издание готландских памятников в 1941–1942 годах. Эта проблема и по сей день остаётся серьёзной, хотя, к сожалению, редко признается таковой в современных исследованиях [14]. Линдквист затемнял помещение и освещал камень электрической лампой под разными углами. Затем при подготовке фотографий для своего издания он прокрашивал борозды, которые считал высеченными рукой мастера (рис. 4–5) [15].

Рис. 4. Buttle Änge I, без прокраски. Фотограф: Суне Линдквист

Рис. 5. Buttle Änge I, после прокраски С. Линдквистом. Фотограф: H. Faith-Ell, 1937

Рис. 6. Клинте Хуннинге I, рисунок О. Сёрлинга по изданию Lindqvist 1941–1942

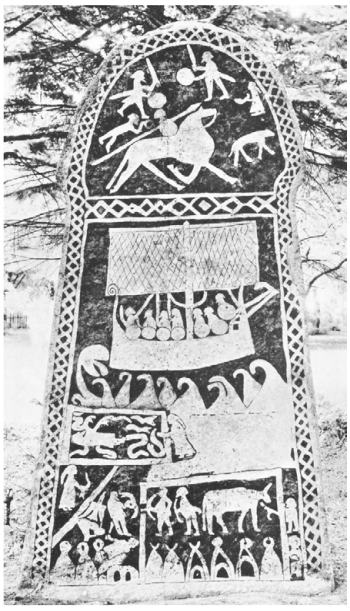

Рис. 7. Клинте Хуннинге I, прокраска С. Линдквиста (по: Lindqvist 1941–1942)

В итоге эти прорисовки, по сей день служащие главной основой для исследований, отражают взгляд и точку зрения одного-единственного человека. Линдквист, безусловно, был крупным специалистом, а значение его труда трудно переоценить, и всё же последующие исследователи обнаружили, что отдельные фрагменты и детали камней допускают несколько толкований, тогда как иллюстрации Линдквиста передают лишь одно из возможных прочтений (рис. 6–7) [15].

А между тем, на сегодняшний день существуют и другие цифровые методы, позволяющие точнее описывать резные камни и объективнее интерпретировать изображённые на них фигуры. Именно этому посвящён мой данный исследовательский проект, который завершится выходом монографии. Одним из таких инструментов цифровой археологии является трёхмерное моделирование [16]. Я применяю метод фотограмметрии: создание трёхмерных моделей на

основе фотографий, сделанных с разных ракурсов. 3D-модели дают целый ряд преимуществ для изучения иконографии: поверхность можно вращать и наклонять, убирать естественный цвет камня и следы позднейшей окраски, имитировать различное освещение, приближать детали и рассматривать их под разными углами, а также проводить дополнительные измерения.

Другой применяемый мной метод — это Метод Трансформации Отражений (Reflectance Transformation Imaging — RTI) [17]. Он был изобретён компанией Hewlett Packard, а затем некоммерческой организацией Cultural Heritage Imaging из Калифорнии [18] был адаптирован под задачи археологии. В общих чертах съёмка для получения цифровых данных, на основе которых создаются RTI-файлы, выглядит следующим образом (рис. 8–9):

— серия снимков делается при строго определённом наборе углов освещения;

— источник света меняет свое положение после каждого кадра, при этом камера остаётся неподвижной;

— на самом памятнике закрепляется отражающий шар, например, бильярдный.

В итоге получается серия снимков одного и того же объекта, сделанных при разном освещении: тени падают иначе, а блик на шаре смещается. На этой основе программа RTI формирует единое изображение высокого разрешения, которое можно во всех деталях рассматривать на экране, управляя виртуальным световым пучком с помощью мышки (рис. 10–11). По сути, это довольно простой, но очень полезный инструмент для анализа отдельных деталей, а также для проверки и опровержения спорных интерпретаций.

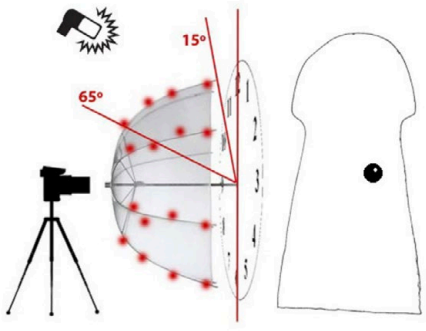

Рис. 8. Съёмка изображений для RTI. Авторские права: Sigmund Oehrl. Лицензия: CC BY-NC-ND

Рис. 9. Съёмка изображений для RTI. Церковь Буттле, резной камень, встроенный в пол перед алтарём. Фотограф: P. Prestel. Авторские права: Sigmund Oehrl. Лицензия: CC BY-NC-ND

В этой статье я хотел бы привести два примера того, как метод RTI может дать основание для новых иконографических интерпретаций. Оба примера будут подробно рассмотрены в моей готовящейся монографии. Начну с резного камня № I из Хуннинге в приходе Клинте (Klinte Hunninge I), расположенного на западном побережье острова, примерно в двух километрах к востоку от Клинтехамна (Klintehamn) (тип C) (рис. 7). Высота памятника — 284 см. В нижней части изображено нечто вроде прямоугольного огороженного пространства (рис. 12). Внутри этого пространства в окружении змей на спине лежит мужчина, с бородкой и в характерной тунике. Рядом с оградой стоит женщина, которая, судя по всему, протягивает руки внутрь.

Большинство исследователей считают, что на камне изображен Гуннар в змеиной яме [19]. История Гуннара-конунга и его героической гибели подробнее всего изложена в «Саге о Вёльсунгах», «Языке поэзии» Снорри и эддических героических поэмах: «Речах Атли», «Песни об Атли», «Плаче Оддрун» и «Гибели Нифлунгов» [20]. Древнейший из этих источников, «Песнь об Атли», датируется IX–X веком. Атли, конунг гуннов и муж Гудрун, сестры Гуннара, зовёт его на пир, желая завладеть легендарным золотым кладом, добытым Сигурдом у дракона Фафнира. Гуннар отказывается открыть местонахождение сокровища. Его заковывают в цепи и бросают в ормгард — змеиную яму. Чтобы усыпить змей, он играет на арфе, которую ему передала сестра. Но в конце концов змеи всё же убивают Гуннара. Арфа на камне из Клинте Хуннинге I не изображена, однако сцена трактуется именно

с помощью этого героического предания: женщина, тянущаяся к ограде, — это, по всей видимости, Гудрун, возможно, именно в этот момент передающая герою музыкальный инструмент.

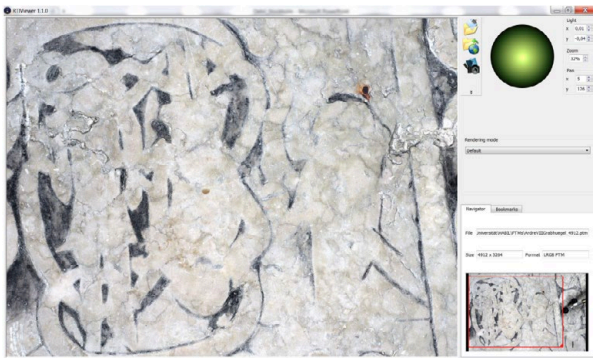

Рис. 10. RTI Viewer, фрагмент камня Ardre VIII из церкви Ардре. Фотограф: Sigmund Oehrl. Авторские права: Sigmund Oehrl. Лицензия: CC BY-NC-ND

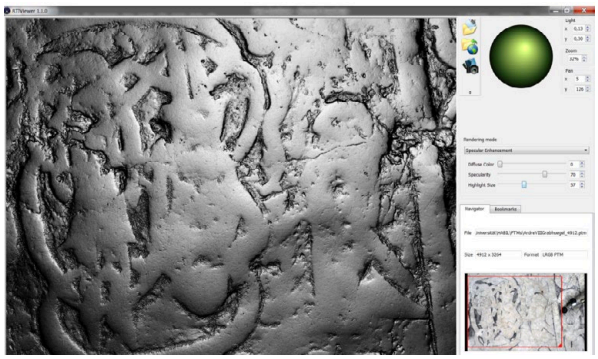

Рис. 11. RTI Viewer, фрагмент камня Ardre VIII из церкви Ардре, проанализированный в режиме визуализации «Specular Enhancement». Фотограф: Sigmund Oehrl. Авторские права: Sigmund Oehrl. Лицензия: CC BY-NC-ND

Между тем фигура на камне из Клинте Хуннинге I никак не может изображать Гуннара! Стоит убрать вторичную прокраску Линдквиста и взглянуть на камень в RTI Viewer — и станет очевидно: у персонажа есть коса (рис. 13–15, повёрнуто на 90° вправо, фигура стоит на ногах). На прорисовке Линдквиста голова, шея и спина слиты в одну непрерывную линию. Но RTI-изображение безжалостно опровергает это прочтение: на камне отчётливо видна ещё одна резная линия, отделяющая длинные волосы от туловища. Кроме того, одежда персонажа оказывается немного длиннее и более изогнутой: у неё, по-видимому, есть шлейф. Сложение фигуры более стройное. Ног у фигуры не видно.

Рис. 13. Клинте Хуннинге I, фигура в «змеиной яме», повёрнутая на 90° вправо; анализ в RTI Viewer, режим визуализации «Specular Enhancement». Фотограф: Sigmund Oehrl. Авторские права: Sigmund Oehrl. Лицензия: CC BY-NC-ND

Рис. 14. Клинте Хуннинге I, фигура в змеиной яме, повёрнутая на 90° вправо; анализ в RTI Viewer, режим визуализации «Specular Enhancement». Фотограф: Sigmund Oehrl. Авторские права: Sigmund Oehrl. Лицензия: CC BY-NC-ND

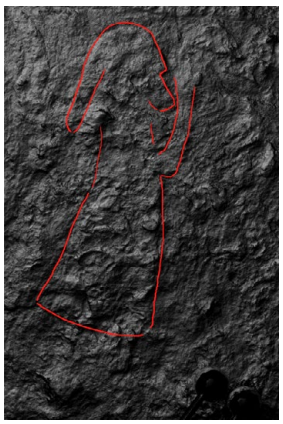

Рис. 15. Клинте Хуннинге I, фигура в змеиной яме, повёрнутая на 90° вправо; результат анализа в RTI Viewer. Фотограф: Sigmund Oehrl. Авторские права: Sigmund Oehrl. Лицензия: CC BY-NC-ND

Таким образом, фигура, лежащая внутри ограждения, обладает теми же гендерными признаками, что и женские фигуры, изображённые на том же камне (рис. 16). Получается, что перед нами не мужчина, а женщина. Ошибочная прокраска начала XX века увела целые поколения исследователей по ложному следу. Теперь же, когда мы взглянули на это изображение по-новому, его интерпретация требует полного пересмотра.

Рис. 16. Клинте Хуннинге I, женские фигуры (С. Ээрль, по: Lindqvist 1941–1942, т. I, рис. 128)

Дополнительно стоит отметить, что сцену внутри ограды можно истолковать иначе, через призму христианской эсхатологии. Если коротко: рои змей, терзающих души грешников, — это широко распространённый мотив христианского ада, начиная с IX века [21]. Иконографических свидетельств тому немало; одно из древнейших можно найти в Утрехтском Псалтыре [22] 820–835 годов (рис. 17) [23]. Из памятников X века можно упомянуть Апокалипсис Беата из Жироны [24]. По всей видимости, этот христианский образ проник и в эддическую поэзию: большинство исследователей сходятся [25] в том, что «Прорицание вёльвы» (записанное в X веке) также несёт на себе определённые христианские влияния. Одним из них, судя по всему, является чертог из змей (salr) на берегу мёртвых Настранд (Nástr□ndr), где злодеи терпят муки от змеиного яда (строфы 38–39, пер. А.И. Корсуна) [26].

Рис. 17. Утрехтский псалтырь, UB Utrecht Ms. 32, fol. 3v (по: van der Horst et al. 1982–1984). Авторские права: UB Utrecht

38 Видела дом,
далекий от солнца,
на Береге Мертвых,
дверью на север;
падали капли
яда сквозь дымник,
из змей живых
сплетен этот дом.

39 Там она видела —
шли чрез потоки
поправшие клятвы,
убийцы подлые
и те, кто жен
чужих соблазняет;
Нидхёгг глодал там
трупы умерших,
терзал он мужей —
довольно ли вам этого? [27]

Такое христианское представление о посмертном месте наказания вполне применимо и к сцене с женщиной в змеиной яме на камне из Клинте Хуннинге I, датируемом предположительно IX–X веком.

Однако существует и другой вариант интерпретации иконографии этого камня, и связан он с изображениями на уже упомянутом камне из Ардре VIII (рис. 1). Оба памятника, судя по всему, тесно связаны между собой [28]. Прежде всего, стоит отметить положение корабля викингов посередине обоих картин, что само по себе необычно, ведь, как правило, корабль располагается в нижней части. В самом низу обоих камней изображено нечто вроде ограды или строения. Внутри этого строения, напоминающего хлев, виден бык.

Наконец, на обоих памятниках есть человек, лежащий в змеиной яме, и две женские фигуры рядом. В случае с камнем из Ардре VIII есть веские основания считать, что сцена изображает наказание Локи, описанное в «Видении Гюльви» (гл. 50, пер. О.А. Смирницкой).

> *«Локи уже нечего было надеяться на пощаду. Асы пришли с ним в одну пещеру, взяли три плоских камня и поставили на ребро, пробив в каждом по отверстию. Потом захватили они сыновей Локи, Вали и Нари, или Нарви. Превратили асы Вали в волка, и он разорвал в клочья Нарви, своего брата. Тогда асы взяли его кишки и привязали Локи к тем трём камням. Один упирается ему в плечи, другой — в поясницу, а третий — под колени. А привязь эта превратилась в железо.*
>
> *Тогда Скади взяла ядовитую змею и повесила над ним, чтобы яд капал ему в лицо. Но Сигюн, жена его, стоит подле и держит чашу под каплями яда. Когда же наполняется чаша, она идёт выбросить яд, и тем временем яд каплет ему на лицо. Тут он рвётся с такой силой, что сотрясается вся земля. Вы зовёте это землетрясением. Так он будет лежать в оковах до Гибели Богов»* [29].

Женщина, стоящая непосредственно слева от змеиной ямы на камне из Ардре VIII, держит в руке хвост одной из змей (рис. 18). Быть может, это Скади — она берёт змею, чтобы подвесить её над головой Локи[30]. Женщина рядом с ней отворачивается от происходящего, высоко поднимая сосуд, напоминающий кубок или чашу. По всей видимости, перед нами Сигюн — она выливает скопившийся в чаше яд [31].

Рис. 18. Наказание Локи (?) на камне Ардре VIII; рисунок, выполненный на основе RTI. Фотограф: Sigmund Oehrl. Авторские права: Sigmund Oehrl. Лицензия: CC BY-NC-ND

Если эта интерпретация верна (хотя, разумеется, она не бесспорна), то и на камне из Клинте Хуннинге I фигура в змеиной яме, рядом с которой стоят две женщины, скорее всего, из того же мифа. Но почему тогда бог Локи изображён с женскими чертами? Дело в том, что, согласно древнескандинавской литературной традиции, Локи обладает ярко выраженными и мужскими, и женскими чертами [32]. В «Видении Гюльви» (гл. 42) он превращается в кобылу и рождает на свет коня Слейпнира [33]. Для разговора с Фригг он принимает облик женщины, чтобы выведать, чем можно ранить Бальдра (гл. 49) [34]. И он же в обличье великанши отказывается оплакивать его смерть [35]. В «Перебранке Локи» (строфы 23, 33) [36] говорится, что Локи рожал детей, а в «Песни о Хюндле» (строфа 41) [37] — что он забеременел, съев жареное сердце. Можно ли в таком случае также допустить, что и в искусстве эпохи викингов Локи изображали с женскими чертами?

Судя по всему, именно так и обстоит дело на знаменитом англо-скандинавском каменном кресте из Госфорта в Камбрии (Нортумбрия), воздвигнутом в первой половине X века (рис. 19) [38]. На нём Локи изображён лежащим на спине: ноги, руки и шея скованы, перед лицом — голова змеи, а сидящая на стуле Сигюн протягивает руку с серповидной чашей. То, что перед нами сцена наказания Локи, вписанная в христианский контекст, не вызывает ни малейшего сомнения [39]. Скованный бог представлен здесь с косой — той самой причёской, что носит и его жена. Ни у одной другой мужской фигуры на кресте нет подобной причёски.

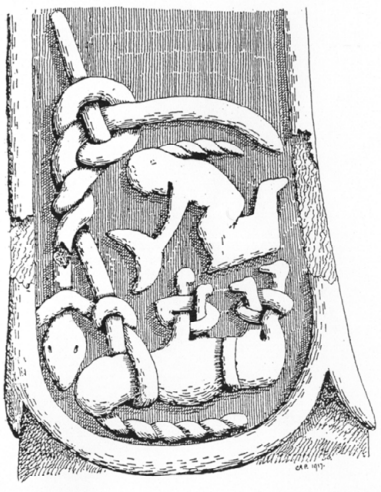

Рис. 19. Наказание Локи на кресте Госфорта (западная сторона), рисунок C.A. Parker (по: Collingwood/Parker 1917, fig. 4)

Поэтому вполне разумно предположить, что и «женщина» в змеиной яме на камне из Клинте Хуннинге I на самом деле никакая не женщина, а все тот же вездесущий бог Локи. Тогда становятся понятны и роли двух женщины у ограды. Как и на камне из Ардре VIII, их можно истолковать как Скади (внизу, со змеёй в руке) и Сигюн (с чашей в руках, справа).

Рис. 20. Sanda Church IV, с прокраской Линдквиста (по: Andersson 1968, табл. 78)

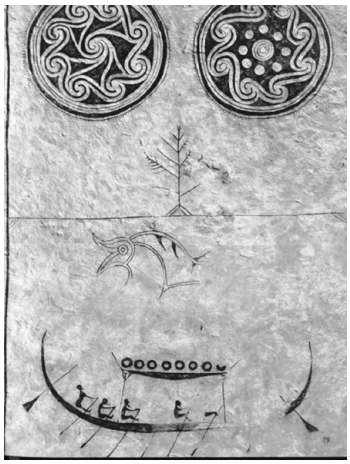

Рис. 21. Sanda Church IV, нижняя часть, с прокраской Линдквиста (по: Andersson 1968, табл. 79)

Второй памятник, который я хотел бы рассмотреть в данном исследовании, — резной камень IV из церкви Санда, примерно в четырёх километрах к северо-востоку от Клинтехамна (Sanda Church, Klintehamn) [40]. Эта каменная плита высотой 330 см датируется эпохой Великого переселения народов, предположительно VI веком н. э. (тип A). В книге Линдквиста описана лишь верхняя половина памятника [41], нижняя была обнаружена позже в 1956 году под полом церкви. Целиком камень был прорисован и опубликован Линдквистом в 1962 году (рис. 20–21) [42]. Согласно опубликованной прорисовке, камень делит на две части горизонтальная линия. В верхней половине виден большой диск со спиральным орнаментом, а также пара дисков поменьше, обвитых змеями. На горизонтальной линии стоит схематично изображённое дерево. Ниже линии — оскалившийся зверь и лодка с гребцами. Однако RTI-анализ выявил на камне следы дополнительных изображений, в особенности перед фигурой животного. Одна сравнительно глубокая линия различима без труда. Несколько бороздок правее и четко очерченная область под ними складываются в образ всадника с копьём в руке (рис. 22–23). Очень похожий всадник с согнутой рукой и занесённым копьём изображён на резном камне I из церкви Мартебу (рис. 24) [43].

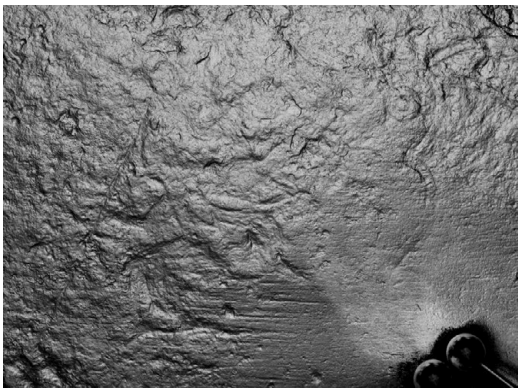

Рис. 22. Церковь Санда, IV, всадник; анализ в RTI Viewer, режим визуализации «Specular Enhancement». Фотограф: Sigmund Oehrl. Авторские права: Sigmund Oehrl. Лицензия: CC BY-NC-ND

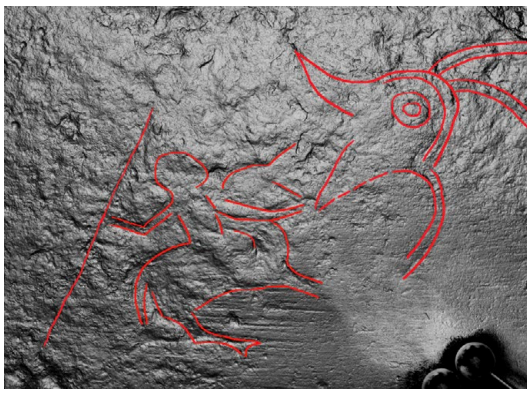

Рис. 23. Церковь Санда, IV, всадник; результат анализа в RTI Viewer. Фотограф: Sigmund Oehrl. Авторские права: Sigmund Oehrl. Лицензия: CC BY-NC-ND

Рис. 24. Церковь Мартебу I
(по: Lindqvist 1941–1942, m. I, pic. 6)

Всадник, изображенный на камне IV из церкви Санда, судя по всему, сражается с каким-то животным: хищным зверем, львиноподобным существом или драконом. Схожим образом следует интерпретировать и изображение человека перед ползучим чудовищем с множеством ног (камень Хангвар Аустерс I, рис. 25) [44], и двух вооружённых всадников, атакующих змея (камень из церкви Мартебу, рис. 24): всё это батальные сцены. Таким образом, воин, сражающийся со зверем, является одним из ключевых сюжетов иконографии резных камней эпохи Великого переселения народов. При этом данный мотив крайне редко встречается в раннегерманском искусстве. На ум приходит только два примера. Первый — золотой брактеат IK 65 Гудбрандсдален-C (рис. 26) [45] из Норвегии, на котором изображен всадник с копьём и мечом, атакующий группу животных во главе с огромным пресмыкающимся (конец V века[46]). Второй — знаменитая пластина шлема из погребения Вендель I (рис. 27) [47], на которой всадник с копьём и в сопровождении двух птиц вступает в схватку со змеем [48].

Рис. 25. Хангвар Аустерс I.
Фотограф: H. Faith-Ell, 1937. Авторские права: ATA.
Лицензия: CC BY-NC-ND

Рис. 26. Золотой брактеат IK 65 Gudbrandsdalen-C
(по: Hauck et al. 1985–1989, taf. 78)

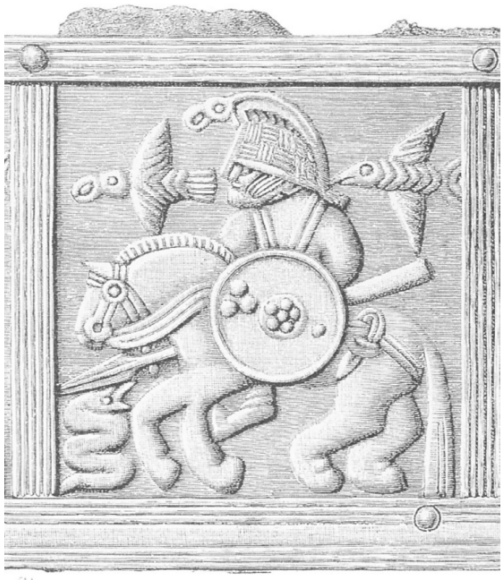

Рис. 27. Накладка шлема из Вендель I
(рисунок по: Stolpe/Arne 1912, taf. VI, I)

Как отмечал Вильгельм Хольмквист (Wilhelm Holmqvis) [49], оба изображения, по всей видимости, испытали влияние христианства. Иконография святых-всадников восходит к искусству восточного Средиземноморья. Образцом послужили прежде всего коптские изображения конных святых, побеждающих львов и змееподобных демонов, — отсюда и целая череда победоносных всадников на медальонах меровингского периода (рис. 28) [50]. Здесь следует упомянуть и римские монеты с изображением христианского императора, который едет верхом и поражает копьём змею (рис. 29) [51]. Я полагаю, что воин на коне, сражающийся со зверем на камне из церкви Санда IV (как и на камне из церкви Мартебу I), также несёт на себе отпечаток подобных христианских образов. Однако готландский резчик, по всей видимости,

не стремился изобразить именно христианского святого или римского императора. Скорее всего, и здесь я разделяю точку зрения Хольмквиста [52], он позаимствовал мотив из континентального искусства и переосмыслил его в духе собственной традиции.

Рис. 28. Святой всадник на средиземноморском амулете, найденном в Страсбурге (рисунок по: Fingerlin 2010, Abb. 16)

Рис. 29. Золотой медальон Констанция II (337–361) (рисунок по: Vierck 1981, Abb. 5.5)

Кто именно изображён в этой схватке, сказать трудно, а порой и вовсе невозможно. Тем не менее ряд наблюдений позволяет глубже понять контекст этого поединка. Фигуры помещены ниже горизонтальной линии с деревом, а значит, они явно находятся в подземном мире. Это подтверждается и тем, что диски на ранних готландских резных камнях, порой обвитые змеями, принято считать небесными телами, воплощающими космологические представления [53]. Такое толкование небезосновательно: на надгробных плитах римских провинций (предполагаемых прообразах ранних готландских камней) те же спиральные диски соседствуют с изображениями звёзд и полумесяца [54]. Мотив космического змея, опоясывающего мир, известен не только в древнескандинавской религии (Йормунганд), но и в христианской традиции, прежде всего восточно-средиземноморской и египетско-коптской [55]. Наконец, края многих дисков на готландских резных камнях украшены короткими штрихами или зубцами, напоминающими корону или даже, быть может, солнечные лучи [56].

Таким образом, камень из Санда делится на две космологические сферы: мир над землёй и мир под землёй. Поединок всадника со зверем разворачивается в преисподней. Это хорошо согласуется с устоявшейся интерпретацией лодки на ранних готландских камнях — судна, везущего мёртвых в мир смерти [57].

Остаётся открытым вопрос: можно ли считать крошечное дерево на границе между двумя космологическими сферами своего рода мировым древом, и есть ли здесь связь с Иггдрасилем. Если да, то в этом свете зверь у корней дерева невольно вызывает в памяти дракона Нидхёгга, который, согласно «Речам Гримнира» (строфа 35) [58], сидит под мировым древом и гложет его корни. В «Прорицании вёльвы» (строфа 39) Нидхёгг пожирает тела мертвецов на берегу преисподней — Настранде [59]. Несмотря на разницу в четыре-пять веков между этими источниками, вполне вероятно, что камень из церкви Санда IV воплощает те же представления о мироздании и царстве мёртвых, что и древнескандинавская литература. И всё же личность воина, дерзнувшего сразиться с демоном смерти, по-прежнему остаётся загадкой [60].

Как показывают рассмотренные примеры, такие цифровые методы, как RTI и трёхмерное моделирование, позволяют описывать резные камни с большой точностью и открывают возможность для новых прочтений, расширяющих наши представления о германской религии и героическом эпосе. Задача будущих исследований — максимально расширить использование данных методов и на их основе инициировать полноценное переосмысление таких уникальных и бесценных источников как резные камни.

Примечания

1. *Основными трудами по теме являются издание Линдквиста 1941–1942 годов, краткий справочник Ламма и Нюлена (2003) и статьи в сборнике материалов конференции под редакцией Херлин Карнелл и др. (2012) См. также: Oerl 2015; 2017b. Хороший обзор историографии представлен у Хельмбрехта (2011: 272–281). Следует упомянуть и монографии Буиссона (1976) о знаменитом камне Ардре VIII и Альтхауса (1993), а также неопубликованные работы Эшлмана (1983) и Бёттгер-Ниденцу (1982). Книга Губера (2011) о ранних резных камнях Готланда (типы A и B) даёт полезный обзор известного материала и устоявшихся интерпретаций, однако не предлагает принципиально новых выводов (ср.: Oerl 2013a). Группа поздних рунических камней эпохи викингов (тип E) исследована Вестфалем (2004).*
2. *Lindqvist 1941–1942 vol. I:91–93 and Fig. 238, 239; Holmqvist 1952.*
3. *Lindqvist 1941–1942 vol. I:177ff.*
4. *По этому вопросу см. прежде всего: Eshleman 1983: 307–308; Hyenstrand 1989: 31; Varenius 1992: 52, 82; Wilson 1995: 64; 1998; Imer 2001; 2012; Herlin Karnell et al. 2012: 7, 14–15.*
5. *Lindqvist 1941–1942 vol. I: Fig. 137–138; vol. II:15–17, Fig. 305– 306; Lamm & Nylén 2003: Nr. 4. 6 Lindqvist 1941–1942 vol. I: Fig. 139–140; vol. II:22–24, Fig. 311; Lamm & Nylén 2003: Nr. 16.*
7. *В частности, Видение Гюльви, 42, in Faulkes 2005:34–35.*
8. *Об иконографии Вёлунда-кузнеца см. прежде всего Nedoma 1988 (о камне Ardre VII см. с. 27–31) и подробнее Oehrl 2012b (о камне Ardre VIII см. с. 284–287) с библиографией. См. также важную работу Buisson 1976: 70–80.*
9. *Neckel/Kuhn 1983:116–123.*
10. *Nedoma 1988:116.*
11. *Эта находка уже была опубликована и рассмотрена в журнале Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur (Oehrl 2017a). Предварительный отчёт см. в: Oehrl 2016.*
12. *Beck 1964: 31–45; Hauck 1954: 41–42; 1957: 6–7; 1978: 42–44; 1980: 246–274; 1981: 203–256; 1982: 346–349; 1983a: 595–599; 1983b: 453–457; 1994: 222–223. О понятии божественного помощника в бою в более широком смысле в библейской, античной и средневековой традиции, см.: Graus 1977; Schreiner 2000; 2004.*
13. *См. Beck 1964: 31–45.*
14. *Об этих основных проблемах см. Oehrl 2012a, 2015 и 2017b с дальнейшей литературой и примерами, а также Kitzler Åhfeldt 2015: 407–408.*
15. *В действительности и сам Линдквист хорошо осознавал эту проблему (1941–1942, m. I: 12–15).*
16. *Лайла Кицлер Охфельдт анализировала 3D-модели рунических камней и резных камней, используя портативный оптический 3D-сканер высокого разрешения (ATOS II от GOM), чтобы исследовать технику резьбы и использование шаблонов (Kitzler Åhfeldt 2009; 2012; 2013; 2015); о преимуществах этого метода для иконографического анализа см. Oehrl 2012a: 103–104; 2012b: 302–303, рис. 16; 2015: 225, 232, рис. 37–40.*
17. *Свой RTI-анализ резных камней Готланда и Стокгольма я проводил с апреля по сентябрь 2013 года. Проект финансировался DAAD, Fritz Thyssen Stiftung и Gerda Henkel Stiftung. Предварительные сведения о моём исследовании опубликованы в Oehrl 2015: 233 и Oehrl 2017b. См. также Andreeff & Potter 2014.*
18. *http://culturalheritageimaging. org/Technologies/RTI/) (19.10.2015). На сайте CHI также приведён список публикаций, посвящённых RTI.*
19. *Назову лишь некоторые из них: von See 1981: 118; Althaus 1993: 204; Reichert 2003: 33; Lamm & Nylén 2003: 52; Oehrl 2006: 109; Staecker 2006: 365; Heinzle 2010: 24; Aðalheiður Guðmundsdóttir 2012: 1032 и далее; 2015: 359–360.*
20. *Письменные и иконографические источники собраны и рассмотрены у Aðalheiður Guðmundsdóttir 2012 и 2015; Blindheim 1972–1973; 1973: 21–23; Margeson 1980; von See et al. 2009: 914, 928; Oehrl 2006: 107–110.*
21. *См., например, Nordland 1949: 93–100; Krappe 1940–1941: 29–32.*
22. *UB Utrecht Ms. 32, fol. 3v и 59r.*
23. *Факсимиле и комментарий: van der Horst et al. 1982–1984.*
24. *Archivo Capitular de Girona ms. 7, ранее 41, fol. 17v. Williams 1994–2003, m. 1: pl. 23; m. 2: 56–57, ill. 290.*
25. *Bang 1879; Bugge 1881–1889; Meyer 1889; Olrik 1922: 131 и далее; Heusler 1941: 190; Sigurður Nordal 1980: 133–140; Hultgård 1990: 353; Dronke 1992; McKinnell 1994: 120–127; Dronke 1997: 93–104; North 2003; McKinnell 2008; Horst 2010: 239–249; о современном состоянии дискуссии см. статьи в сборнике конференции The Nordic Apocalypse: Steinsland 2013; Johansson 2013; Pétur Pétursson 2013; Samplonius 2013; Kure 2013.*
26. *См. Kure 2013*
27. *Neckel/Kuhn 1983: 9. Ср. Gylfaginning, гл. 52, в: Faulkes 2005: 53.*
28. *Böttger-Niedenzu 1982: 69; Oehrl 2009: 548.*
29. *Faulkes 2005: 49.*
30. *Buisson 1976: 65–66.*
31. *Lindqvist 1941–1942, m. I: 96. Однако сам Линдквист считает, что обе женщины — это Сигюн, держащая сосуд.*
32. *См., например, de Vries 1933: 215–223; Ström 1956: 69–73; Mundal 1998–2000; North 2001.*
33. *Faulkes 2005: 34–35.*
34. *Faulkes 2005: 45.*
35. *Faulkes 2005: 48.*
36. *Neckel/Kuhn 1983: 101, 103.*
37. *Neckel/Kuhn 1983: 294.*
38. *Bailey & Cramp 1988: 102–103, ill. 288 и далее.*
39. *Calverley 1883: 378–381; Stephens 1884: 20–21; Bugge 1899: 262; Olrik 1922: 12; Reitzenstein 1924: 46; Shetelig 1933: 223; Ellis Davidson 1950: 130; Bailey 1980: 128; Lang 1989; Bailey 1996: 87–88; Haavardsholm 1996: 124–127 (критически); Bailey 2003: 21; Fuglesang 2004: 219–220; Bailey & Cramp 1988: 102–103; Kopár 2012: 90–101*
40. *Lamm & Nylén 2003: № 215.*
41. *Lindqvist 1941–1942, m. II: 110, рис. 481.*
42. *Lindqvist 1962.*
43. *Lindqvist 1941–1942, m. I: рис. 6; m. II: 100–102, рис. 462; Lamm & Nylén 2003: № 194.*
44. *Lindqvist 1941–1942, m. I: рис. 27; m. II: 69, рис. 403–404; Lamm & Nylén 2003: № 126.*
45. *Hauck et al. 1985–1989: 121, taf. 77–78.*
46. *Об интерпретации этого изображения см. прежде всего Ellmers (1970: 217 и далее), который пытается связать его с битвой при Рагнарёке, и Hauck (1983b: 439), считающего всадника диоскурическим божеством и божественным помощником в борьбе с демонами (см. ниже прим. 59).*

47. *Helmbrecht 2011: кат. № 1090, ил. 6g, 11f-g, с указанием соответствующей литературы.*
48. *Всадник часто интерпретировался как Один, сопровождаемый двумя своими воронами. Змея, однако, с трудом вписывается в такую интерпретацию (см. прежде всего Beck 1964: 9–12, 19–31).*
49. *Holmqvist 1939: 110 и далее, 270–271.*
50. *См. прежде всего, с иллюстрациями: Holmqvist 1939: 110 и далее; Böhner 1982: 103 и далее; Quast 2002: 269, 275; 2009; Fingerlin 2010: 42–46.*
51. *Holmqvist 1939: 275; Beck 1964: 23–25.*
52. *Holmqvist 1939: 221 и далее.*
53. *Изображения на ранних резных камнях Готланда, прежде всего на Sanda Church IV, интерпретировались как космологические представления прежде всего у Ellmers (1981; 1986: 342–350); Hauck (1983a); Ellis Davidsson (1969: 140–145; 1988: 168–170); Althaus (1993: 77–84, 97–98, 147–149) и Andrén, который связывает эти изображения с иконографией бронзового века (2012). Ср. уже Lindqvist 1941–1942, m. I: 91–92.*
54. *Lindqvist 1941–1942, m. I: 91–93 и рис. 238, 239; ср. Cumont 1942, прежде всего рис. 54–59.*
55. *Oehrl 2013b; 2014; Ellmers (1981: 36 и далее; 1986: 342 и далее) интерпретирует два диска, окружённые змеями, как изображения Мидгарда и нижнего мира, Хель; Hauck (1983a: 546–547, 578–579) рассматривает оба как посмертные места наказания.*
56. *Lamm & Nylén 2003: 20; Guber 2011: 44–47.*
57. *Письменные, иконографические и археологические свидетельства идеи заморского мира мёртвых и посмертного путешествия на лодке в германской традиции собраны и подробно рассмотрены у Egeler 2015: 113–180. О лодке на ранних резных камнях Готланда см. прежде всего Hauck 1983a: 546, 577.*
58. *Neckel/Kuhn 1983: 64.*
59. *Neckel/Kuhn 1983: 9.*
60. *Пары воинов и коней на ранних резных камнях Готланда Хаук (1983a) интерпретирует как Диоскуров, сражающихся с демонами смерти и защищающих умерших на их пути через иной мир. В большую реконструкцию древнегерманских Диоскуров, предложенную Хауком, включены также пластины шлемов меровингской эпохи и золотые брактеаты эпохи Великого переселения народов (несколько его статей: Hauck 1980, прежде всего 264 и далее; 1983b; 1984; 1994: 208–242). Результаты моего нового анализа Sanda Church IV в действительности тоже можно было бы интерпретировать именно в этом ключе. Следуя идее Хаука, всадник мог бы представлять такого божественного помощника в беде, сражающегося с демоном в подземном мире. Однако выводы Хаука, на мой взгляд, остаются гипотетическими. Тем не менее его исследование следует считать самым масштабным и наиболее основательным разбором иконографии ранних резных камней Готланда. Широта его взгляда на средиземноморские параллели и его наблюдательность, равно как и воображение, до сих пор остаются непревзойдёнными.*

Хильда Родерик
ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН
Перевод с английского: ESGAL

Дорога в Хель

В этом номере мы продолжаем печать полного перевода книги Хильды Родерик Эллис-Девидсон «Дорога в Хель». Начало можно прочитать в 40–52 номере «Северного ветра».

Эльфы и духи земли

Становится всё более очевидным, что рассматривать этот аспект культа мёртвых *(практика сидения на кургане — прим. редакции)* изолированно невозможно, так тесно он связан с другими скандинавскими верованиями. Например, представляется необходимым затронуть тему эльфов, так как без неё исследование будет явно неполным; но нам придется ещё раз более подробно вернуться к ней при обсуждении доказательств веры в перерождения.

В скандинавском фольклоре, особенно шведском, эльфы связаны с курганами. Такие верования также встречаются в сагах, подобно тому, как в эпизоде из ***Саге о Кормаке*** (Kormáks Saga, XXII) ведьма Тордис указывает человеку, который желает исцелиться от серьёзной раны, что нужно пойти «***на курган (hóll) неподалёку, в котором обитают эльфы; взять быка, которого убил Кормак, оросить красной бычьей кровью склоны холма, а из мяса устроить эльфам торжественный пир; тогда ты исцелишься***».

Отсюда можно сделать заманчивое предположение, что эльфы — жители могильного кургана; хотя на самом деле ***hóll*** — слово неоднозначное и может означать всего лишь естественный бугор. Аргумент в пользу могильника подкрепляет история Олафа Гейрстадира, ведь в ней говорится, что только после того, как конунга положили в курган и ради благоденствия совершили ему жертвоприношения, его стали называть ***эльфом***. К сожалению, остальные наши свидетельства не дают этому подтверждений.[1] Есть некоторое соответствие с álfa-blót из ***Круга Земного*** (Heimskringla), когда в Швеции скальда Сигвата не пустили в имение, потому что жена бонда заявила, что они приносят жертву эльфам; и он комментирует это в одной из своих вис.[2] В ***Эдде*** есть сопоставление Фрейра с Альвхеймом. В ***Сагах о Древних временах*** (Fornaldar Sögur) — ***Саге о Хрольфе Жердинке*** (Hrólfs Saga Kraka, XLVIII) — мы находим совместное упоминание эльфов и норн в качестве союзников ведьмы Скульд против короля Хрольфа, ***«так что смертные ничего не могли противопоставить такой компании***».

Главная трудность в связи с эльфами — оценить, насколько правильно используется в этих рассказах сам термин, например, в ***Саге о Хрольфе Жердинке***, где говорится, что Скульд сама была ребёнком эльфийской женщины, навещавшей по ночам короля Хельги (Hrólfs Saga Kraka, XV). Использование именования в ***Сагах о Древних временах*** (Fornaldar Sögur) явно отличается от представленного в ***Старшей Эдде***, где эльфов всегда показывают равноценными асам; в ***Перебранке Локи*** (Lokasenna)[3], к примеру, где боги вме-

1 *Могк (Mogk. Grundr. Germ. Philologie, Paul, III, II, p. 287) утверждает, что отрывок о священной горе в Саге о людях с Песчаного берега (Eyrbyggja Saga, IV), где говорится, что на ней не должно оставлять никакие álfrekr (нечистоты), является подтверждением равнозначности живущего в горе мертвеца и эльфов. Однако это выглядит сомнительным, и, возможно, употребление этого термина — просто совпадение.*

2 *См. стр. 78/114 ниже.*

3 *Lokasenna, 2, 13, 30 cf. Grímnismál!, 4 Þrymskviða, 7, 8 ; Skírnismál, 7.*

сте пируют в чертоге Эгира, трижды возглашаются «***асы и альвы, которые присутствуют здесь***». В ***Поездке Скирнира*** (Skírnismál)[4] посланника Фрейра спрашивают, не из асов ли он, ванов или эльфов; и, в целом, кажется, что сходство этих загадочных существ с богами Асгарда больше, чем с великанами или карликами, так же как ваны, хотя они явно из другой расы, представлены свободно скрещивающимися с богами.

Если говорить об обитателях могильных курганов, обычное их именование — ***draugr*** — то есть ***оживший труп***, который проживает в пределах кургана, охраняя свои сокровища, и изредка причиняет беды в мире людей; и здесь не наблюдается примеров, где такое существо называют эльфом. С другой стороны, можно вспомнить, что Олаф Гейрстадир не просто таким образом пребывает в кургане; он представлен вновь родившимся в мире живых как Олаф Святой, так что, возможно, можно попробовать отыскать смысл его именования в надежде на возрождение; в этом случае связь эльфов с холмами может зависеть от связи их — то есть могильных курганов — с перерождением; эта тема будет обсуждаться в следующей главе.

Положение осложняется тем, что в Скандинавии в эпоху викингов существовал район, называемый Альвхейм. Он лежал на крайнем юго-востоке Норвегии между реками Гота и Гломмен, как раз под Осло-Фьордом, и сейчас большей частью принадлежит Швеции. Снорри описывает борьбу Хальвдана Чёрного и Харальда Прекрасноволосого с конунгом Гэндальфом из Альвхейма и его сыновьями, которая длится, пока, наконец, Харальд не убивает Гэндальфа в битве. В описании Снорри есть намеки на некие сверхъестественные силы, которыми одержимы Гэндальф и его люди. Однако ко времени создания ***Саг о Древних временах*** (Fornaldar Sögur) Альвхейм стал страной на грани мифологии, как о том, например, говорится в ***Саге о Торстейне Викингссонаре*** (Þorsteins Saga Vikingssonar, I):

«Альв Старый… правил королевством, которое лежит между двумя реками; они получили свои имена от него, и каждую называли elfr***; одна называется Гаутальв [т. е. Гота], бежит на юг, в земли конунга Гаута, и отделяет земли от Гаутланда; другая называется Раумарики [т. е. Гломмен] и лежит к северу, и была названа в честь конунга Раума; те земли назывались Раумарики. Землю, которой правил конунг Альв, называли Альвхейм, и люди, которые вышли из неё, были все эльфийской расы; они были красивее всех других народов, кроме*** rísir***».***

В этом отрывке рассказчик саги пытается совместить топонимы и мифологию; земля, называемая Альвхейм, что лежит между реками Гаутальв и Раумальв, была, очевидно, просто местом, куда он поместил эльфов. Однако это не помогает нам узнать больше о природе этих загадочных существ, но лишь показывает, как легко могут возникать недоразумения и дополнительные сложности при толковании старых верований и традиций.

Возвращаясь снова к трудной теме поклонения эльфам: самым ценным и точным свидетельством об эльфах представляется их связь с Фрейром. В отрывке из вышеупомянутой ***Саги об Олафе Святом*** есть доказательства поклонения им в Швеции в начале одиннадцатого века; Сигват Скальд описал посещение в ходе исполнения поручения Олафа Святого поместья, где, по его словам, проходил альфа-блот:

Мне в дверях старуха
«Прочь, — рекла, — треклятый.
Одинова гнева
Здесь у нас страшатся».
Меня выгоняла,
Будто волка, мол, «мы
Язычники, ночью
Правим жертвы альвам»[5]***.***

Следует ли здесь принимать всерьёз связь между Одином и эльфами? Она может использоваться христианским поэтом лишь как типичное язычество, которому он теперь противостоит; также можно интерпретировать фразу и таким образом, что явление поклонения эльфам (и Фрейру) противополагается поклонению Одину.

Однако связь с Фрейром, упоминаемая в ***Речах Гримнира*** (Grímnismál), также может помочь объяснить отношение эльфов к курганам. То, что нам

4 *Skírnismál, 17, 18.*

5 *Ibid. Ölafs Saga Helga, XCI:*

Gakkat inn, kvað ekkja, armi drengr, in lengra; hrœðumk ek vip Oðins (crum heiðnir vér) reiði;
rýgr kvazk inni eiga ópekk, sús mér hmekði, álfa-b1ót, sem ulfi ótvín yr bœ sínum.

(Ed. F. Jónsson, Heimskringla, Copenhagen, 1911, p. 254.)

известно о культе Фрейра, предполагает связь их всех с плодородием и мёртвыми, и может также иметь значение, что в ту же сторону указывает толкование назначения чашечных углублений на камнях, в Швеции традиционно ассоциируемых с эльфами. Эти чашки обнаруживают рядом с ранее описанными наскальными рисунками, а также на могилах со времен Каменного века и по Железный век. В Швеции до недавнего времени было принято лить в них молоко и другие напитки в качестве подношений. Предназначались ли они изначально для мёртвых или в дар земле? Этот вопрос рассматривался Хаммерстедтом, а позднее Алмгреном[6]. Первый считает, что если чашечник вне могильника, подношения должны были предназначаться земле, и после тщательного анализа доказательств, Алмгрен также склоняется в пользу культа плодородия, а не культа мёртвых. На него повлиял тот факт, что последние исследования подобных артефактов в Палестине явно и чётко показывают, что те изначально были связаны с землей, а впоследствии распространены на находящихся в земле мёртвых, и к тому же чашечные углубления имеют сходство с некоторыми индийскими культовыми символами, представляющими род и плодородие. Он полагает, что хотя такие артефакты — найденные в Швеции в тесной связи с солнечным колесом — в древности связывали с поклонением солнцу и природным культом плодородия, впоследствии их перенесли на могильники и, с вероятностью, назначили для возрождения мёртвых.

Интересно обнаружить, что Алмгрен, работая над чашечными камнями бронзового века и поздними, вполне самостоятельно приходит к выводам, очень похожим на те, что даны в литературе о культе Фрейра, с которым связаны эльфы. Можно заметить, что и Фрейр, и эльфы связаны также с солнцем; Фрейр, говорится в ***Видении Гюльви*** (Gylfaginning, XXIV), контролировал «***дождь, солнце и плодородие земли»***, в то время как солнце несколько раз названо ***álfröðlull***, «слава эльфов»[7], и в ***Речах Альвиса*** (Alvíssmál, 16) говорится, что его назвают ***fagrahvél***, «колесо ярмарки»[8]. Последнее особенно интересно в свете связи между чашечниками и солнечным колесом, замечает Алмгрен. Если Алмгрен прав, ассоциация плодородия с эльфами является значимой, и именно через их связь с культами плодородия проходит их родственность мёртвым; этот союз, впрочем, явно восходит к очень далёким временам, а в период, с которым мы, в основном, работаем — язычество лишь за одно или два столетия до пришествия христианства, — он должен быть устоявшимся фактом. Прозвучавшее ранее в этой главе предположение, что ведущее значение имеет возрождение, а не существование в могиле, если как-либо и подкрепляется исследованиями учёных, подобных Алмгрену, то относится к признакам гораздо более ранних скандинавских верований; однако представленных доказательств всё ещё недостаточно, чтобы объявить об этом с уверенностью.

Думаю, нет сомнений, что концепция эльфов в литературе находится под влиянием идей о другом классе сверхъестественных существ, которые я группирую под общим заголовком «духи земли». Ранее ученые разными способами пытались превратить этих существ в «духов предков», но эта тенденция в последнее время обрела дурную славу, и, как мы увидим, литература действительно предоставляет для этих понятий не слишком много точек соприкосновения. Одно из самых ярких описаний отдельного духа этого рода приходит из истории о Торвальде и Видфорли[9]. Отец Торвальда не принимает учение христианского епископа, несмотря на хорошие рекомендации, потому что, говорит он, у него уже есть собственный ***spámaðr***. (Слово используется для существ, имеющих пророческие способности.) Кодран сказал:

«... Он рассказывает мне заранее много вещей, которые должны произойти в будущем; он охраняет мой скот и предупреждает, что я должен делать и чего мне следует остерегаться; поэтому у меня большая вера в него, и я поклонялся ему в течение длительного времени. Но он совсем не доверяет вам, а также вашему spámaðr...

— А где он живёт? — спросил Торвальд [который надолго уезжал из дома].

— Он живет здесь, — ответил Кодран, — недалеко от моего дома в большом и красивом камне.

6 *Almgren, Nordische Felszeichnungens als religiųse Urkunaden, p. 237 t.*

7 *E.g. Vafþrúpnismál, 47; Skнrnismбl, 4.*

8 *'fair wheel' также может означать "колесо фейри" — жителей волшебного мира (прим. переводчика)*

9 *Þáttr Þorvalds ens Víðförla (Altnordische Saga—Bibliotek, XI), chapter 2, p. 65 cf Kristnisagta, II.*

Торвальд спросил, давно ли он поселился там. Кодран сказал, что очень давно».

Торвальд и епископ, конечно, не одобрили этого; и окропили камень святой водой с плачевными результатами для ***spámaðr***. Тот явился Кодрану во сне, по-видимому, как обычно, только сейчас, «***дрожа, как будто в ужасе***», и с горечью упрекал его:

«Ты поступил плохо, принимая здесь этих людей, что сговорились против тебя, они стремятся изгнать меня из моего жилища — ведь они залили кипящей водой мой дом, и мои дети немало страдают от боли от горячих капель, которые текут сквозь крышу; и хотя это вовсе не ранит меня, реально тяжело слышать как маленькие дети плачут и кричат от ожогов».

Торвальд и епископ, однако, продолжили свои действия, и следующей ночью ***spámaðr*** появляется во второй раз; теперь он приходит в дырявом кожаном плаще и снова протестует против экзекуции. На третью ночь дух, несправедливо названный «вредоносным», появляется в последний раз. По его словам, епископ «***изгадил его дом, залил кипятком, замочил и порвал одежду и вогнал их в печаль»***, так что он с детьми вынужден его покинуть.

Эта история не дает никаких оснований для отнесения ***spámaðr*** к духам предков, конечно, возможно, что он был причиной возникновения этой концепции, но для подобного заключения требуется намного больше свидетельств. Историю следует рассматривать совместно с другими. В ***Книге с Плоского острова*** (Flateyjarbók)[10], например, мы видим весьма сходную картину бегства духов перед приходом христианства, когда ясновидящий Торхалл видит, что множество холмов открыто и все живые существа, великие и малые, переезжают в этот день со всем своим скарбом. Если прочесть историю в свете предыдущих событий, то убийство Тидранди создаёт впечатление, что так духи защищаются от приближающейся к ним новой веры, хотя та ещё не была проповедана, но перед её превосходящей мощью духи старой религии вынуждены бежать — поразительно похоже на видение Милтона в Рождественской Оде. Именно к таким защитным духам мы должны отнести духов земли, которые обитают в горах, реках, деревьях и долинах. В ***Саге об Олафе Святом*** (Öláfs Saga Helga)[11] есть история об одном таком духе, живущем на горном пастбище высоко над каменистой осыпью на склоне холма вдали от любого человеческого жилья. Изгнание этого существа имеет близкое сходство с изгнанием ***spámaðr'***а из его камня:

«В полночь… за пределами пастушьей стоянки раздался страшный крик: «Меня так жгут молитвы Олафа конунга, — говорило существо, — что я не могу больше оставаться в моём доме, и теперь я должен бежать».

Следует помнить, что ***Книга о Взятии земли*** (Landnámabók)[12] содержит формулировку идущих с языческих времен законов, что воины не должны подплывать к земле с оскаленными и отверстыми пастями личин на их кораблях, но должны снять их загодя на некотором расстоянии от Исландии, чтобы не пугать духов земли. Также идея духов земли как защитных существ, чью дружбу стоит ценить, следует из короткого рассказа в ***Книге о Взятии земли*** о счастливом человеке по имени Бьёрн, которому помогали духи земли, так что его стада преумножились и он значительно преуспел:

«… ***Все люди с даром второго зрения видели духов земли, следующих за Хаф-Бьёрном на Тинг, и Торстейном и Тордом (его братьями) на охоту и рыбалку»*** (IV, 12, стр. 194).

Лучшей местью Эгиля конунгу Эрику и его жене Гуннхильд является установка на шесте лошадиной головы, при этом ***«… он заклинал духов земли, чтобы они блуждали без дороги и не знали покоя, пока не изгонят из страны конунга и Гуннхильд»***[13]. Наконец, в ***Круге Земном*** (Heimskringla)[14] у нас есть история, как конунг Дании Харальд сын Горма после ссоры с людьми из Исландии посылает туда на разведку своего человека в облике кита. Кит плавал вокруг юго-западной оконечности Исландии и до северного побережья: «***он увидел, что все горы и пригорки***

10 *Flateyjarbók: Öláfs Saga Tryggvasonar, I, 335, p. 421 f.*

11 *Heimskringla: Öláfs Saga Helga, CLXXIX.*

12 *Lndn. IV, 7' p. 183.*

13 *Egils Saga, LVII.*

14 *Heimskringla: Öláfs Saga Tryggvasonar, XXXIII.*

(hólar) ***были полны духов земли, некоторые большие, а некоторые маленькие»***. Эти духи спускались на берег и преграждали ему путь, когда он пытал пройти вглубь по какому-либо фьорду, иногда они принимали вид змей, либо гадюк, либо жаб; однажды его перехватил бык и однажды птица, и наконец ему встретился огромный, как гора, великан, на чём его нервы не выдержали, и он вернулся к Харальду.

Вряд ли можно ожидать от основанной лишь незадолго до того колонии Исландия, чтобы там оказалось столько духов предков, как показано в этом рассказе. Из той же серии пример из истории одного из первых поселенцев в Исландии, которая, согласно ***Книге Взятия земли*** (Landnámabók),[15] началась практически сразу, едва он подошёл принести жертву водопаду. С другой стороны, нельзя требовать слишком много логики от традиционных верований, что так долго сохранялись после проникновения христианства на Север. Из имеющихся в литературе упоминаний духов земли следует, во-первых, их тесное отождествление с миром природы; во-вторых, связанность с конкретными населёнными пунктами, и, в меньшей степени, с некоторыми людьми, живущими в этих населённых пунктах; и в-третьих, очевидная враждебность между ними и проповедниками христианства. Несомненно значимы все аспекты идеи плодородия, поскольку, раз они связаны с землёй, её плодотворность должна быть в значительной степени объяснена ими же. Является существенным и пассаж в ***Книге Взятия земли***, где дружба с духами земли даёт удачу в охоте и рыбалке, и выращивании животных семье, которую те взяли под свою защиту. Если их связывать с захороненными умершими, то, скорее всего, через ту же идею плодородия, которая, как мы видели, была связана в том числе и с мертвецом в могиле; тем же доказывается и связь между ними и эльфами. В ***Саге об Инглингах*** (Ynglinga Saga, VII) духи гор и камней бок о бок помещены в святилище и сказано, что Один имеет одинаковую власть над всеми. Но связь между духами земли, которые помогают сделать её плодородной, и духами умерших должна, как мы видели, уходить очень далеко в прошлое, так что вряд ли стоит ожидать, что в конце языческого периода в сознании создателей саг их различие будет оставаться чётким. Можно заметить, что эти духи земли, похоже, принадлежат миру народных верований, а не мировой художественной мифологии. Они не упоминаются в Эдде, их не обсуждает Снорри, и, насколько мы можем сказать, они не входят в мир богов. В этом их коренное отличие от умерших; вероятно, позднейшая концепция духов мёртвых и положение, которое те занимают в фольклоре, многим обязаны путанице с духами земли. Вражда, проявленная со стороны церкви, вероятно, объясняется тем, что искоренить эти широко распространённые представления о духах, контролирующих плодородие почв и здоровье людей, оказалось сложнее, чем все мифологические концепции языческих богов; ту же историю мы находим в христианизированной англо-саксонской Англии в грозном списке наказаний для тех, кто «***приносит подарки для любого весеннего камня или дерева***» или «***поклоняется родникам или камням или лесным деревьям любого рода»***, который считали необходимым повторять в Своде епитимий и Законах до времён Кнута[16].

Заключение

Незатейливые, на первый взгляд, свидетельства культа мёртвых в скандинавской литературе непротиворечивы и при ближайшем рассмотрении ведут к разветвлённым предположениям. Хотя мы имеем дело только с воспоминаниями, непонятными, как нам представляется, позднейшим составителям саг, в них осталось достаточно, чтобы требовать нашего внимания. Ясно, что культ мёртвых был лишь смутным ощущением их влияния на плодородие в мире природы; в эпизодах сидения на кургане, в поклонении кургану в Бьярмаланде и в традиционных связях с некоторыми из ранних королей Скандинавии мы находим признаки определённого культа и организованной обрядности, связанной с почитанием мёртвых, пребывавших в земле.

Насколько можно судить по обрывочной начальной информации и подтверждающим свидетельствам археологии, практика сидения

15 *Lndn. v, j, p. 207.*

16 *E.g. 13. Thorpe, 'Ancient Laws and Institutes of England', Poenitentiale Egberti, Arch. Ebor. II, 22, p. 371; Liebermann, 'Die Gesetze der Anglsachsen', I, Cnut, II, 5, p. 312.*

на курганах кажется уходящей в эпоху Переселения народов, но продолжающейся в эпоху Викингов; и она оставила неповторимые следы в литературе. Судя по всему, значение этого обычая было частично связано с идеями о пророческом вдохновении, получаемом от умершего, и отчасти с идеями о возрождении. Мы еще не исследовали эту линию мысли детально, но она должна проясниться по мере нашего продвижения. Из подчёркнутого интереса, проявленного к поклонению курганам в Бьярмаланде, можно предположить, что там культ продолжался и по завершении языческого периода, после того как в Норвегии стали править христианские конунги.

Мы видим, что с этим культом связаны божества, но сложно определить конкретные их к нему отношения. Хотелось бы чётко установить личность бога биармийцев, чьё изображение, украшенное великолепным ожерельем, стояло рядом со священным курганом. У нас есть основания полагать, что в Швеции огромное значение имел Фрейр и связанные с ним эльфы, благодаря связи с курганами и с рождаемостью в природном и человеческом мире; есть даже соблазн предположить, что, возможно, Ваны в целом имели особо тесные связи с этим культом, который нёс в себе концепцию плодородия в живой природе, равно как и в мире мёртвых. Были ли в действительности сами изначальные эльфы ванами, хотя позже оставили своё высокое призвание и стали маленькими земными существами, сродни духам земли из распространенных верований? Но требуется неизмеримо большее количество доказательств, прежде чем такое предположение может быть выдвинуто всерьёз.

Торгерд Хёльгабруд, странная богиня, которой поклонялся Ян Хакон на севере Норвегии, также может иметь большое значение благодаря её тесной связи с курганами; но имеющееся у нас знание о ней способно лишь озадачить. Наконец, не должен быть забыт Один, так как он не только связан с сожжением мёртвых, но и с рядом историй о мертвецах в земле. Но прежде чем пытаться прийти к каким-либо выводам, совершенно необходимо исследовать доказательства веры в перерождение.

Продолжение следует...

МУЗЫКА ВЕТРА

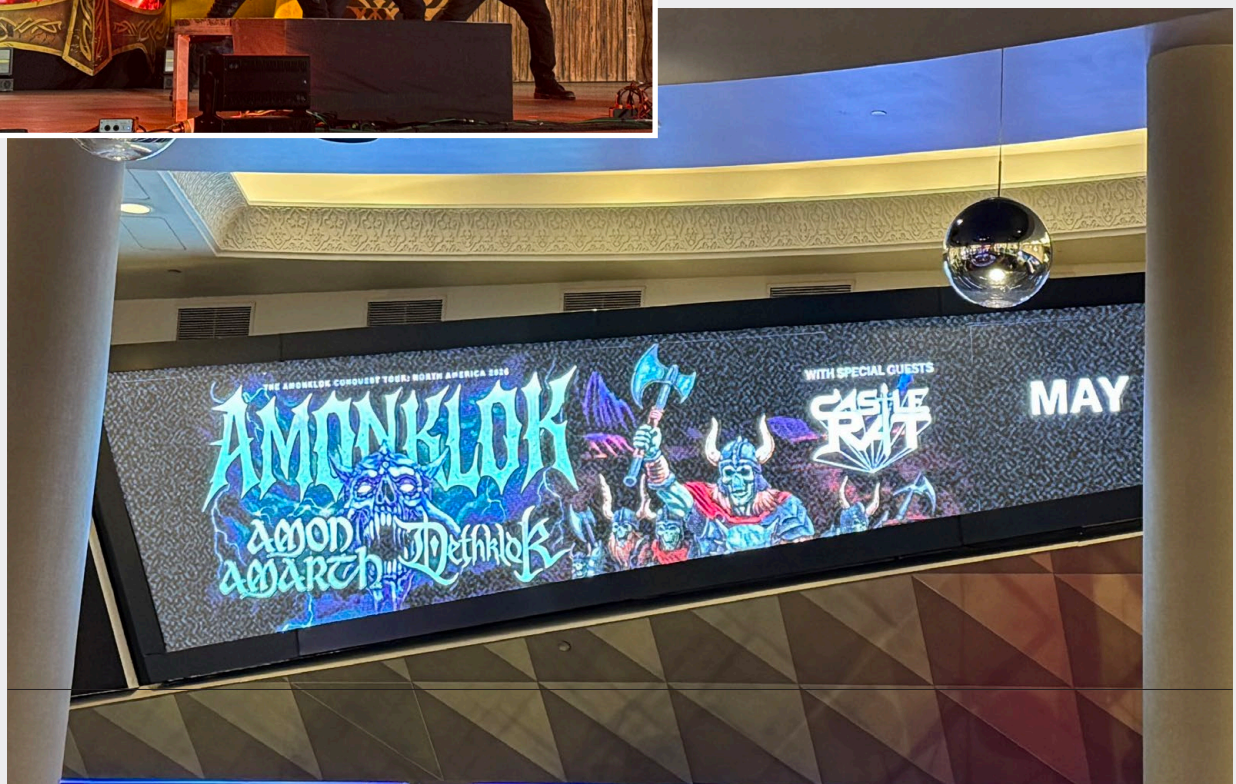
Мария ЮЛИНА
(РАНХИЛЬД)

Amon Amarth
Рейд на Вегас
Live, 2026

«Three bands. One night. The strong will scream. The weak will fall.
...If you survive... perhaps the gods have other plans for you»
Amon Amarth

Концертом в Лас Вегасе Amon Amarth завершили североамериканскую часть тура «The Amonklok Conquest». И это, на минуточку, был исторический тур: впервые за всю карьеру они делили шапку афиши с Dethklok. Да-да, с теми самыми металлистами из шикарного мультика «Metalocalypse», который в 2026-м отмечает свое двадцатилетие. И видят боги, это было эпичное сотрудничество, ведь даже само название тура «Амонклокское завоевание» как бы намекает на масштаб.

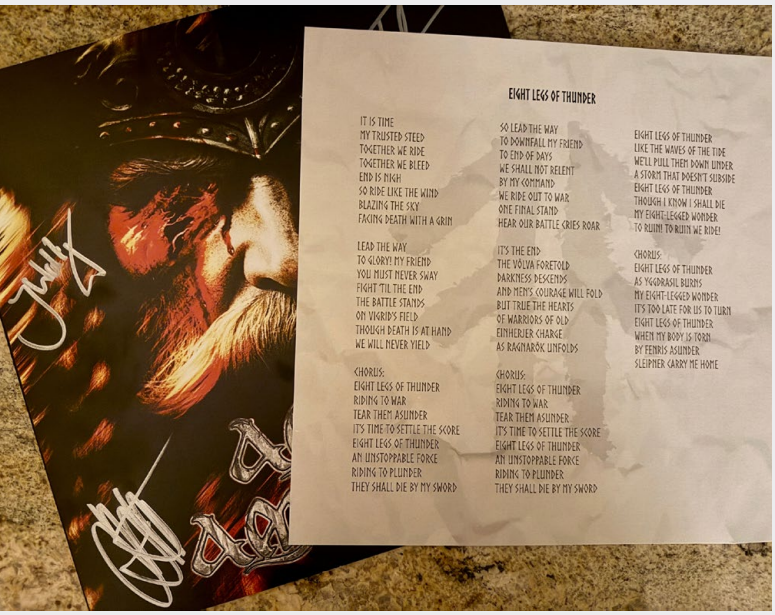

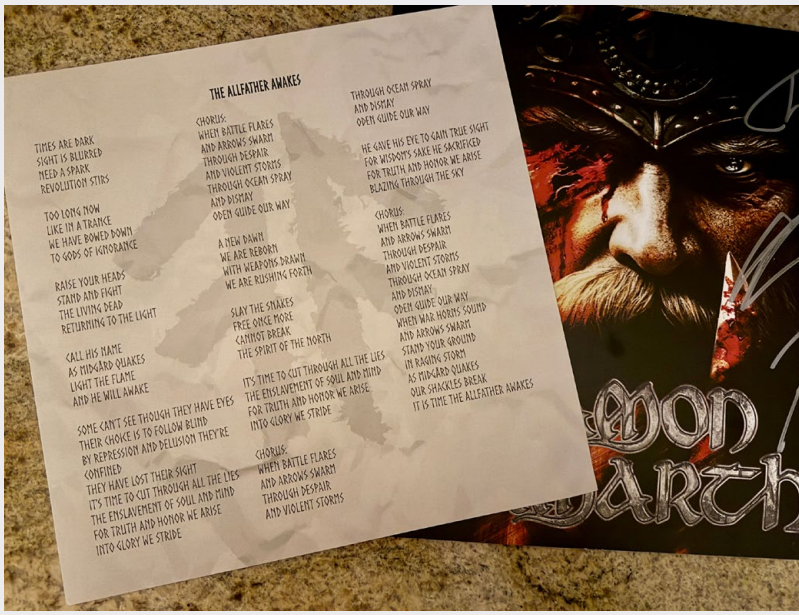

Передышки у Амонов почти не будет: уже в октябре стартует европейская часть, теперь под вывеской «The Allfather Awakens». Но главное случится в конце года: ожидается выход нового альбома, первого со времён «The Great Heathen Army» (2022). Сингл «We Rule The Waves», вышедший летом 2025-го, был своего рода разведкой боем (и на взгляд редакции, крайне удачной). Но основная высадка ещё впереди.

И вот тут, дорогие читатели, мы приготовили для вас невероятный эксклюзив (пристегните ремни, как говорится). У тура был особый формат Listening Party Experience: счастливчиков, наступивших своей жабе на все четыре лапы, пускали в зал заранее, давали послушать три ещё не вышедших трека с нового альбома,

а в финале вручали папку подписанных текстов. И, надо сказать, что услышанное крайне обнадеживает: и тексты — огонь, и песни — уровня старых добрых Амонов. Так что альбом ждём, считая дни. А пока у всех наших читателей есть возможность посмотреть одним глазком на то, что уже к концу года будет звучать со всех больших площадок.

Волшебные исландские сказки

Тексты первоначально опубликованы на сайте: https://norroen.info

Перевод с исландского и примечания: Тимофей ЕРМОЛАЕВ
Редакция перевода: Speculatorius

Аульвы ищут помощи у людей
Álfar leita liðveizlu manna

Проявили ли люди первыми безо всякой причины готовность услужить аульвам, или же аульвы обратились к людям за тем, что им требуется, и по-другому они этого получить не могли, а для самоуважения их было весьма неприемлемо взять это иначе, кроме как с полного разрешения и позволения людей, или же если они нуждались в личном содействии людей, что случается нередко, особенно чтобы помочь женщинам-аульвам при родах, — зачастую они щедро вознаграждали за подобное, и это считается прямой дорогой к счастью: благосклонно относиться ко всем их нуждам. А с другой стороны, они обрушивали свой гнев на тех, кто отказывал им в подобного рода помощи.

Рыбак из Гётюра
Sjómaðurinn á Götum

Сказывают, что давным-давно в Гётюре в Мирдале жил некий бонд, и он в рыболовный сезон выходил в море там, где это обычно происходит в старое и новое время, а именно у острова Дирхоулаэй.

Вот раз бонд, как обычно, возвращался с моря; путь пролегал через болота. В сумерки он пришёл туда, где некий человек никак не мог вытащить своего коня из трясины без посторонней помощи. Бонд не узнал этого человека, однако помог ему вытащить коня из трясины. Когда дело было сделано, незнакомец сказал:

— Я твой сосед, поскольку живу в ущелье Хваммсгиль, и сейчас я возвращаюсь с моря, как и ты, но я настолько беден, что не могу вознаградить тебя за услугу, как полагается, но я любезно обещаю, что впредь, если ты последуешь моему совету и не будешь ездить к морю, пока не увидишь меня, то не останешься без улова всякий раз, когда выйдешь в море, пока будешь этого придерживаться.

Бонд поблагодарил его за этот совет.

Прошло три года, и бонд из Гётюра не отправлялся в путь, если только не видел своего соседа, и никогда поездка не была бесполезной, и он не оставался без улова. Но через три года случилось так, что однажды рано утром была очень хорошая погода для рыбной ловли, и все сразу направились к морю, но бонд не видел своего соседа, хотя ждал долго. В конце концов бонд не вытерпел и поехал без своего соседа. Когда же бонд пришёл к морю, все суда уже отплыли. В тот день все суда потерпели крушение, но бонд не пострадал, поскольку утром не успел ни на одно из них.

А ночью бонду приснился его сосед, и тот заговорил с бондом такими словами:

— Благодаря мне ты сегодня не погиб в море, но за то, что ты поехал, не увидев меня, отныне тебе не придётся меня дожидаться, поскольку я больше не позволю себя увидеть, раз ты не последовал моему совету.

И с тех пор бонд никогда не видел своего соседа.

О сокрытом народе
Um huldufólk

Есть люди, которым слышались внутри холмов звуки пахтанья, скобления горшков и тому подобное. Также некоторые верят, что когда новые люди приходят на какую-нибудь землю и насмехаются над сокрытым народом, тогда счастье оставляет их, поскольку сокрытый народ переезжает из этих земельных владений и не оберегает хозяйство от убытков.

Тоурд из Трастастадира
Þórður á Þrastastöðum

Тоурдом звали одного человека; он жил в Трастастадире в Хёвдастрёнде в Скагафьёрде[1]. Его считали немного чудаковатым. Однажды зимой он ушёл из дома, направляясь в торговый город, но была такая сильная метель, что это казалось невозможным. Он нёс мешок с товаром и пошёл через болото, поскольку так было недалеко до Хофсоуса. Пройдя немного, он заблудился, однако продолжал идти вперёд до самого вечера, тут ему показалось, будто он видит торговые лавки такие высокие, что диву даёшься; он пошёл туда; в окнах горел свет. Он подошёл к одному окну, увидел там внутри людей, услышал песни под музыку и увидел пляски. Теперь он подошёл к двери и постучал. Из двери сразу вышел мужчина в сюртуке и спросил, что он хочет. Тоурд рассказал, что заблудился и хочет получить здесь приют, если это возможно. Тот пригласил его внутрь:

— Следуй за мной со своим мешком с товаром. Утром я поторгую с тобой, и тебе понравится не меньше, чем в Хофсоусе.

Тоурд ушам своим не верил, ему казалось, будто он во сне. Вот человек в сюртуке провёл Тоурда в комнату, хотя он был одет небогато; там было много народу: хозяйка, дети и домочадцы; все они были роскошно одеты и распевали песни и веселились. Человек в сюртуке, или же хозяин, тихо сказал своей жене, хотя Тоурд расслышал:

— Сюда явился человек, он устал, заблудился, и ему нужно подкрепить силы. Сделай ему что-нибудь хорошее, дорогая моя.

Она сказала, что тот много настрадался, поспешно встала и принесла ему еды, много и хорошей. А хозяин пришёл с бутылкой и двумя рюмками, налил, одну выпил сам, а другую предложил выпить Тоурду. Он так и сделал. Ему показалось, что за всю свою жизнь не пробовал он такого хорошего вина.

---

1 *Возможно, это бонд Тоурд Стейнгримссон (род. ок. 1667 г.), о котором известно, что он проживал в той же местности в 1703-м и в 1733-м годах.*

Там было очень шумное веселье, и Тоурду не было скучно, но его приключение казалось ему странным. Он наливал одну рюмку за другой и опьянел. Потом он получил хорошую постель и спал всю ночь.

Утром он также получил еду и вино, ещё лучше, чем вечером. Затем хозяин вышел с ним наружу и предложил ему поторговать с ним. Тоурд согласился. Пришли они в лавку; там были всяческие запасы. Тоурд выложил свой товар; купец (как правильнее было его называть) дал ему вдвое лучше цену, чем обычно в Хофсоусе. Теперь Тоурд набрал в свой мешок зерно, полотно и разную мелочь, которая ему была нужна; всё это было вдвое лучше, чем он привык, и когда они закончили, подарил купец ему шаль для жены и хлеб для детей, сказав, что тот должен пользоваться этим, так как спас его сына от смертельной опасности. Тоурд ответил, что ничего такого не было. Однако купец сказал, что такое было.

— Однажды ты находился под Тоурдархёвди вместе с другими молодыми людьми. Вы поджидали попутного ветра, чтобы направиться на Драунгэй. Они начали развлекаться, бросая камни в скалу, а солнце жарко светило; мой сын лёг отдохнуть под этой скалой, поскольку он утомился и ночью бодрствовал. Ты запретил этим людям бросать камни и сказал, что это бессмысленная забава. Они, конечно, прекратили, но насмехались над тобой из-за твоей причуды и говорили, что ты всегда был странным. Но если бы ты не запретил это, они убили бы моего сына.

После этого разговора Тоурд стал собираться; погода уже стояла ясная. Теперь Тоурд попрощался со всеми, но купец вышел с ним на дорогу, пожелал ему доброго пути и затем вернулся домой. Тоурд продолжил своё путешествие. Но когда он оглянулся на торговый городок, то ничего не увидел, кроме Тоурдархёвди недалеко от себя; он очень удивился, пошёл теперь домой, нашёл свою жену, рассказал ей обо всём, показал ей товары и вручил ей шаль. Она обрадовалась всему этому и поблагодарила своего мужа за подарок. Покупки Тоурда представили на всеобщее обозрение, и нигде здесь в стране не видели подобного, и даже если поискать за её пределами. С тех пор Тоурд ни разу не видел ни купца, ни кого-либо из тех людей. Но всю свою жизнь он выставлял эти покупки на показ.

Сон Катлы
Kötludraumur

Жил человек по имени Маур; он был очень знатен и жил в западном Рейкхоуларе. У него была жена, которую звали Катла; она была из хорошей семьи. Как-то раз Маур, как обычно, поехал на альтинг, а Катла осталась дома. Пока Маура не было, однажды утром Катла пошла в свою светёлку и сразу уснула. Позднее другие женщины тоже пришли туда, а она продолжала спать. Ближе к полудню они хотели разбудить Катлу, но это было невозможно; они подумали, что Катла умерла, и сказали об этом её воспитателю. Когда он пришёл туда, где лежала Катла, то сказал, что она не мертва, поскольку из её груди вырывалось дыхание, но разбудить её он не смог; он непрерывно сидел над ней четыре дня и ночи. На пятый день Катла проснулась, и её переполняла скорбь, но никто не осмелился спросить её, в чём причина.

После этого Маур вернулся домой с тинга; Катла изменила своим обычаям, поскольку не вышла встречать его и не поклонилась ему, когда он пришёл. Тогда он поинтересовался у её горничных, чем это вызвано, но они ответили, что ничего не знают об этом, кроме того, что Катла проспала четыре дня, но никому не рассказала, что с ней случилось. Затем Маур наедине стал настойчиво расспрашивать свою жену, что с ней случилось во время этого сна, и сказал, что откровенность ей не навредит. Тогда Катла поведала ему всю историю.

Она втащила меня в лодку и поплыла со мной к какому-то островку.

— Мне приснилось, — говорит она, — будто ко мне в светёлку пришла женщина, похожая на хозяйку и с красивым голосом. Она сказала, что живёт в Тверау недалеко отсюда и попросила проводить меня в дорогу. Я так и сделала, а она положила свои перчатки там, где я сидела, и сказала, что они будут защищать это место. Затем мы вышли наружу и пришли к какому-то озеру; там плавала красивая лодка[2]. Тут она поблагодарила меня за сопровождение, а я пожелала ей доброго пути. Я уже узнала, что её зовут Альвёр; она попросила меня взять её за руку, и я сделала так. Тогда она втащила меня в лодку и поплыла со мной к какому-то островку; я почувствовала, что она имеет власть надо мной, но не я. Однако она была ласкова со мной и сказала, что была вынуждена прибегнуть к этому. «Но я верну тебя домой», — сказала она. Затем мы пришли к её жилищу на этом острове; это был такой прекрасный дом, что я никогда не видала краше. Она провела меня в комнату, где было несколько женщин, и там была приготовленная ванна и занавешенная кровать. После этого мне принесли выпить вина, и я легла спать.

Я проснулась от того, что рядом со мной положили накидку, украшенную чистым золотом, хозяйка принесла мне также другую вышитую золотом одежду; затем она набросила на меня свой плащ с капюшоном, он был из дорогой ткани, подбит серым мехом и украшен очищенным золотом. Она предложила мне владеть этими сокровищами, если я захочу, а кроме того запястьем из червонного золота, золотой диадемой, ожерельем, четырьмя кольцами и красивым поясом. Затем она попросила меня пойти в её горницу, и одна она имела власть надо мной. Мы пошли туда ввосьмером; там было пышно приготовлено: стены в позолоченных занавесях, на столах серебряные кубки и украшенные золотом рога для питья, и в этой комнате было много разодетых людей. На верхней семье почётного сидения я увидела постель; там лежал мужчина в шёлковой одежде; Альвёр коснулась его, разбудила и назвала именем Каури[3]. Он проснулся и спросил, почему она разбудила его и не принесла ли она ему какие-нибудь новости: «Или же Катла явилась сюда в хижину?» Тут он увидел, что так оно и было. Затем нас с Каури посадили на одной скамье, и Альвёр приказала людям называть Каури женихом; так и было сделано; теперь люди начали пить и пировали весь день. А когда наступил вечер, Альвёр сказала, что я должна спать с Каури, но я ответила, что это невозможно и я люблю Маура сильнее, чем могла бы наслаждаться с другим мужчиной. Альвёр сказала, что не видать мне вознаграждения, если я не подчинюсь воле Каури. Я растерялась из-за этих слов, потому что почувствовала себя одинокой среди волчьей стаи. Когда я пошла спать, пришёл туда ко мне мужчина и попросил меня забрать всё его золото и драгоценности, но я не дала ему никакой надежды на мою ласку. Каури велел мне тогда отпить из рога, из которого он пил раньше, и сказал, что скорее подвергнется мучениям, чем будет видеть меня грустной. Он попросил меня утешиться и пообещал, что скоро меня проводят обратно домой.

Так я провела там две ночи в печали; никто там не хотел огорчать меня, а только веселить. Затем Каури сказал мне, что надеется, что у нас будет сын. Он попросил меня назвать его Каури. Взял он тогда прекрасный пояс и нож и вручил мне; он попросил меня передать его нашему сыну в качестве подарка за наречение. Он попросил меня положить мой праздничный наряд и все драгоценности в кожаный мешок и пожелал, чтобы они принесли мне благо. «Покажи всё это, — говорит он, — своему мужу Мауру и расскажи ему правду обо всём, даже если ты будешь чувствовать себя горько и мучительно. Вы возведёте новый дом в Тверау, и там ты найдёшь две кочки с птицами с двух концов моего жилища, в которых для вас будут спрятаны деньги. Там у вас останется много потомков, которые будут считаться знаменитыми. Теперь я должен расстаться с тобой и никогда больше не увижу тебя, потому не знаю, суждена ли мне отныне долгая жизнь». Затем полная скорби Альвёр вывела меня наружу; я услышала в хижине грохот, когда Каури умер от горя из-за меня.

Некоторые истории[4] рассказывают, что она перевезла Катлу в той же самой лодке через озеро и проводила её домой, и забрала свои перчатки с сидения. На прощание она сказала Катле: «Будь счастлива,

---

2 Две более короткие рукописи о сне Катлы не упоминают ни о перчатках, ни о лодке.

3 В двух более коротких рукописях стоит имя Кар, но во всех остальных — Каури.

4 Все рукописи, кроме двух более коротких.

Катла, хотя от моего сына у меня не осталось ничего, кроме одной печали, и наслаждайся своими драгоценностями».

— Это конец моего сна, — говорит Катла, — и я надеюсь, Маур, на твоё благородство, что ты простишь меня за всё, что я невольно сделала.

Маур попросил её показать ему драгоценности, и она сделала так. Следующей зимой незадолго до лета Катла родила необычайно красивого мальчика, и Маур посчитал, что мальчик этот будет удачливым. Его называли Каури, как предписал его отец, и Маур велел называть себя отцом этого мальчика и во всём хорошо относился к нему, но его мать всегда была с ним холодна. Теперь они с Мауром переселились туда, куда указала Катла, и супруги счастливо жили там вместе и очень любили друг друга[5].

* * *

Более длинные рукописи о сне Катлы повествуют, что когда Альвёр и Катла переплыли через озеро, Альвёр обняла её обеими руками, и от этого у Катлы пропала любовь к Мауру. Затем Альвёр провела её в свою комнату, как рассказывалось раньше; там были женщины, и все будто бы узнали Катлу. Потом она прикоснулась к мужчине, которого назвала Каури, попросила его проснуться и сказала, что случилось кое-что новое, поскольку Катла явилась туда.

— Каури проснулся, — рассказывает Катла, — и пожелал мне быть здоровой и счастливой у него в гостях; он сказал, что я лишила его сна и что он умрёт от любви ко мне, когда я уйду оттуда. Тогда пришла Альвёр, велела приготовить мне ванну и дала мне выпить вина, прежде чем я легла в постель её сына. Она сказала, что на мою голову падёт проклятье, от которого я никогда не оправлюсь, если откажу её сыну. Она одна имела власть надо всем, поскольку я лишилась всего разума. Я оставалась там всё то время, пока меня не было тут.

Однажды утром Альвёр пришла к постели, где мы спали, и сказала, чтобы я одевалась, хотя это причинит её сыну горе. Каури громко стонал, когда я покинула его ложе, и я сама хотела остаться там подольше, но была вынуждена расстаться с ним. Тогда он сказал мне о сыне, который у нас ожидается, и вручил мне пояс, нож и третьим кольцо, которые я должна сохранить в подарок для нашего сына. «А тебе я подарю, — говорит Каури, — плащ из чистого золота, ожерелье и пряжку; большинство людей сочтёт это сокровищем; этими драгоценностями ты будешь владеть до старости». Затем я надела весь этот наряд и крайне неохотно рассталась с ним.

Каури из сокрытого народа попросил Катлу назвать их сына Каури, как рассказывалось ранее, так и было сделано. Прошёл год; тогда у Катлы родился второй сын, его она назвала Ари, поскольку сама хотела выбрать это имя. Оба брата росли вместе, и Катла часто была с Каури холоднее, чем с Ари, но Маур не делал между ними никакой разницы и порицал жену за это.

Вот прошло время, и ничего не случилось, пока братьям не исполнилось пять и шесть лет; однажды рано утром Маур отправился на рыбную ловлю вместе со своими работниками, поскольку погода была ясная, а Катла осталась спать в их кровати. Тогда ей привиделось, будто Альвёр с громким шумом подошла к её кровати и сказала так:

— Неравная у нас доля: ты счастливо живёшь со своим мужем, а я страдаю без моего сына. Поэтому выбирай одно из двух: или ты потеряешь Маура сегодня, или же твой сын опозорит тебя на словах[6].

Катла сразу выбрала второе, и они расстались. Вечером Маур вернулся домой, и Катла опять была грустна. Он поинтересовался, в чём причина её печали. Она поведала ему всю историю. Маур попросил её быть весёлой.

---

5 Здесь заканчивается повествование по более коротким рукописям, которые опускают всё нижеследующее, но одна упоминает о том, что Маур и Катла перенесли своё жильё через реку Тверау, поскольку это название хутора не встречается где-либо рядом с Рейкхоуларом.

6 Одно предание рассказывает, что когда Катла выходила из жилища Альвёр, Каури умер от горя, не в силах расстаться с Катлой, и тогда Альвёр сказала: «Как мне сейчас приходится смотреть на смерть моего сына, так и тебе, Катла, придётся лицезреть смерть твоего мужа Маура»; Маур будто бы утонул; одни говорят, в реке Грюндарау за Рейкхоуларом, а другие — в море.

— Мы найдём лекарство от этого недуга, — говорит он. — Мы устроим пир и пригласим туда твоих братьев; будь мила со всеми, но ни к кому не обращайся, пока к тебе не обратятся.

Вот настало время пира, и Маур остался дома. Когда братья Катлы должны были прибыть туда, Маур вышел им навстречу со множеством людей и радушно принял их; все они держали годорд. Катла тоже тепло встретила их, им предложили сесть и подали пиво. Катла была в том плаще, и на шее у неё было доброе ожерелье, подарок Каури. Когда люди заняли свои места и начали пить, Маур сказал:

— Пусть на время пира здесь стоит мир, и пусть его сохраняют те, кто пьёт, до самого окончания.

Все одобрили это и пообещали сохранять мир. Катла заняла своё место, а мальчики играли на полу. Тогда Каури попросил свою мать дать ему доброе ожерелье, чтобы позабавиться. Она отдала его ему. Ари увидел это и был весьма недоволен; он потребовал ожерелье у Каури, но тот отказал ему, не захотев расставаться с ним. Тогда Ари сказал:

— Отказываешься дать мне ожерелье, мерзкий сын шлюхи, когда мне одному здесь принадлежит всё имущество?

На этих словах мальчиков Катла встала с сидения и направилась к своей кровати, поскольку сердце её разрывалось от горя. Но когда она вышла, её братья подхватили слова мальчиков и очень разозлились, что их сестра так опозорила их семью, и сказали, что отомстят, если её кто-то обесчестил, поскольку мальчик не умеет лгать. Маур попросил их не обращать внимание на такой вздор от детей и сказал, что это неразумно. Но братья так разгневались из-за этого, что их нельзя было остановить, и сказали, что Маур с женой скрыли это хитростью, но общественное мнение для братьев очень важно. Маур сказал, что никогда не обсуждал это со своей женой.

— Но скажите мне, братья, — говорит он, — как быть с теми, кто случайно попадает в беду или даже видит во сне ложные видения?

Затем он ушёл из пиршественной палаты в каморку, где лежала Катла, и сказал:

— Теперь остаётся одно — расскажи братьям всю историю; это может как облегчить твои страдания, так и положить конец неприятностям и убийствам, которые иначе можно будет ожидать.

Катла сказала, что его совет очень целесообразен, хотя она предпочла бы дождаться смерти, чем говорить всем о своих печалях. Затем они с Мауром пошли к братьям, а те были в ярости. Тогда Маур призвал свою жену поведать им всё о своём положении, так она и сделала. Когда же они выслушали её историю, то были ошеломлены, но признали свою сестру невиновной. Затем все они подошли к Мауру, с признательностью поблагодарили его за то, как он хорошо повёл себя в этом деле, и клятвенно заверили его в своей дружбе. До и после Маур и Катла нежно любили друг друга, пока оба были живы.

Ари Маурасон стал большим человеком и почти во всём походил на своего отца, и от него произошло много людей. Каури они отдали на воспитание в Реннюдаль; они помогли ему хорошо жениться и дали достаточно средств, и там он построил дом. Каури стал богатым человеком, и считалось, что он обладает тайными знаниями. Он был осведомлён о течениях и звёздах.

Некоторые также рассказывают, будто Каури Каурасон часто посещал свою бабку, когда вырос, и узнал от неё различные премудрости, которые сокрытый народ использовал в древности, потому что мало что хорошего случалось с теми, кто хотел его обидеть; но таких было немного, поскольку он был обаятелен и снискал расположение у знати. Говорят, что когда Маур умер, Каури забрал обеих, свою мать Катлу и свою бабку Альвёр, и они обе жили у него и очень не ладили, так что Каури постоянно приходилось их мирить. Однажды он пришёл туда, где они ссорились; говорят, он очень рассердился, а это было непривычно. Но когда он постоял там некоторое время, из-под пола вырвался огонь, и его бабка Альвёр сгорела дотла, так что от неё ничего не осталось. Но не ясно, поджёг ли Каури свою бабку или старуха загорелась из-за своей вспыльчивости; однако некоторые распускали слухи, будто Каури убил свою бабку.

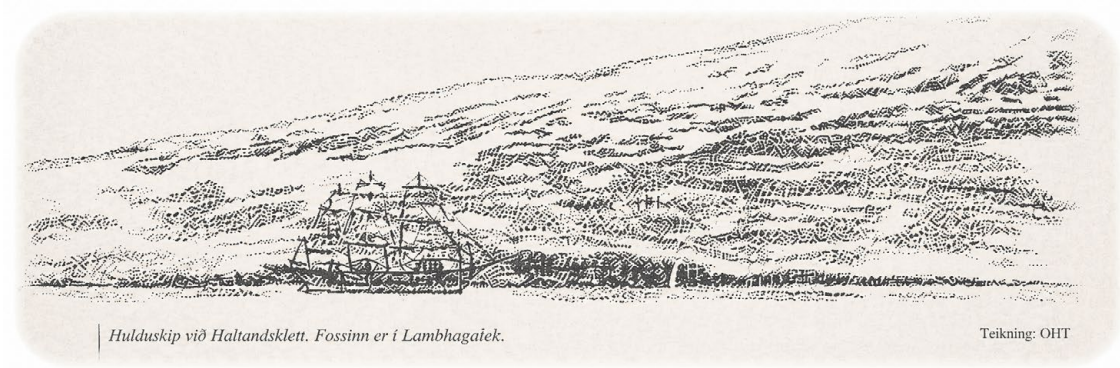
Осталось ещё рассказать о слухах, что Альвёр посещала Катлу дважды, как уже было сказано, и каждый раз это доставляло ей огорчение. После второго раза Катла велела развернуть двери хутора в Рейкхоуларе, так что они и по сей день обращены к горе, противоположно тому, как повёрнуты другие хутора в окрестностях Рейкхоулара. Катла сделала это для того, чтобы не видеть жилище Альвёр, вид на

которое открывался из дверей хутора, пока они были обращены к югу, и это вызывало у неё печаль. Также рассказывают, что Катла не хотела ходить в купальню в Рейкхоулалёйге, что к югу от хутора, так как ей казалось, что это слишком близко к жилищу Альвёр, и потому ходила с хутора в обход и купалась в купальне, которая находилась отдельно, и с тех пор называется Кётлюлёйг (Купальня Катлы).

Торговое местечко сокрытого народа у скалы Хатльландсклетт

Huldukaupstaður hjá Halllandskletti

Все говорят, будто сокрытый народ обитает в холмах и скалах там и сям по всей стране, и его так много, что из-за моря приходят корабли с товарами для них. Весной, когда первые корабли прибывали в Акюрэйри, перед скалой Хатльландсклетт напротив Акюрэйри видели корабли, на другой (восточной) стороне гавани. Корабли сокрытого народа стояли там бок о бок с кораблями местных жителей, и сокрытый народ торговал там у этой скалы. Но только ясновидящие видели эти корабли, как и сам сокрытый народ.

Hulduskip við Haltandsklett. Fossinn er í Lambhagaíek. Teikning: OHT

Эта история случилась ровно сто лет назад (около 1760 года). В Ваглире в приходе Храбнагильссоукн в Эйяфьёрде, недалеко от Акюрэйри, жил бедный бонд. Весной его жена по имени Ингибьёрг[7] очищала тун; это было ночью субботы; погода стояла хорошая. Она чистила всю ночь до восхода солнца, а солнце по утрам там встаёт рано, поскольку хутор расположен высоко. Затем она вошла в дом, захотела лечь спать и уже сняла всю верхнюю одежду. Тут ей понадобилось выйти, чтобы прогнать овец с туна, и она отправилась в нижнем белье. Подойдя к дверям хутора, она увидела, как по проезжей дороге снизу от моря движутся четверо мужчин с очень большим количеством лошадей, и каждая была нагружена товарами из торгового местечка, зерном, лесом и прочим. Она заприметила и запомнила масть и количество лошадей, но рассказчик (сын её дочери) этого не помнил. Она спряталась за косяком двери, поскольку была легко одета. Они проехали через двор, куда вела дорога, но не произнесли ни слова. Со двора она увидела, что они поехали дальше не по дороге к поселениям, а на юг и вверх в горы по овечьей тропе, очень труднопроходимой, вдоль двух склонов, Бейслабрекки и Фаграбрекки, в той стороне были чрезвычайно огромные скалы и каменистая местность и было далеко от всяких людских дорог. Она провожала их взглядом, пока они не скрылись за одной скалой, и затем их уже не видела. А эта Ингибьёрг была очень порядочной и правдивой женщиной. Она клялась, что собственными глазами видела то, о чём сейчас рассказывалось.

Очевидно, что это был торговый караван, идущий от скалы Хатльландсклетт.

---

7 *Ингибьёрг Гримсдоуттир (р. ок. 1733, жила в Ваглире в 1769 г.), жена Гвюдмюнда Ауртнасона.*

Г.Х. АНДЕРСЕН.
Перевод:
Анны и Петра ГАНЗЕН

«Волшебный (Эльфийский) холм» *(Elverhøj)*

ЮРКИЕ ящерицы бегали по истрескавшемуся корявому стволу старого дерева; они отлично понимали друг друга, потому что говорили по-ящеричьи.

— Ишь, как шумит и гудит в холме у лесных духов! — сказала одна ящерица. — Из-за этого шума я уж две ночи кряду глаз сомкнуть не могу. Точно у меня зубы болят — тогда я тоже не сплю.

— Там что-то затевается, — сказала другая. — Холм, как подымется на своих четырёх красных столбах, так и стоит, пока не запоют петухи, — верно, хотят его хорошенько проветрить, — а дочери лесного царя выучились новым танцам с притоптыванием. Да, что-то затевается!

— Я говорила с одним моим знакомым, дождевым червяком, — сказала третья. — Он только что выполз из холма, где дни и ночи рылся, и там подслушал кое-что. Видеть эта жалкая тварь ничего не видит, зато бродить ощупью да подслушивать — мастер. В холме ожидают заморских гостей! Важных-преважных! Кого именно — дождевой червяк сказать не хотел, да, пожалуй, и сам не знал. Все блуждающие огоньки приглашены участвовать в факельном шествии — как это у них называется! И всё золото и серебро — а этого добра у них в холме довольно — начищают до блеска и выставляют сушиться на лунный свет.

— Каких же это таких гостей ждут? — толковали ящерицы. — Что там затевается? Слышите, слышите, как там шумит и гудит?

В эту самую минуту холм лесных духов раскрылся, и оттуда, семеня ножками, выскочила старая лесная дева; у неё не было спины, но одета она была очень прилично. Это была ключница и дальняя родственница самого лесного царя, а потому носила на лбу янтарное сердце. Ножки у неё так и работали: топ! топ! — и она живо очутилась в болоте у ночного ворона[1].

— Вас приглашают в холм сегодня же ночью,— сказала она. — Но сначала я попросила бы вас оказать нам большую услугу — оповестить остальных приглашённых. Надо же быть чем-нибудь полезным — своего хозяйства у вас ведь нет! Мы ждём очень важных чужеземцев, троллей с большим весом, и наш лесной царь не хочет ударить лицом в грязь.

— Кого же приглашать? — спросил ночной ворон.

— На большой бал может явиться кто угодно, даже люди, если только они говорят во сне или вообще отличаются чем-нибудь в нашем роде. Званый обед — дело другое, тут надо выбирать да выбирать. Общество должно быть самое избранное! Я уж и то спорила с лесным царём насчёт привидений: по-моему, и их нельзя допускать! Прежде всего придётся, конечно, позвать морского

---

1 *Привидение в виде ворона с пробитым левым крылом. Происхождение его, по народному поверью, следующее: в старину, при появлении какого-нибудь человеческого привидения, прибегали к помощи священника; тот вгонял его заклинаниями в землю и затем втыкал на том месте осиновый кол. В полночь раздавался крик: «Освободи!» Кол вынимали, и привидение навсегда оставляло местность, улетев в виде ворона.* ***Примеч. перев.***

царя с дочерьми; они не очень-то любят выходить на сушу, ну да ничего, мы посадим их на мокрый камень или ещё что-нибудь придумаем — надеюсь, не откажутся! Потом надо позвать всех старых троллей первого класса, с хвостами, затем водяного и домовых, и, наконец, я думаю, нельзя обойти приглашением могильную свинью, мёртвую лошадь[2] и церковного карлика: правда, они принадлежат к духовенству и у нас с ними ничего общего, однако же как-никак родня, они нас не забывают и наносят визиты.

— Кар! — крикнул ночной ворон и полетел приглашать.

Дочери лесного царя уже плясали на холме с длинными шарфами, сотканными из тумана и лунного света,— это очень красиво, по мнению тех, кому такие вещи нравятся. Парадная зала холма была разубрана на славу: пол вымыт лунным светом, а стены натёрты ведьминым салом, так что светились, как лепестки тюльпанов, пронизанные солнечным светом! В кухне жарились на вертелах сотни лягушек, готовились ужиные шкурки с начинкой из детских пальчиков и салат из мухоморов, сырых мышиных мордочек и белены. Пиво привезли от самой болотницы[3], из её пивоварни, а искромётное селитровое вино добыто из могильных склепов; словом, всё было как следует. К десерту готовились груда ржавых гвоздей и осколки церковных стёкол.

Старый лесной царь велел вычистить свою золотую корону толчёным грифелем; для этого нужно было добыть грифели первых учеников, а это для лесного царя очень трудно. В спальне повесили занавески и прикрепили их слюной ужа. Вот возня-то была! Недаром шумело и гудело.

— Теперь остаётся покурить здесь волосом и щетиной — и моё дело сделано! — сказала старая лесная дева.

— Папаша! — заговорила самая младшая дочка. — Скажи же, наконец, кто такие эти важные гости?

— Так и быть, — отвечал лесной царь, — скажу. Две из моих дочерей должны быть наготове. Две уж непременно выйдут замуж. Старый норвежский тролль, тот, что живет в скале Довре, владелец множества гранитных дворцов и золотых россыпей, — они у него лучше, чем думают, — едет сюда женить двоих своих сыновей. Старый тролль — истый норвежец старинной закалки, весёлый и прямой! Я давно его знаю, мы даже пили с ним на «ты», когда он приезжал сюда жениться. Жена его уж умерла; она была дочь короля меловых утесов на Мёне. Ах, как мне хочется поскорее увидать старого тролля! Сыновья-то у него, как слышно, не задались, задиры какие-то неотёсанные. Ну, да это, может быть, пустые слухи; к тому же они с годами ещё исправятся. Надеюсь, вы сумеете вышколить их!

— А когда они будут здесь? — спросила одна из дочерей.

— Смотря по погоде и по ветру,— сказал лесной царь. — Они очень расчётливы и едут морем с оказией. Я было советовал им ехать через Швецию, но старик до сих пор ещё косится в ту сторону. Он немножко отстал от века, и вот это мне не нравится.

Вдруг к ним поскакали во всю прыть два сторожевых блуждающих огонька: один был проворнее другого и прибежал первым.

— Едут, едут! — кричали они.

— Подайте мне мою корону и пустите меня на лунный свет, — сказал лесной царь.

Дочери высоко подняли свои шарфы и присели чуть не до земли.

Старый тролль из Довре был в короне из ледяных сосулек и полированных еловых шишек, в медвежьей шубе и меховых сапогах. А сыновья его ходили, напротив, с голыми шеями и без подтяжек, чтобы показать свою закалку.

— Разве это холм? — спросил младший, указывая пальцем на холм лесных духов. — По-нашему, по-норвежски, это — дыра!

---

2 По народному датскому поверью, под каждою вновь строящейся церковью следовало зарывать живую лошадь или свинью. Привидения этих животных, бродящие по ночам вокруг человеческих жилищ и предвещающие смерть кого-либо из живущих в них, и называются мёртвою лошадью и могильною свиньёй. ***Примеч. перев.***

3 «Баба-болотница варит пиво» — говорят датчане при виде подымающегося над болотами тумана. ***Примеч. перев.***

—Вот так молодцы! — сказал старый тролль. — Дыра идет вниз, а холм вверх! Что ж, вы ослепли, что ли?

Особенно удивляло молодцов, по их словам, то, что они так скоро выучились понимать здешний язык.

— Ну-ну, только не представляйтесь, пожалуйста, — сказал им отец. — Можно подумать, что вы совсем неучи.

Потом все вошли в холм, где собралось самое что ни на есть избранное общество, да притом так скоро, точно их всех ветром намело. Каждому было приготовлено особое удобное местечко; морские гости сидели за столом в больших чанах с водой и чувствовали себя совсем как дома. Все вели себя за столом очень прилично, кроме молодых норвежцев-троллей. Они положили ноги на стол, думая, что у них всё выходит мило.

— Ноги долой! — сказал старый тролль, и они послушались, хотя и не сразу.

Своих соседок за столом они щекотали еловыми шишками — у них были полные карманы этих шишек, — потом сняли с себя для удобства сапоги и дали их держать дамам. Старый тролль вел себя совсем не так: он рассказывал чудеснейшие истории о величественных норвежских скалах, о пенящихся водопадах, которые с гулом и рёвом, подобным раскатам грома и звукам органа, низвергаются в пучину; рассказывал о лососях, что прыгают и борются с течением под звуки золотой арфы водяного; рассказывал о звёздных зимних ночах, когда весело звенят упряжные бубенчики, а молодые парни бегают с горящими смоляными факелами по гладкому льду, до того прозрачному, что видно, как под ним мечутся испуганные рыбы. Да, умел-таки он рассказывать! Слушатели словно видели и слышали всё сами: водопады и водяные мельницы шумели, деревенские парни и девушки пели и отплясывали халлинг. Ух, как! И старый тролль так расходился, что вдруг чмокнул старую лесную деву, точно старый дядюшка, а они вовсе и родственниками-то не были.

Потом дочерей лесного царя заставили танцевать. Они прекрасно исполнили несколько танцев, и простых, и с притоптыванием, и, наконец, должны были исполнить самый затейливый, проделать то, что они называли выйти из хоровода.

Эх! Как они пошли вытягиваться! Где начало, где конец, где рука, где нога — ничего не разберёшь, точно стружки закрутились! Под конец они так завертелись, что мёртвую лошадь затошнило, и она принуждена была выйти из-за стола.

— Брррр! — сказал старый тролль. — Вот так задали работу своим ножкам! А что они ещё умеют, кроме плясок, вытягивания ножек и головокружения?

— А вот сейчас узнаешь, — сказал лесной царь и вызвал самую младшую дочь; она была тонка и прозрачна, как лунный свет; это была самая нежная и изящная из всех сестёр: она взяла в рот белый прутик, и вдруг — нет её, исчезла без следа! Вот было и все её искусство.

Но старый тролль сказал, что такое искусство в жене ему вовсе не по вкусу, да и сыновьям его вряд ли понравится.

Вторая умела ходить сбоку самой себя — выходило, точно у нее была своя тень, а у троллей и духов её ведь не бывает!

Третья сестра была совсем иного склада: она обучалась варить пиво у самой бабки-болотницы и отлично умела шпиговать болотные кочки светляками.

— Из неё выйдет отличная хозяйка! — сказал старый тролль, но чокаться с ней не стал, а только подмигнул — он боялся выпить слишком много.

Четвёртая вышла с золотою арфой в руках, ударила по одной струне, и все должны были поднять левую ногу — тролли и духи все ведь левши, — ударила по другой, и все должны были плясать под её музыку.

— Опасная особа! — сказал старый тролль, а молодые тролли взяли да ушли из зала — им уж надоело всё это.

— А следующая что умеет? — спросил старый тролль.

— Любить всё норвежское, — сказала та. — Я выйду замуж только за норвежца.

А самая младшая сестра шепнула старому троллю на ухо:

— Это она узнала из одной норвежской песни, что при светопреставлении, когда всё рушится, уцелеют одни норвежские скалы. Вот ей и хочется попасть в Норвегию: она страсть боится погибнуть.

— Эге! — сказал старый тролль. — Вот оно что! А седьмая и последняя что умеет?

— Перед седьмой есть ещё шестая, — сказал старый лесной царь — он умел считать.

Но шестая не хотела даже показаться.

— Я умею только говорить правду в глаза, — сказала она. — Поэтому я никому не нужна, да и дела у меня по горло: я шью себе погребальный саван.

Теперь дошла очередь и до седьмой. Что же она умела? Да она умела рассказывать сказки о чём угодно и сколько угодно.

— Вот тебе мои пять пальцев, — сказал старик тролль, — Расскажи мне сказку о каждом.

И она взяла его руку и принялась рассказывать, а он смеялся до колик. Когда же она дошла до Златоперста, опоясанного золотым кольцом, словно в ожидании обручения, старик сказал:

— Стой! Держи его крепче! Рука эта — твоя! На тебе я сам женюсь!

Сказочница возразила, что он ещё не дослушал о Златоперсте и о Петрушке-Бездельнике.

— Зимой дослушаем, — сказал старый тролль. — Послушаем тогда и о них, и об ёлке, и о берёзке, и о трескучих морозах, и о дарах хульдры. Тебе предстоит отличиться у нас; там в Норвегии никто не умеет так рассказывать. Мы будем сидеть в горной пещере при свете сосновых лучин и пить мёд из золотых рогов викингов. Водяной подарил мне парочку таких рогов. И Гарбу придёт к нам в гости и споёт тебе все песни горных пастушек. Вот веселье-то пойдёт у нас! Лососи запрыгают в струях водопада и будут биться о стены пещеры; только не попасть им к нам! Эх! Хорошо в нашей старой славной Норвегии!.. А где же мои молодцы?

Да, куда же они девались? Они бегали по полю и задували блуждающие огоньки, которые так любезно явились участвовать в факельном шествии.

— Что вы шляетесь? — сказал старый тролль. Я вот взял вам мать, а вы можете взять за себя которую-нибудь из тёток.

Но молодцы сказали, что им больше нравится пить на «ты» и говорить речи, а жениться вовсе не хочется. И вот они говорили речи, пили на «ты» и потом опрокидывали кубки себе на ноготь — это значило, что в них не осталось ни капли. Наконец они сняли с себя кафтаны и растянулись на столе отдыхать: они нисколько не стеснялись. А старый тролль пустился со своею молодою невестой в пляс и потом поменялся с ней сапогами — это поновее, чем меняться кольцами!

— Чу! Запел петух! — сказала старая ключница. — Пора закрывать ставни, чтобы солнце не спекло нас.

И холм закрылся.

А по стволу гнилого дерева бегали взад и вперёд ящерицы и тараторили:

— Ах, как мне понравился старый норвежский тролль!

— По-моему, молодёжь лучше! — сказал дождевой червяк, но ведь он был слеп, жалкая тварь!

Виталий ГРИШИН

Ярослав. Тысячу лет назад

2010

«Варяг! За плату воюет, а у наемника жизнь короткая.»
(Святозар).

Приветствую всех читателей «Северного ветра»! Я с большой осторожностью отношусь к российскому кино, но иногда отечественные киноделы выдают весьма достойные вещи. Сегодняшний пациент — «Ярослав. Тысячу лет назад» — как раз такой случай.

Так, погоди! Ярослав?! А как же викинги, руны и скандинавский боги? Скандинавские верования и варяги в наличии. И в первую очередь фильм зацепил меня именно этим.

Производство фильма «Ярослав. Тысячу лет назад» было приурочено к празднованию тысячелетия основания Ярославля, соответственно, все действо на экране происходит ровно в 1010 году нашей эры. Центральный персонаж, как следует из названия, — ростовский князь Ярослав. Пока еще не Мудрый, но в его дальновидности зрителю

сомневаться не придется. Это тот самый случай, когда лично у меня не возникали вопросы к мотивации и логике действий персонажей ни при первом, ни при последующих просмотрах.

При Ярославе (роль исполнил Александр Ивашкевич, озвучивал Денис Беспалый) несёт службу наёмный отряд варягов под предводительством Харальда в исполнении Алексея Кравченко. Свой рассказ о фильме я буду строить вокруг этого персонажа.

Харальд — немногословный белокурый варяг, которого в начале фильма нам демонстрируют как умелого рубаку и телохранителя князя Ярослава. Свита князя, едущая с целью сбора дани с одного из племён, вступает в вооружённое столкновение с бандой разбойников. Князя ранят, но отряд отбивается от нападающих во многом благодаря умелым действиям Харальда и воинов его отряда. Во время сражения разбойники называют Харальда берсеркером.

Никаких медвежьих шкур или кольчуг. Никаких отваров мухоморов или иных дурманящих снадобий. Голый торс или легкая одежда. Ловкость двух рук, удерживающих меч и сакс или топор, и чистая ярость (все как в «Варяге» Эггерса, который мы уже обозревали в одном из прошлых номеров журнала). В процессе развития сюжета Алексей Кравченко отыгрывает персонажа, за которым интересно наблюдать.

Харальд обладает мощным телосложением и не менее мощным умом. Планирование, стратегия, тактика, хорошая память, внимательность, лисья хитрость, умение вести переговоры — это, очевидно, те навыки, благодаря которым наемник Харальд добился своего достаточно высокого положения при дворе русского князя.

К концу фильма Харальд и вовсе, что называется, распахивает свою душу перед зрителем, представая перед нами не наемником и убийцей, а человеком, на долю которого выпала тяжёлая (хоть и типичная для тех лет и мест его рождения) судьба. Суровый воин мечтает забыть запах крови и уехать с любимой женщиной туда, где он сможет провести остаток жизни в мире и покое.

Увы, это всего лишь мечты и кратковременная слабость, за которой последует финальное противостояние, приведшее к гибели Харальда. Для сюжета это не ключевая, но одна из самых сильных сцен, в которой очень точно показан культ Одина, верования варягов и их воинские традиции.

Батальные сцены, хореография и каскадерские трюки — это еще одна сторона, за которую я могу похвалить фильм. Все сцены выглядят зрелищно

и способствуют тому, что все полтора часа просмотра «Ярослава» пролетают на одном дыхании.

В сухом остатке мы получаем крепко сбитый исторический боевик с интересным сюжетом и мощный политическим и патриотическим зарядом. В прокате кино с треском провалилось и получило неоднозначные отзывы кинокритиков в первую очередь за историческую достоверность и идеологическую нагрузку.

Еще одна претензия кинокритиков была предъявлена как раз к хронометражу фильма, мол, слишком мало, персонажи не раскрыты. На мой взгляд, полтора часа — это золотой стандарт, а ключевые персонажи раскрыты ровно так, как того требует сюжет фильма без перегиба в сторону неуместной для боевика драматургии.

Если оценивать это произведение именно как развлекательное кино в историческом антураже, то с ним все в порядке. Создатели привлекли

к работе хороших каскадеров, исторических консультантов и даже консультантов-лингвистов.

Костюмы персонажей выглядят убедительно. Варяги разговаривают на варяжском наречии. Красоты русской природы в наличии. Возведенные для фильма деревянные поселения-декорации в наличии. Картины быта того времени и детали вроде детей, играющих в бабки, в наличии. Моральный выбор и любовная линия — две штуки — в наличии. Интриги, убийства, отравления и предательства в наличии. Ненавязчи-

вый уместный юмор и «шут гороховый» с именем Будый (Юрий Ваксман) в наличии. И даже дрессированный медведь в наличии.

Звездный актёрский состав, в который вошли Виктор Вержбицкий и Валерий Золотухин, не вызывает нареканий. Монологи второго, исполняющего роль Чурилы, можно смело препарировать на цитаты для пабликов.

Единственный вопрос, который меня мучал весь фильм: кто такой Филин? Это я предлагаю вам узнать самостоятельно, чтобы не спойлерить сюжет.

Фильм «Ярослав. Тысячу лет назад» к просмотру рекомендую без ограничений и оговорок.

Гедеон ЯНГ,
журналист, публицист, религиовед

Боги викингов и их религия в кино и сериалах

На сегодняшний день викинги прочно обосновались в массовой культуре и являются узнаваемым мемом для типичного пользователя сети. Предпосылки этого явления были заложены ещё в позапрошлом веке, когда благодаря шведскому романтизму и «Готской лиге» стал формироваться образ викингов как благородных искателей приключений, а не просто кровожадных варваров. Немалую долю в романтической популяризации викингов сыграли и гениальные творения Рихарда Вагнера, и, благополучно избежав стигматизации вместе со всем разнообразным наследием Третьего Рейха, к середине прошлого века викинги успешно утвердились в массовой культуре.

В начале века нынешнего случился очередной мощный всплеск популярности викингов, во многом благодаря сериалам «Викинги» и «Последнее королевство», множеству фильмов той же тематики, играм The Elder Scrolls V: Skyrim, For Honor, Assassin's Creed Valhalla, развитию жанра «викинг-метал» и множащейся год от года литературы разных жанров и разной степени качества.

Религия викингов — одна из популярных тем в этом феномене, её изучают профессионалы-религиоведы и практикуют адепты «Северной Традиции», как они предпочитают себя именовать в России, самые распространенные их международные направления — одинизм и асатруа.

Нас в нашем небольшом исследовании в первую очередь интересует репрезентация религиозных практик викингов в масс-культуре, в частности, в кино, а также сложный и драматический, а нередко и травматический процесс христианизации «северян». Тема религии и столкновения верований является центральной во многих современных фильмах и сериалах о викингах. Вот наиболее значимые картины, где скандинавскому язычеству, обрядам и конфликту с христианством уделено ключевое внимание, на некоторых из которых я остановлюсь подробнее:

Викинги (1958) — классический приключенческий фильм с Кирком Дугласом.
Корабли викингов (1964) — исторические приключения.

И на камнях растут деревья (1985) — советско-норвежский фильм о приключениях славянина среди викингов.
Американские Боги — сериал, 2017–2021.
Беовульф и Грендель (2005) — мрачная интерпретация эпической поэмы.
Следопыт (2007) — боевик о викингах в Северной Америке.
Викинги против пришельцев (2008) — фантастический боевик (Outlander).
Вальгалла: Сага о викинге (2009) — жесткая драма Николаса Виндинга Рефна с Мадсом Миккельсеном.
Викинги (2014) — немецкий боевик (Northmen: A Viking Saga).
Викинг (2016) — российская историческая драма о крещении Руси.
Бог грома (2020).
Варяг (2022) — эпическая драма Роберта Эггерса о мести.
Викинги (сериал 2013–2020) — история Рагнара Лодброка.
Рагнарёк (сериал 2020–2023).
Викинги: Вальхалла (сериал 2022–2024) — продолжение сериала «Викинги».

Я в своём обзоре постарался выбрать разные фильмы и сериалы разных жанров, чтобы создать наиболее полное и разностороннее представление о феномене, хоть и нельзя объять необъятное — за пределами ретроспективы осталось множество интересных и стоящих картин, ведь популярность темы способствовала этому.

Начну обзор с советско-норвежской картины 1985 года **«И на камнях растут деревья»** — культовой среди иных неоязычников (например, в Доме Ясеня) эпической саги или «исторического фэнтези». Этот фильм — экранизация первой части романа Юрия Вронского «Странствия Кукши из Домовичей». История жизни простого славянского паренька, украденного из объятий березовой Гардарики суровыми викингами, умиляет не своими величественными пейзажами норвежских фьордов и не драматической любовной драмой главного героя. Не печалят вовсе материнско-сестринские слезы, не злят сердце, как должны бы кровожадные захватчики-викинги. А все потому, что картина — буквальная, подробная — и в тоже время красивая романтическая сага, иллюстрация мифа о рождении, посвящении и восхождении Героя. Даже его новый друг и добровольный помощник, раб из римлян, вполне уместен в этой истории — он ради выживания и безопасности прикидывается юродивым, но, не теряя разума, в нужную минуту спасает герою жизнь, жертвуя собственной. Немногочисленность собственно «языческих» моментов фильма — несколько мутных кадров, намекающих на идолы Одина, да колдунья-ведунья — на фоне столь откровенной мифологичности картины не так уж важна, куда важнее достоверность мифа. И обаяние старых фильмов, и красивые фьорды. Странно здесь даже не то, что и книга (как следует из аннотации, повествующая еще и о множестве христианских святых) вышла, и фильм получилось снять при советской еще власти, а ведь действие их происходит в IX веке. Замечательно именно то, что талантливому режиссеру Ростоцкому это удалось.

«Эрик викинг» (1989)

Не упустили популярную тему и бывшие участники группы Монти Пайтон Терри Джонс и Джон Клиз и сняли комедию «Эрик викинг» с вольной сатирической трактовкой скандинавской мифологии.

Накануне Рагнарёка молодой викинг Эрик влюбляется в Хельгу, которую случайно убивает во время очередного захватнического похода. Пережив катарсис, он отправляется в легендарную страну Хай Бразил («острова блаженных» в ирландской мифологии — налицо явное смешение традиций, Г. Я.), где собирается найти рог «Громовержец», чтобы, протрубив в него, разбудить богов и вернуться домой.

Однако ему строит козни Локи, помощник кузнеца, которому внеплановое окончание Рагнарёка помешает производить оружие и наживаться на этом. Впрочем, у комедии счастливый конец.

Три фильма франшизы **«Тор»** (2011–2017) о скандинавском Боге грома и молний, спасающем мир на территории современной Америки, в формате экранизации комиксов от монополиста и законодателя жанра Marvel — скандинавская мифология в фэнтезийной обертке, нафаршированная голливудскими нарративами.

Подобно «греческой» теме, восторгаться в трилогии о громовержце можно разве что спецэффектами, нередко удачно изображающими персонажей скандинавской мифологии, например, инеистых великанов или бога-трикстера Локи и саму картину мироздания — ее, необходимо заметить, лишь местами. Первая часть «Тора» — местами даже милое фэнтези для детей среднего школьного возраста в типично американском духе — сам бог грома спасает мир во многом из-за любви к смертной человеческой женщине. Образ Локи выписан хоть с натяжкой, но еще терпимо — сомнительной гендерной идентичности брат-хитрец в целом ведет себя в соответствии со своим эддическим (и архетипическим) прототипом — врет, изворачивается и обманывает всех и вся — но в итоге ложь его всем во благо. Сиквел трилогии тоже еще можно потерпеть, хотя градус «американщины» и фэнтезийности неприятно нарастает: земную любовь Тора награждают асгардовским бессмертием, по мосту-порталу Биврёст туда-сюда во все миры вселенной шныряет всякий сброд, Один всё собирается умереть, да каждый раз возвращается… Последняя же часть трилогии — издевательство не только над мифологией священных Эдд, но и над хорошим вкусом и здравым смыслом смотрящего. Все боги настолько устали от своих привычных дел, что потихоньку слились — разбрелись из Асгарда кто куда. Да и людям они как-то… поднадоели, не до них. Локи, столь любимого многими фанатами, создатели вообще решили от нечего делать убить ни за что ни про что, чем вызвали фанатское отчаянье, гнев и слезы. Сам Тор прозябает в гладиаторском рабстве на планетке-помойке из каких-нибудь фантастических фильмов в стиле киберпанк на пару с потерявшим память Халком. Меж тем Рагнарёк таки грядет, и возглавит его несправедливо обиженная сестрица богов, сосланная в ад и правящая в нем богиня смерти Хель. Изображена совершенно неубедительно — своею привлекательной частью она потянет разве что на недорогую и потрепанную проститутку, а вторая половинка, та, что — по Эддам — из разлагающейся плоти, и вовсе не страшна. Придется божественному братцу тряхнуть стариной, вспомнить былые заслуги — и совсем как Гераклу, вновь поверить в себя и на пару с Халком спасти мир.

Нельзя пройти мимо культового сериала **«Викинги»** (Vikings, сериал, 2013–2020) — но и говорить много о «Викингах» незачем, ибо все возможное уже сказано официальными критиками и бесчисленными любителями. В том числе и о столь очевидной идеализации, всевозможном приукрашивании тех, кто были, в сущности, лишь кровожадными бандитами, насильниками и головорезами, лишь по странной исторической случайности давшими имя целой исторической эпохе. Авторам все же удалось достичь интересного

баланса между исторической справедливостью и художественной впечатлительностью. Рагнар Лодброк, или «Защитник Крепости Меховые Штаны», если дословно перевести его имя и прозвище, несмотря на злобный характер, последовательную жестокую кровожадность и супружескую неверность, все же очаровывает зрителя, возможно, и за счет убедительного изображения душевных переживаний героя, споспешествующих ему на всем жизненном пути. Действительно, татуировки некоторых героев отображают сцены из скандинавской мифологии, имена женщин в начальных титрах — дочери божества моря; там же, в начальных кадрах мелькает Хель, в самом сериале постоянно присутствуют спутники Одина вороны и нередко фигурируют руны. Предположу, что успеху проекта способствовало сочетание вероятной историчности главного героя и его приключений (сериал основан на исландской мифологии, сагах и сказаниях о Рагнаре Лодброке), популярности романтизированных викингов и их эпохи, и обаятельного образа главного героя. Религиозная тема — одна из основных сюжетных линий. Сериал детально показывает скандинавские обряды (включая жертвоприношения в Уппсале), а одной из главных тем является духовный поиск Рагнара Лодброка, который мечется между верностью Одину и интересом к христианству. Его дружба с монахом Этельстаном служит метафорой столкновения двух миров. Уже выделяются как противники и даже ненавистники христианства, такие, как Флокки, так и интересующиеся — сам Рагнар Лодброк.

В спин-оффе оригинального сериала **«Викинги: Вальхалла»** (Vikings: Valhalla, сериал, 2022–2024) действие происходит через 100 лет после оригинального сериала, когда Скандинавия уже расколота: часть викингов стала ревностными христианами, а другие отчаянно держатся за «старых богов». Конфликт между этими группами внутри одного народа — основной двигатель сюжета.

Обязательно стоит упомянуть хотя бы парой слов культовый сериал **«Американские Боги»** (2017–2021) — экранизацию одноименного романа гениального Нила Геймана. Ведь один из главных героев там — сам Один в исполнении Иэна Макшейна, возглавивший со своим помощником Тенью Лун не то чтобы битву Рагнарёка, но некую эпохальную, финальную битву между «воинством» разнообразных «этнических» богов, прибывших в Новый Свет вместе с эмигрантами, и богами «нового мира». Битва состоялась, конечно же, в Новом Свете — Америке.

«Вальгалла: Рагнарёк» (2019)

Сюжет и оригинален (для викингской темы), и банален для прочего фэнтези. Жанр заявлен как тёмное фэнтези, фильм снят по мотивам комикса Питера Мэдсена режиссёром явно не северного происхождения Фенаром Ахмадом.

В избушку небогатых северян в ночную бурю забредают никто иные, как сами боги — Тор и Локи. Тор здесь брутально далёк от голливудского златовласика Криса Хемсворта из описанной выше франшизы «Тор», а Локи играет жгучий брюнет с арабским именем Дульфи Аль-Джабури. За несознательный проступок юного Тьяльфи — разломанную по наущению хитреца Локи одну из костей священного козла Тора во время праздничного ужина —провинившегося мальчугана и его совсем молодую сестрицу Рёскву не особо благоволящие к смертным боги забирают в услужение, а по сути, в рабство в чертоги Вальгаллы. Там печальные и находящиеся в явном раздрае из-за

апокалиптических событий боги сетуют на сбежавшего Фенрира (одного из основных участков финальной драмы) и близящийся из-за этого Рагнарёк. Между тем брат и сестра, явно недовольные презрительным отношением богов, решают сбежать в компании дурачка-тролля, но попадают к великанам, и боги вынуждены их освобождать. Критическое отношение к смертным деткам сохраняется продолжительное время, пока Рёсква внезапно не осёдлывает самого Фенрира, и тут даже самому Одину остаётся признать, что она и есть то самое предсказанное некогда «Дитя Света», которое одно только и сможет предотвратить Рагнарёк. Однако и успех в битве с великанами, и предоставление девочке права восседать вместе с богами за пиршественным столом не удерживают деток в Вальгалле, и сам Один вынужден отпустить их в Мидгард (человеческий мир). Из плюсов фильма — немало красивых пейзажей и фактурных персонажей, из минусов — вполне человеческие размеры и богов, и «гигантов»-йотунов, и мрачный «чертог» Вальгаллы, скорее напоминающий пещеру Платона, скудно освещаемую при гигантских, в том числе и для богов, размерах, какими-то убогими факелами.

«Времигранты из прошлого»
(2019–2022)

Два сезона норвежского фантастического эпика о путешествии во времени — своеобразная и оригинальная по ряду причин поделка.

Для начала, жанр сериала позиционируется как «научная фантастика» и «криминальная драма». Я бы скорее классифицировал его как фэнтези и драму культурно-историческую и даже религиозную, ведь массовое перемещение обитателей прошлых эпох, а именно: из каменного века, эпохи викингов и века XIX — однозначно не вписывается ни в какую «научно-фантастическую модель». А столкновение различных эпох, представленных массой их обитателей, они же вынужденные «эмигранты», с современным миром со всей очевидностью является как раз культурно-исторической, но не «криминальной» драмой, не говоря уж о конфликте скандинавского язычества с победившим христианством — одной из основных тем скандинавской кинопродукции, посвященной эпохе викингов.

В какой-то не самый счастливый момент в норвежском водоёме всплывают люди — и после долго разбирательства выясняется, что это … викинги из их эпохи.

Именно они наряду с современными норвежцами являются здесь главными действующими лицами. Так, «эмигрантка» из XI века Альфхильдра, бывшая в своей эпохе женщиной-воительницей (или даже «щитоносицей» в тех традициях), спустя тысячу лет устраивается на работу в полицию и становится напарником детектива Ларса.

Теперь по долгу службы она расследует подозрительные истории то ли несчастных случаев гибели новых мигрантов, то ли их преднамеренного убийства. А по долгу совести — права бывших знакомых соплеменников, пока ещё не усвоивших современные нравы и порядки. Однажды Альфхильдра и её напарница-щитоносица Урд встречают лидера повстанцев — противников нового христианского миропорядка Торира Собаку, убийцу Олафа Толстого (в христианской версии Олафа Святого, крестителя скандинавов, по версии второго сезона сериала «Викинги. Вальгалла»,

убитого в поединке хранительницей веры и жрицей «Новой Уппсалы» Фрейдис. Но эта версия не является историчной). Святой Олаф является последним по времени западным святым (до Великой схизмы 1054 года), почитаемым также и на христианском Востоке (Святой благоверный Олаф II Харальдссон, король Норвегии, креститель и просветитель норвежцев) (Вики).

Противостояние между новоприбывшими «мигрантами» и современными людьми усугубляется пропагандой современных принципов толерантности среди новоприбывших — мультикультурности, национального, гендерного и религиозного разнообразия, что возмущает некоторых олдскульных средневековых христиан даже более, чем язычников.

Религиозное противостояние нарастает — язычники поджигают и оскверняют христианские церкви, а христианские фанатики пытаются убить Торира Собаку, чтобы отомстить ему за убийство Олафа Святого тысячелетней давности.

Заканчивается первый сезон явлением Олафа Харальдссона, он же Олаф Толстый, Святой и Креститель — его торжественно встречает подружка Мэдди, подружка дочери Ларса Ингрид, и вручает только что выкопанные реликвии — его меч и нательный крест.

Во втором сезоне создатели включили креативность и начали его с поисков Джека-Потрошителя в Лондоне XIX века, откуда под видом секретных агентов МИ-6 двое «времигрантов» прибывают в Осло для расследования новых убийств. Да, «временные мигранты» получают новое и незамысловатое имя «времигранты». Один из них, Айзек Бен-Джозеф, получает благословение на своё путешествие у раввина, другая — времигрантка из Нигерии и активистка-неолуддитка.

Для восстановления генетической идентичности королю Олафу пришлось раздобыть, ограбив усыпальницу, череп собственного сына — Магнуса Доброго. И конечно, здесь Олаф отнюдь не производит впечатления исполненного христианскими добродетелями правителя, напротив — это суровый, жестокий и амбициозный северянин. Это немного напоминает сюжетный поворот из комедийного вампирского сериала «Что мы делаем в тени», где лидер вампиров пытается натурализоваться и получить американский вид на жительство, но все его усилия оказываются бесплодны, поскольку он не в состоянии произнести фразу со словом «Бог» из американской конституции. Однако выглядит Олаф в фильме сильно старше того возраста, в котором был убит Ториром Собакой, — как минимум раза в полтора, то есть не на 35 лет, а на все пятьдесят.

Итог второго сезона тоже закономерен — хотя в «обычной» реальности «святой», кровожадный, гордый и властолюбивый наркоман король Олаф и погибает в автокатастрофе вместе со своей возлюбленной ведьмой, встреча Альфхильдры с безумным учёным Джоном Робертсом, путешественником во времени, создаёт реальность параллельную, где тиран Олаф превратил Норвегию в тоталитарное «христианское» государство, и теперь щитоносице предстоит всё исправить...

Как написал один из рецензентов, попутно опустив по мелочам весь проект (во многом, считаю, заслуженно), создатели сериала изображают короля Олафа как жестокого и властолюбивого наркомана, а его супротивников — героями, то есть хотят сказать, что христианство — это плохо, а языческое поклонение Одину — хорошо. Если посмотреть на множество других кинопроектов этой и родственной тематики, и фильмов и сериалов, начиная с культовых «Викингов», продолжая «Радбодом», «Рагнарёком» и «Маргаритой — королевой Севера» и заканчивая «Американскими богами» и совсем свежими «Сумерками богов», нельзя не заметить нынешнюю отчетливую ностальгию по языческому прошлому Скандинавии и весьма критичное отношение к её христианизации. И это наводит на очевидные размышления — а неспроста ли это всё?

«Бог грома»

Драматическое фэнтези 2020 года, снятое при поддержке правительства Норвегии, рассказывает о современной реинкарнации бога грома и молний Тора. Американец норвежского происхождения Эрик приезжает на родину предков, влекомый странным зовом, и с ним начинают происходить очень странные события. Сначала в его присутствии сгорает ферма вместе с людьми, потом от его рук гибнет пацан-хулиган, обугливается полицейский участок и, наконец, падает в озеро и тонет вертолёт американского посольства. Лишь психолог Кристин относится к нему с пониманием и уважением, постепенно перерастающим в романтические чувства. А когда в подвале той фермы находят десятки глыб — рунических камней и молот Тора, а Кристин случайно убивают неразумные американцы, Эрик приходит в ярость и сжигает всю округу, а затем исчезает. В Норвегии же распространяется культ Тора...

«Рагнарёк»
(сериал, три сезона, 2020–2023)

В небольшом горном селении (назвать его деревней язык не поворачивается), раскинувшемся в уютной бухте среди живописных норвежских скал, начинается Рагнарёк. Или репетируется, не суть важно — селенье называется Эдда, знающему достаточно.

Само действо размерено в типичном для скандинавской кинопродукции стиле, если не сказать — заторможено, создавая при этом ощущение диссонанса. При том каждая из 6 серий насыщена бурлящими событиями, что не устраняет ощущения странной тягучести, вязкости процесса. Возможно, создатели намеренно добивались такого эффекта. Да и сам протагонист Магне — подчёркнутый «тормоз». Явный анабиоз, в который погружён, приморожен парень до нужного времени — пробуждения в нём Тора. Кстати, Магне — это имя сына Тора в мифологической традиции.

Возвращение Магне на родину, в Эдду — подготовка к инициации и пробуждению его истинного Я — Тора. Что немедленно и отмечают встречавшие и ждавшие его провидица — Вёльва и старик в инвалидной коляске — Вотан (то есть Один). Что и происходит в тот же вечер молотометаньем на ... полтора километра.

Родной братец Магне-Тора — конечно же, придуривающийся и подзуживающий увальня андрогинный Локи. Унисексуальный провокатор что надо — на вечеринку надевает старую мамину блузку, а в финале пародийно провоцирует директрису.

Злые «инеистые» великаны-йотуны здесь — «семейство» Йодалей, владеющее градообразующим и природогубящим предприятием, под стать друг другу — гладкие, чистенькие, ладные, вечно молодые — или моложавые, аж до противной фальши. И на самом деле не родственники, и живут очень давно. Но это на людях, а у себя в Йотунхейме (мире снежных великанов, миф.) не скрывают истинных личин. То папа сына за непослушание изобьёт, то мама неожиданному гостю истинный лик страшенной старушенции явит, то сестрицу за предательство на цепь посадят. Полудохлая с виду собаченция вторит хозяевам, оборачиваясь по приказу хозяина Фенриром, но против Тора не сдюжила — пасть порвал.

Мамаша Тора и Локи, напротив, подчеркнуто тупая профанная клуша, да и прочие жители Эдды так, мимо проходили. А те, кто не мимо, как экологиня Изольда, тех в расход, в жертву.

Вот и завязывается репетиция Рагнарёка — злобный йотун Видаль сам пробудил в Магне

Тора, сначала убив его подругу, а затем напоив сакральной медовухой в своём Йотунхейме. Да ещё золотой сынок-мажор против папки бунтует, то со смертной переспит, то мемориал злополучной Изольды описает.

Если «Рагнарёк» и проигрывает голливудской трилогии про Тора накрученным псевдодинамизмом и зрелищностью спецэффектов, то уж никак не набором смыслов. Во франшизе с Хэмсвортом сюжет комиксно банален и затёрт до пошлости — небожитель жертвует раем ради смертной, попутно спасая её сородичей, а Рагнарёк норвежский суров и реалистичен, как, например, экологическая катастрофа.

Финал первого сезона ожидаемо предсказуем — природогубец поражён молнией, хоть и не насмерть, злодеи посрамлены, природа и правда торжествуют.

В сезоне втором Магне таки убивает Видара — причём случайно, насаживая на его собственный топор из «древнего оружия». Выковывает — сначала неудачно — молот Тора, потом по совету вёльвы всё-таки освящает его в древнем хтоническом пламени. И готовится к последней битве, заключая союз со стариком Вотаном — ну, вы поняли, воплощением Фрейи подчёркнуто азиатского вида (индонезийского происхождения — не, ну а чо?), Лориц же демонстрирует свою амбивалентность и занимает то сторону брата, то йотунов.

В сезоне третьем противостояние достигает финала — теперь уже Магне, успешно закончивший школу, испытывает сомнения в своём предназначении, когда терпит поражение в юридическом противостоянии Йодалам, Лориц уходит из дома и выращивает Йормунганда из своего кишечного паразита в местном фьорде, торжественно провозглашает свою гомосексуальность, начав жить вместе с продавцом из закусочной. Ну а сама финальная битва ... а вот не скажу, сами узнаете.

Итак, на примере рассмотренных кинокартин можно наблюдать следующие отчётливые темы в викингском кино: ностальгия по тем временам, однако с пересмотром в современном духе взаимоотношений богов и людей в пользу последних, — именно человек и его свободное, независимое от божественного произвола, волеизъявление теперь выходит на первое место; и однозначное предпочтение языческого прошлого Скандинавии и негативная оценка её христианизации.

...Несмотря на разнообразие жанров и сюжетов, современное кино о скандинавском язычестве явно имеет какую-то общую основу. Это не просто романтическая ностальгия и «реконструкторство».

Утверждение свободы человека через равноправие в его отношениях с богами предлагается как «здоровая» альтернатива христианству, пришествие которого на север Европы массовая культура склонна трактовать негативно.

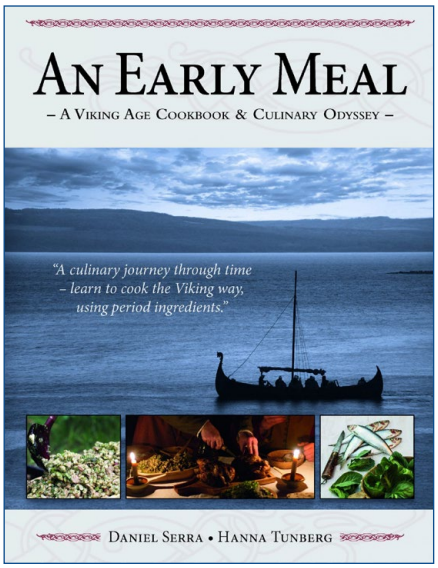
Не пересекая, по возможности, рубежей политкорректности, но постулируя: «Новое поколение выбирает Одина». Ну, или сына его Тора.

Контакты:
mahiravana@gmail.com
https://dzen. ru/gedeonovasansara
@Gedeonus

Полный текст статьи был первоначально напечатан здесь: https://dzen. ru/a/afl_SagOni0j9b7-

Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов

Даниел СЕРРА, Ханна ТУНБЕРГ.
Перевод:
Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

Продолжение.
Начало — «Северный ветер», 30–52 номера.

Йорвик

Перенесёмся на тысячу лет назад и взглянем на город глазами современника.

В глубине огромного устья, уходящего далеко вглубь Англии, раскинулся великий город Йорвик — или Эофорвик, как называют его на англосаксонский манер. Город давно покорён датчанами, но по-прежнему остаётся домом для многих англосаксов. Этот главный оплот данов в Британии словно кипящий котёл, в котором, как и в саксонских городах юга, бурлит жизнь. Тут чеканят монеты и вершат суд; даже жрецу новой христианской веры дозволили возвести большой храм. На улицах вооружённые воины снуют меж торговцев и чаще покупают у них пиво, чем грозят оружием. Город живёт, дышит, шумит ремёслами: на улице под названием Копперигата не смолкает стук токарных станков. На рынке скандинавские торговцы предлагают меха и вяленую треску, а взамен везут домой мёд и солод с богатых окрестных ферм. Весь город защищён древними стенами, что стояли здесь задолго до прихода англосаксов.

Торговля и набеги быстро открыли норманнам британское побережье. Со временем северную Англию накрыло той же волной скандинавской экспансии, что докатилась и до Исландии и Гренландии. Совсем скоро скандинавские переселенцы оказались втянуты в нескончаемые распри между мелкими англосаксонскими королевствами. К 865 году армия захватчиков под предводительством братьев Хальфдана и Ивара Бескостного уже напрямую вмешивалась во внутреннюю смуту королевства Нортумбрия.

Не прошло и нескольких лет, как Йорк, или Эофорвик, столица Нортумбрии, пал перед натиском данов, и все прочие соперники были разбиты. Так началось прямое датское правление на севере Англии — Область датского права. Хотя продержалась она лишь около семидесяти пяти

Коппергейт

В окрестностях Коппергейта археологи нашли несколько небольших круглых деревянных шишечек, поначалу весьма озадачивших исследователей. Загадка разрешилась, когда выяснили, что это отходы токарного ремесла: остатки от производства деревянных чаш. Такая шишечка образовывалась на месте, которым заготовка крепилась к токарному станку, и срезалась с готового изделия в самую последнюю очередь. Само же название места, вопреки тому, что можно подумать, не имеет никакого отношения к Медным Вратам. Оно восходит к древнему «Копперигата» — улица изготовителей чаш.

лет, вместе с другими, более долговечными, колониями в Дублине, на Оркнейских и Гебридских островах и на острове Мэн она создала мощное скандинавское присутствие в регионе, чьё влияние сохранялось вплоть до XI века.

Формально Область датского права подчинялась датскому престолу, но на деле это было полунезависимое королевство, которым правили собственные короли, сидевшие в Йорке (или Йорвике, как стал называться город на новый лад). Поначалу Йорвик служил плацдармом для походов против англосаксонских королевств, но, пожалуй, главная его роль вместе с другими скандинавскими колониями состояла в том, чтобы связывать эти земли торговлей с остальной Европой. В эти годы в край хлынул поток скандинавских переселенцев, и если прежде это было англосаксонское королевство со скандинавскими королями во главе, то теперь оно стало скандинавским по самой своей природе.

Ещё до прихода скандинавов Йорк был бойким торговым городом: он удачно лежал на пересечении путей, ведущих и вглубь страны, и за море. Портом в строгом смысле он не был, но стоял там, где сливаются реки Уз и Фосс. Эти реки уходят вглубь Северного Йоркшира и через устье Хамбер выводят к Северному морю. Такое положение открывало широкие торговые возможности, и упоминания о торговле через Йорк, или Йорвик, можно встретить даже в исландских сагах.

В отличие от Скандинавии, где торговые поселения, как правило, старались держаться подальше от политической и религиозной власти, в Йорвике всё сошлось воедино. Этот город, словно предвестие будущих городов континента, был не только королевской резиденцией, но и центром управления, и престолом архиепископа, и крупной торговой площадкой. Здесь чеканили собственную монету, жили и трудились ремесленники и купцы.

Еда

Когда в одном городе встречаются две кулинарные традиции, они могут пойти разными путями. Первый — своего рода кулинарная сегрегация: каждая кухня остаётся верна себе и живёт порознь. Но находки в Дублине и Йорке заметно отличаются от тех, что обычно встречают в самой Скандинавии, а значит, англосаксонская и скандинавская кухни всё-таки переплетались.

Согласно археологическим исследованиям, поначалу в Йорвике из мяса ели больше всего говядины: 69% найденных костей принадлежат крупному рогатому скоту, затем идут овечьи, а на свиные приходится только около 7%. Со временем картина меняется: говядины едят всё меньше, свинины всё больше. Коров и овец по-прежнему держали (в том числе ради шкур, молока, шерсти и для работы в поле), но разводили их в основном в окрестных деревнях, а оттуда уже привозили в город.

Помимо скота держали и птицу, в первую очередь гусей и кур. Археологам в Йорке даже посчастливилось наткнуться на находку столь же редкую, сколь и логичную — яичную скорлупу.

Что касается рыбного стола, здесь он несколько отличался от рациона более северных поселений: в Йорке преобладали скумбрия и угри.

Попадались также лосось, налим, хариус и треска. Особенно любопытна треска: судя по составу костей, она пришла из Северной Атлантики. Отсюда два возможных объяснения: либо в Йорвик завозили уже вяленую треску из Норвегии, либо новые поселенцы просто пополнили местную кухню привычным для них блюдом. Если верно первое, то это уже ростки той оживлённой торговли с северной Норвегией, что развернётся позже.

На фоне других скандинавских поселений Йорвик удивляет обилием устриц, мидий и других моллюсков. Особенно полюбились здесь устрицы, со временем их стали есть всё больше и больше. Любопытно, что в каменном веке датчане тоже охотно ели моллюсков, но к эпохе викингов почти совсем от них отвыкли — за исключением жителей Йорвика и Дублина, перенявших эту привычку у местных. Как именно их готовили, мы пока не знаем, но, скорее всего, не глотали сырыми, как сегодня едят устриц, а варили в похлёбках. Возможно, любовь к моллюскам досталась Йорку ещё от прежних обитателей — англосаксов, а те, в свою очередь, могли перенять её у римлян: римляне страстно любили почти всё, что давало море, и даже разводили устриц на юге Британии.

Протеин, возможно, также получали из молочных продуктов. Коровы и овцы, чьи кости чаще всего встречаются среди находок, давали и молоко, и сыр, и масло. Сыр, к слову, мог играть здесь даже бóльшую роль, чем на севере: он был удобным способом сохранить молоко надолго. Йоркшир и сегодня славится сыроварением, а один из местных сыров — свейлдейлский — по преданию восходит ещё к XI веку.

Не менее любопытна и картина с зерновыми. Как и на севере, здесь сеяли пшеницу, рожь и ячмень, но при этом главной культурой была именно пшеница, а не ячмень. Хлеб, по всей видимости, пекли в основном из пшеницы с небольшой примесью ржи, а ячмень почти целиком отдавали пивоварам. И снова чувствуется тот же континентальный уклон йорвикской кухни: хлеб занимал в ней куда более важное место, чем в северных землях.

Медовуху в Йорвике, возможно, пили чаще, чем на севере. Есть косвенные признаки, что мёд добывали на месте: на раскопках Коппергейта нашли немало воска и, предположительно, останки пчёл, а значит, здесь могли заниматься и пчеловодством.

Как и в большинстве скандинавских торговых поселений, в Йорвике нашли множество плодов, ягод и орехов, причем куда разнообразнее, чем находят на простых фермах того времени. Здесь обнаружили дикие яблоки, тёрн, сливы, вишни, лесную землянику, ежевику, костянику, боярышник, изрядно лесных орехов, горстку грецких плюс несколько косточек винограда и инжира, попавших сюда явно издалека.

Прочая растительная пища во многом перекликается с находками в более северных землях: много мари белой и крапивы. Кроме того, попадаются репа, листовая капуста, лебеда, щавель и горох. Реже встречаются дикая морковь, дикий пастернак, дикая редька, бобы, немного лука-порея, а также немного свёклы и кресс-салата. Из приправ шли в ход чабер, тысячелистник, мята, укроп, фенхель, кориандр, чёрная горчица и, возможно, водяной перец.

Кухонная утварь во многом схожа с той, что находят на юге Скандинавии. За одним исключением: жерновов, особенно ручных, здесь заметно больше. Примечательно и другое: как и по всей Скандинавии, тут попадаются осколки горшков из мыльного камня. Это говорит не только о том, что такую посуду привозили издалека, но и о том, что переселенцы принесли в Йорвик и свои способы готовки.

«Какашки» из Йорвика

Одна из самых неожиданных находок, проливающих свет на рацион жителей Йорвика, — окаменевшие экскременты. Самым известным среди них стал экспонат по прозвищу «Какашка из банка Ллойдс» (он до сих пор выставлен в музее викингов в Йорке. — Прим. перев.): его обнаружили при раскопках под зданием банка. Он отличается внушительными размерами и свидетельствует о довольно однообразном рационе своего хозяина: сплошь мясо да зерно. Другие находки, напротив, рисуют более пёструю картину: в них попадаются остатки орехов, фруктовых косточек и лука-порея.

Продолжение следует...

Скрытый народ: что читают об альвах в самой Исландии

Ольга МАРКЕЛОВА

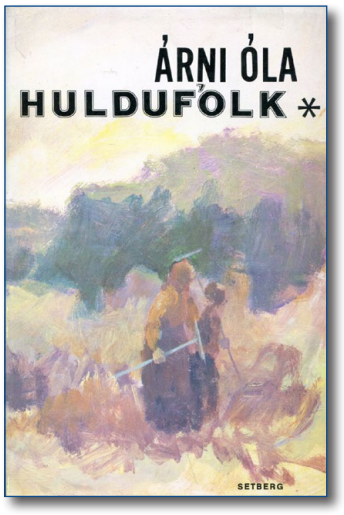
Исландские альвы известны во всем мире. У читателя, интересующегося ими, естественно, возникнет вопрос: а какие издания об альвах читают в самой Исландии, кроме, разумеется, изданий первоисточников и научных трудов филологов? Мне хотелось бы особенно остановить внимание на двух книгах: одной 1973 года издания и одной относительно новой — 2007 года.

Árni Óla, «Álfar», Setberg,1973

Аутни Оула (1888–1979) — имя, довольно известное в исландской журналистике. Его деятельность тесно связана с центральной исландской газетой «Моргюнбладид», где он проработал с 1913 года всю свою жизнь. В своё время Аутни был знаменит как журналист, пишущий о разных аспектах жизни в стране, но также издал много книг, посвящённых исландцам и исландской культуре.

В своей книге об альвах он подытоживает то, что в тот момент было известно о них из фольклора и иных источников, и выдвигает собственные гипотезы по поводу тех или иных вопросов. В частности, он обращает внимание на то, что в большинстве стран существуют похожие истории о неких скрытых жителях и иных подобных существах, и замечает, что альвы — это особая раса, что-то среднее между людьми и ангелами.

В древнеисландских источниках альвы упоминаются в песнях Старшей Эдды, где всегда есть пара «асы и альвы» — то есть, судя по контексту, альвы явно божественного происхождения. В Младшей Эдде в «Видении Гюльви» фигурируют тёмные и светлые альвы. (Фактически это единственное место в древнескандинавских мифологических источниках, где альвы классифицируются таким образом). Однако альвы из Эдды — это не те же самые существа, которые появляются

в исландском фольклоре более поздних веков. Аутни выдвигает гипотезу, что исландские истории об альвах — ирландского происхождения. Ирландские рабыни, которых в эпоху викингов было в стране немало, очевидно, рассказывали детям, которых им было поручено воспитать, какие-то истории о скрытых жителях из своей страны, и это привело к тому, что и по сей день исландские альвы и аналогичные ирландские существа всегда обнаруживают разительное сходство. Сходство между ними больше, чем между исландскими альвами и скрытыми жителями из других скандинавских стран (стр. 28–41). Однако за отсутствием доказательств эту гипотезу нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

В XII-XIII веках фольклорные истории ещё расцветали пышным светом, фольклорные сюжеты,

в частности, об альвах, попадали в саги, но в XIV веке началось противостояние, которое достигло апогея к XV веку, и сюжеты об альвах из тех веков, которые вообще сохранились, обязаны этим тому, что они были переделаны в римы (стр.42). В частности, из тех веков известен стихотворный размер «Лювлингслаг», то есть «песня альва»: альвов также называли словом «ljúflingur» — «любимчик; миляга».

Ауртни Оула говорит также и о праздниках альвов, об их обычае танцевать на льду в рождественскую ночь. Люди переняли у них этот обычай, и таким образом родился танец под названием «álfadans», который проходит под предводительством так называемого короля альвов и так называемой королевы альвов с факелами. Также считается, что в рождественскую и новогоднюю ночи альвы ходят в гости в человеческие жилища, и поэтому для них непременно надо оставлять свет. Исландские альвы очень набожны, ходят в церковь и, если у них нет своей церкви, посещают человеческие жилища.

Ауртни упоминает и такую особенность, как «álagablettir» — «заклятые места», то есть какие-то участки на сенокосном лугу, обычно крошечные и не всегда обильные травой, которые было запрещено косить: считалось, что если так сделают, то последует несчастье. Он упоминает, что такие участки были в каждой местности, и запрет происходил из… убеждения, что эти участки принадлежат альвам. Но он упоминает, что никто никогда не видел, чтобы альвы там что-то косили, тем более что эти участки были так малы, что трава с них вряд ли играла какую-то критичную роль для прокорма их скотины.

Конечно же, альвы держат скот (стр. 89). Ауртни говорит о том, что если люди увидят скотину альвов, например, их корову, то не обязательно это предвещает какие-то события в будущем, вполне может быть, что они видят какую-нибудь картину из прошлого. Он приводит примеры аналогичных видений из Англии и Германии, где люди видели охотников, рыцарей и слышали давно прошедшие битвы (стр. 92).

По поводу происхождения альвов исландский журналист пишет следующее: «Рассказывают, что альвы внешне не отличаются от людей, потому что якобы они произошли от Адама, как и люди. Существует история об их родстве с людьми: после грехопадения Адам с Евой сильно раскаялись в своем прегрешении и разлучились на сотню лет, дабы наказать самих себя. Но за это время Адам породил предков скрытых жителей с теми цветами, которые расцветали на земле. У нас в Исландии альвы во всех отношениях вели себя как люди, так что не надо удивляться тому, что иностранцам, которые раньше приезжали к нам и которым рассказывали о скрытых жителей, казалось, что речь идёт о людях, и что исландцев на самом деле в два раза больше, чем на самом деле. Разумеется, в стране проживали две расы, и никакой разницы между ними не было кроме того, что одни жили в дерновых землянках, а другие в утёсах и холмах» (стр. 93).

Также он отмечает любопытное обстоятельство. Существует масса сюжетов о том, как люди попадали в гости в жилища альвов, и, казалось бы, в таком случае должно быть и большое количество подробных описаний этих жилищ. Однако ничего подобного мы не находим, разве что какие-нибудь описания еды. Попадание людей к альвам обычно передается словами «Fjallið laukst upp» — «Гора раскрылась». Очевидно, внутри гор были просторные залы, в которые альвы попадали через маленькие входы. Но если верить фольклорным историям, жилища альвов были обставлены более роскошно, чем жилища людей. Позволим себе еще одну цитату: «Условия жизни скрытых жителей и людей, однако, весьма разнились, потому что скрытые жители были свободны, а человечество ютилось в жалких земляных хижинах, в нищете и убогости, во все глаза глядело с удивлением и почтением на этот сказочный мир, в котором были роскошные дворцы, в котором было богатство и изобилие. И в этих картинах нищие и убогие искали духовного подкрепления и надежды на то, чтобы воспрянуть и дождаться хороших времён» (стр.95). Обычно считалось, что альвы могут являться только людям ясновидящим (skyggnir menn). (При этом надо отметить, что ясновидение воспринималось в традиционной культуре скорее как несчастье, чем счастье; считалось, что ясновидящими рождаются все люди, но если при крещении святая вода попадает человеку на оба глаза, то он утратит эту способность и будет обычным человеком, — а если святая вода не попала на глаза, то останется ясновидящим. Так как ясновидение считалось сулящим неудачи,

обычно следили, чтобы вода попадала на оба глаза). Ясновидящие могут видеть альвов, даже вступать с ними в родственные отношения, а неясновидящим альвы являются во сне или в состоянии транса.

Любопытно, что кроме привычных нам альвов, живущих в холмах и в утесах, Ауртни Оула упоминает, что в Исландии существует особый вид альвов, которые живут в озерах и в море. Те, кто живут в море, называются marbendlar — водяные и hafgúur или hafmeyjur — русалки. Кроме того, существуют альвы в облике тюленей. Автор книги приводит народное поверье о том, что эти виды водяных альвов — это потомки фараона и его людей, утопших в Красном море, а кроме того, вспоминает, что похожие водяные и русалки, причисляемые к роду скрытых жителей, есть и в ирландском фольклоре (стр. 135).

Что касается знаменитой истории о нечистых детях Евы (в которой альвы выводятся как дети Адама и Евы, которых не успели умыть и поэтому спрятали перед визитом Бога), то Ауртни утверждает, что «эта история совершенно очевидно иностранного происхождения», однако ничем не подкрепляет свою догадку (стр. 198).

На протяжении веков существовали разные теории по поводу того, есть ли у альвов душа. Естественно, учёные XVII-XVIII века, в частности знаменитый Йоун Учёный, считали, что души у альвов нет, есть только тело. Но с другой стороны, есть народный сюжет, где человек оказался в одной постели с женщиной-альвом, стал её обнимать, но руки ухватили пустоту, и женщина сказала ему: «Не удивляйся этому, потому что я бесплотный дух», — то есть одна душа без тела, а тело призрачное (стр. 198–199). В XX веке альвы и люди уже считаются фактически ничем не отличающимися друг от друга по внешности.

Также кроме, собственно, альвов, Ауртни упоминает альвов-домовых и цветочных альвов (búálfar, blómálfar) и говорит, что они принадлежат к роду карликов (dvergar), то есть размер у них невелик; цветочные альвы совсем малютки.

Насколько сам автор верит в существование альвов? Прямых деклараций в книге нет, но, очевидно, о позиции автора позволяют судить слова в последней главе: «И лишь одним альвы и люди различаются. Альвы видят людей, но лишь очень-очень немногим людям удаётся увидеть альвов. В силу этого основополагающего различия значительное число людей категорически отрицает существование альвов. И, следовательно, считает, что рассказы о них не что иное, как вымысел и суеверие. Но здесь у нас есть защитная стена в лице науки, которая на примере дальтонизма утверждает следующее: мы называем естественным то, что решает большинство. Но, однако, большинство не всегда право» (стр. 199–200).

Unnur Jökulsdóttir: Hefurðu séð huldufólk? 2007

В заглавие книги вынесен вопрос, который её автор задавал своим информантам: «Видел ли ты скрытых жителей?» Сама книга написана в жанре, который уместнее всего обозначить как нонфикшн; это не строго научный фольклористический труд, а история путешествия рассказчицы, посвящённая тому, как Уннюр Йёкюльсдоттир ездила по разным местностям Исландии. В книге описаны Северная Исландия, Южная Исландия, Южное побережье, Странди (между Западными фьордами и основной частью острова), собственно, Западные фьорды и снова Северная Исландия, Восточная Исландия, отдельно Брейдафьорд и снова Южная Исландия. Уннюр встречалась с разными людьми как на отдалённых хуторах, так и в больших городах, расспрашивала их об их опыте общения со скрытыми жителями и попутно рассказывала истории. Кроме, собственно, интервью в книге есть и путевые зарисовки, так как рассказчица путешествовала вместе

со своей малолетней дочерью и, в частности, не скупится описывать её поведение в машине, музыкальные вкусы, попытки общаться с людьми, реакцию на ландшафт и прочее. И хотя эту книгу нельзя назвать фольклористическим научным трудом, написанным по всем правилам, она дает очень хорошее представление о современном срезе веры в альвов и скрытых жителей в Исландии. Многие информанты берутся рассказывать о своих детских воспоминаниях.

Всего в книге 27 глав, не считая предисловия, по числу информантов, причём среди информантов не только старые исландцы, которые провели жизнь на дальних хуторах, невдалеке от места обитания тех самых скрытых жителей, но и, например, Хильмар Эрн Хильмарсон, председатель языческой общины Исландии, известный многим, и даже одна женщина с Филиппин.

В предисловии Уннюр пишет о вере в альвов: «И всё-таки это была простая, красивая вера. Убеждение в том, что существует гораздо больше, чем мы видим простым глазом. И это делало наше существование глубже и богаче. Мне это показалось хорошим багажом для дальнейшей жизни. Хотя, конечно, я натыкалась на людей, которые классифицируют интерес к таким вещам как суеверие и предрассудки и считают, что мы должны придерживаться лишь того, что видим и понимаем». В начале книги приводится следующий разговор, рассказчицы с подругой: «Ты знаешь кого-нибудь, кто видит скрытых жителей?» — спрашиваю я. Долгая пауза. Конечно, думаю я в отчаянии, о таком не спрашивают. «Вообще-то нет. Но я всё-таки подозреваю, что их видит каждый десятый знакомый», — говорит она потом. — «А как люди, которые видят скрытых жителей, понимают, что перед ними именно скрытые жители?» — «Ну, это когда я вижу что-то... и это выходит за рамки реального бытия...» (стр.15–16).

Информанты, в частности, рассказывали не только о встречах с самими альвами, но и о сопутствующих им явлениях, например, свете, огоньках в скалах и камнях или о незнакомых овцах, вдруг оказывающихся в овчарне, или ягнятах какого-нибудь особого приметного цвета, например, пятнистых, которые появлялись только один раз в период окота, и больше их никто никогда не видел, — возможно, эти лишние овцы или ягнята принадлежали альвам (стр. 36–37).

При разговорах об альвах записываются не только современные истории или личные воспоминания информантов, но и истории, имевшие хождение в данной местности в минувшие века. Например, в Скагафьорде в долине Годдалир существует история начала XX века про серебряный альвовский крест. Участники этой истории известны поимённо. Сам крест, свитый из серебряных нитей, висит в тамошней церкви. История такова, что зимой 1904 года одна молодая девушка отправилась с одного хутора на другой, где жила молодая пара с недавно родившимся сыном. Она дошла до большой одинокой скалы под названием Эйнбуи («Отшельник»), ей встретился красивый конь, и она стала любоваться им. Тут подошёл человек и строго спросил, трогала ли она его коня. Она ответила, что нет. Этот человек смягчился и сказал, что это хорошо, потому что иначе бы этот конь был для него потерян. Человек был роскошно одет. Он вынул из кармана серебряный крест и попросил надеть его на недавно родившегося мальчика с соседнего хутора, но только так, чтобы никто не видел, иначе ей грозит всю жизнь расхлебывать несчастье. После он вскочил на своего красивого коня и исчез. А девушка заметила, что следов от них в снегу не осталось. Тем не менее поручение она выполнила — правда, в присутствии матери ребёнка. Но когда мальчику настала пора конфирмироваться, то возникли вопросы, откуда у него такой роскошный крест. Девушке пришлось клясться на алтаре, на Библии. Как говорят, того человека она больше ни разу не видела. А жизнь у неё была недолгой и несчастливой. Мальчик — обладатель креста — был никто иной, как отец информантки, проживший более 90 лет (стр. 45–46). За ним закрепилось прозвище «Huldubarnið» — «ребёнок скрытых жителей». Но осталось неизвестным, были ли у него действительно какие-нибудь скрытые жители в родне.

Многие информанты рассказывают об альвах в современном мире. Например, у одной информантки семья скрытых жителей обитала прямо на краю поля для гольфа (стр. 59–60). При этом, хотя она видела их всех, потому что с детства обладала умением видеть скрытое, её саму видели не все из альвов, а только старый дедушка и внук. Тот дедушка объяснил ей, что у альвов год не такой, как у людей: у них всего 9 месяцев, поэтому, когда

у людей зима, то у альвов вполне могут зеленеть растения в огороде. Она описывала альвов, как одетых в старинные одежды: женщина в переднике, девочка в вязаном платье, — и хозяйство у них велось тоже на старинный лад. Та же информантка утверждала, что кроме уже повсеместно известных álfar и huludfólk есть ещё масса других разновидностей альвов, а разница между ними в том, что они все «на разных частотах», — возможно, она имела в виду иные измерения. Эта же женщина рассказывала историю своего детства: в Хапнарфьорде (городе-сателлите Рейкьявика, который стоит на лавовом поле и славится как место проживания альвов) она в детстве играла с ребятами, с которыми почему-то не играли остальные дети, а она пожалела их и решила с ними подружиться. Лишь в зрелом возрасте она осознала, что эти ребята были детьми альвов, и другие дети не играли с ними потому, что не видели их (стр. 65).

Однако сами информанты уже с прискорбием констатируют, что связь современных исландцев с альвами, со скрытыми жителями сейчас уже утрачивается. В основном только старшее поколение рассматривает их не как какие-то фольклорные курьезы, а как реальных существ, а о молодых поколениях утверждать этого уже нельзя. Как выразился один из информантов, «современная жизнь людей так устроена, что альвы к ней просто не подходят» (стр. 73).

Как я уже отмечала, информация о скрытых жителях может варьироваться от информанта к информанту. Например, хотя некоторые информанты описывают альвов как ведущих хозяйство на старинный лад, но одна пожилая информантка из Южной Исландии утверждала, что скрытые жители также водят автомобили (стр. 81) и что у них есть свои технические устройства.

Как выясняется, видеть альвов могут не только исландцы или люди, взращенные в лоне исландской культуры. В южной Исландии у Уннюр состоялся разговор со старым филиппинцем по имени Лидо, который уверял, что видит скрытых жителей, которых в Исландии очень много, и указал, что у них нет хрящевой перегородки между ноздрями (в старинных исландских историях о скрытых жителях действительно упоминается эта их безошибочная примета, но Лидо явно не читал этих источников, а рассказывал о том, что видел сам), а в остальном они выглядят как обычные люди. Носят ли они старинную одежду, он не мог сказать (стр. 109–111). Он отметил, что на Филиппинах тоже есть свои скрытые жители, которые живут и в скалах, и в деревьях, и в реках, они маленького размера и обитают как в природе, так и в садах. Около дома этого филиппинца и его семьи располагался утёс, в котором, как он утверждал, жили альвы. Когда рассказчица захотела сделать фотографию этого утёса, он подошёл к нему и поговорил с альвами по-английски, убеждая, что эта незнакомая женщина пришла к ним с мирными намерениями: просто сфотографировать, но не более того (стр. 112).

Когда рассказчица приезжает на Западные фьорды, в этот суровый край, где не растёт деревьев, и где отвесные скалы с острыми краями, то там фольклорные истории уже другие, уже не о добросердечных альвах, которые помогают людям в трудную минуту, но о страшных колдунах, о троллях, которые хотели отрезать западные фьорды от Исландии и уволочь к себе, о лютых призраках, которые преследуют род на протяжении нескольких поколений, — словом, всё под стать природе. Но всё-таки несколько историй об альвах на северо-западе Исландии записать удалось. Например, в городке Дьюпавик на Странди в 1930-е годы собрались взорвать большой валун, который стоял около местной столовой, чтобы расширить здание. Одна местная старая женщина умоляла не взрывать его, потому что в этом камне живёт большая семья альвов. Мужчины, естественно, не стали слушать какую-то суеверную старуху и решили всё равно взорвать камень... А когда рассказчика спросили: «А что случилось дальше?» — он ответил: «Как что? Селёдка ушла!» Эта история происходила в те годы, когда селёдочный промысел в Северной Исландии находился в самом расцвете. Разумеется, селёдка исчезает не в одночасье, уловы понижаются не резко, однако местные жители, для которых селёдка значила буквально всё, связали этот ощутимый удар с местью альвов за своё жилище (стр. 132–133).

Надо заметить, что занимательные истории, происходящие с жителями отдалённых хуторов, могут быть не только связаны с альвами, но также Уннюр приводит примеры занимательного описания повседневности и интересных бытовых

историй. Например, одна женщина с отдалённого хутора на Западных фьордах имела привычку гулять по взморью вместе со своим сыном и собирать с ним выкинутые морем ракушки и прочие занятные предметы. Однажды она подошла к морю, когда там был прилив, и увидела, как под волнами блеснуло что-то металлическое. Она вытащила этот предмет: это оказался старинный латунный светильник, в котором когда-то горел рыбий жир. Когда она принесла его домой и показала одному своему родственнику, тот ответил: «А я знаю, чьё это и откуда. Этот светильник обронила в море наша бабушка, когда переезжала на этот хутор в 1888 или 1889 году!» (стр. 153–155). Так что, собирая материал именно об альвах, рассказчица попутно сделала очень много интересных зарисовок как о быте современных исландцев, так и записи различных мемуратов об их предках, — а, наверное, каждому сельскому исландцу есть что рассказать интересного о своих предках, и некоторые из них даже пишут мемуары.

Некоторые информанты отмечали, что слышали пение альвов, и, в частности, альвы могли исполнять псалмы. Некоторые из информантов не видели альвов воочию, но те являлись им во сне, причём на протяжении многих лет могли являться одни и те же персонажи. Узнать о том, что в каком-нибудь камне по соседству живут скрытые жители, люди могли и от медиума. Например, один из информантов из Северной Исландии через медиума узнал, что около его дома существует целое поселение скрытых жителей, там, где было скопление скал и валунов, причём один из камней был не жилым домом, а чем-то вроде клуба, в котором альвы собирались в часы досуга. Также через медиума тот человек узнал, что у одной женщины-альва к нему просьба: она недавно родила ребёнка, и ей было позарез нужно молоко, но была лютая зима, и молока ей было негде достать. Когда она попросила его выставить молоко возле камня, он отрезал: «Нет, я не буду выставлять молоко в такой мороз, приди и сама возьми его в холодильнике!» Но он не видел, чтоб молоко из его запасов исчезло в ощутимом количестве, потому что, по его уверению, альвы довольствуются совсем малым (стр. 192–193).

В своей книге Уннюр не только пересказывает беседы с людьми, но также упоминает большое количество литературных источников об альвах, от всем хорошо знакомых трудов фольклористов XIX и XX века до работ уже современных фольклористов. В частности, здесь мне хочется привести в пример любопытное наблюдение фольклориста по имени Хаттльфред Эртн Эйрикссон (Hallfreður Örn Eiríksson) о том, как вера в альвов эволюционировала у исландцев, эмигрировавших в начале XX века в Америку и Канаду. С этими людьми переселились и исландские призраки, и некоторые исландские альвы. Современный фольклорист отмечает, что там они не прижились в равнинном американском ландшафте, а некоторые не вынесли поездки по морю, захворав морской болезнью. В общем и целом эти существа сделали то, что, очевидно, мечтали сделать сами исландцы, а именно — уехали на родину из Америки (стр. 234).

Один из информантов высказывается следующим образом. «Вера в скрытых жителей — это вера в те потаённые силы, которые ты не понимаешь и не знаешь. Может быть, она проявляется в человеческом сознании в образах людей, но это потаённые силы, которые мы не можем объяснить и которые существуют в каких-то других измерениях, чем то, в котором мы живём, так я считаю. Я ни в коей мере не отрицаю существование кого-то другого, кроме нас самих. Об этом и речи нет. Может быть, это наши собственные собратья, которые отправились в другие миры, живут в других местах. Те, кого считают усопшими. У меня есть прекрасная и непоколебимая вера в посмертное бытие души» (стр. 248).

В финальной главе книги одна из информанток из Южной Исландии предлагает рассказчице самой заглянуть в мир альвов, сообщив ей методику, и это почти удается ей посредством вхождения в некий транс. Правда, она может только видеть альвов, а говорить с ними способна всё равно лишь сама та женщина, которая общается с ними постоянно. Правда, за этот необычный опыт рассказчица расплачивается временной потерей чувства равновесия и головокружением (стр. 265–271).

Даже в современном, цивилизованном и урбанизированном мире сверхъестественные существа многочисленны и многолики, а память прошлого жива. Но чтоб удостовериться в этом, действительно необходимо настроить своё зрение так, чтоб видеть скрытое.

Обзор книги «Кто есть кто и что есть что в скандинавской мифологии»

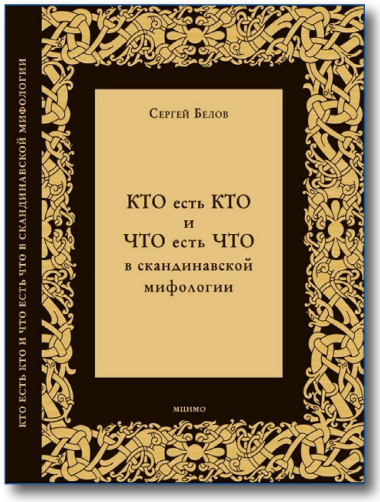
Гедеон ЯНГ, журналист, публицист, религиовед

Автор книги: С.А. Белов

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ словарь о скандинавской мифологии интересен сразу по нескольким причинам. Во-первых, оригинально место издания словаря — это издательство Московского центра непрерывного математического образования. Ну а во-вторых, налицо своеобразная научная формализация постоянного на протяжении многих лет в мире и в России интереса к скандинавским древностям — чего стоит один только сериал «Викинги», стяжавший всемирную славу и в последнем сезоне коснувшийся и русской истории тоже. А также кроме него огромное количество фильмов и сериалов. Вышло на протяжении нескольких последних лет и несколько разного рода и типа книг об истории, культуре и религии викингов, таких, как популярные «Скандинавские мифы и легенды» Тома Биркетта или фундаментальная «История викингов» Нила Прайса. И вот — энциклопедический словарь Сергея Белова.

Автор в предисловии так объясняет необходимость изучения скандинавской мифологии:

«Без знакомства с нею невозможно достичь понимания не только всей средневековой культуры данного региона, но и многих современных явлений: распространенных в Скандинавии верований, обычаев или речевых оборотов, таких религиозных течений, как северное неоязычество, а также феномена массовой культуры новейшего времени, раз за разом обращающейся к персонажам и сюжетам скандинавских мифов. Неугасающий интерес к скандинавской мифологии лишний раз подчеркивает её непреходящее историческое и культурное значение для самоидентификации как самих народов Северной Европы, так и их соседей».

В качестве источников для изучения автор перечисляет средневековые письменные тексты: скальдическую и эддическую поэзию, работы Снорри Стурлусона, саги и хроники, небесполезны и рунические камни, археологические находки и даже топонимы и омонимы.

А целью данного труда автор как раз и видит помощь читателю в ориентации в «сложном и не всегда упорядоченном мире мифов Скандинавии». Другая причина выполненной работы — потребность обобщить результаты исследовательской работы многих десятилетий, в том числе и зарубежных ученых. Для этого автор написал более тысячи ста словарных статей.

Автор отмечает, что этот труд — прежде всего попытка обобщить материалы по скандинавской мифологии, «исследовательская работа над которыми постоянно продолжается, и некоторые утверждения могут быть подвергнуты сомнению ещё до её публикации».

Сергей Белов разъясняет некоторые принципиальные нюансы: понятия «Скандинавия» и «скандинавский» разумеют под собой именно культурно-историческую общность населения соответствующего региона; а под «средневековьем» имеется в виду период с VI по XV века включительно. Мифология же — это не только собрание мифов, но и изучающий их раздел науки. «От религии и магии миф отличает отсутствие соответствующих ритуалов, от сказки — правдоподобие, которое признаётся за ним в рамках создавшей его культуры».

Ещё один важный момент, на который стоит обратить внимание, — автор считает представление о скандинавской мифологии как о некоем сформировавшемся и законченном явлении не соответствующим действительности. Нет, она всегда находилась в процессе развития, которое могло различаться в том числе и в зависимости от местности. «С большой осторожностью следует относиться к идее существования некой единой системы мифологических и религиозных представлений в средневековой Скандинеавии, так что правильнее было бы говорить даже не о скандинавской мифологии, а скандинавских мифологиях: зачастую противоречивых мифах различного географического, временного и социального происхождения».

Наконец, причины, которыми автор пытается объяснить запись мифологических текстов христианскими авторами, кажутся неубедительными: по его мнению, это развлечение, объяснение сохранившихся названий, оборотов речи, памятников и предметов быта и различных стереотипов мышления и поведения.

В заключение стоит отметить, что научный аппарат, то есть список использованной литературы, составляет почти 60 страниц (!), поздравить автора с выходом в свет его труда и порадоваться за мифологов, религиоведов и отечественных одинистов и асатруа — тех самых «северных неоязычников», получивших в своё распоряжение столь ценный труд.

Белов. С. А. «Кто есть кто и что есть что в скандинавской мифологии». — М.: МЦНМО, 2025. — 424 с.

Контакты:
mahiravana@gmail.com
https://dzen. ru/gedeonovasansara
@Gedeonus

Краткая версия обзора была опубликована в НГ-Религиях:
https://www.ng.ru/printing/2025–12–16/12_609_books.html

Сказки про альвов

Автор: Ольга МАРКЕЛОВА

Бок о бок

I

Исландия гораздо старше своего имени. Остров вырастал из морской пучины, превращался из весёлого каменного младенца в зрелую женщину-горянку, изучал науку ледников и бытие рыб, учился изготавливать вуали водопадов и кольчуги лавовых полей — и лишь после всего этого ему дали имя!

Хотя у него к тому времени уже давно могло быть другое имя...

Ведь мы не знаем, что происходило в Исландии до того, как её заселили исландцы. Мы обычно считаем, что земля была пуста, и тысячи безымянных лавовых потоков извергались из неизвестных вулканов.

Но, во всяком случае, здесь жили существа и духи. Наверняка они как-нибудь называли свой остров. Но в древних источниках нигде не написано, разговаривал ли первопоселенец Ингольв Арнарсон с духами страны и заметил ли вообще их присутствие. Иначе он бы обнаружил, что Исландия называется не Исландией, а как-нибудь по-другому. (Это же относится к другим топонимам на острове).

Может, все беды исландцев происходят из-за того, что их страна веками выступала не под тем именем...

31. maí 2014; Kópavogur

II

— Скажите пожалуйста, как мне дойти до Круглой площади?

Спрашивающий был мужчиной лет пятидесяти в незапоминающейся одежде и с очень грустными глазами бледного цвета. Его произношение заставляло предполагать в нём носителя какого-то нездешнего языка. Я не заметила, как он внезапно появился в безлюдном переулке, — и замялась с ответом.

— Круглая площадь, — не унимался незнакомец. — Она должна быть где-то рядом; как пройти туда?

Но у нас в столице никогда не было никакой Круглой площади!

— Боюсь, что здесь нет... — отвечала я.

— Но я уверен...

— Are you a foreinger? — уточнила я, вслушиваясь в выговор моего неожиданного собеседника. — Where do you come from?

— Я не из-за границы, — поспешил успокоить он. Теперь я расслушала, что особенности его произношения нельзя было в строгом смысле назвать иностранным акцентом: он выговаривал все звуки чисто, — но создавая такое ощущение, будто его язык и гортань были сделаны из каких-то особых материалов.

— А Вы уверены, что то, что Вы ищете, называется именно так?

— Ну, знаете, на самом деле она, конечно, не круглая, это просто исторически такое название сложилось — Круглая площадь, хотя она, конечно, строго говоря, не площадь, а, скорее, долина между двумя горами. Я помню, что она где-то рядом... Вы уж меня простите: я в центре давно не бывал, всё перезабыл...

— Так ведь центр не здесь, — ещё больше изумилась я. — Он ближе к морю. Вот если сесть на третий автобус...

— Ну, кому в здравом уме придёт в голову устраивать центр на взморье, где ветер гуляет, сырость и холодина! А в долине между горами, согласитесь, сподручнее: не дует и деревья хорошо растут.

Я попыталась вспомнить, что читала о том, как по манере речи отличить сумасшедшего, — но всё вычитанное совершенно не подходило к ситуации.

— А какие улицы есть в окрестностях этой Вашей Круглой площади?

— Ну, прежде всего, это улица Йоуна Сильного: огромная такая магистраль в несколько полос, по ней машины ездят. А параллельно ей идёт Клеверная улица, на ней ещё цветочный магазин: стеклянное такое здание...

В описании магистрали я узнала проспект Рейкьянесбрёйт, и цветочный магазин рядом действительно был: и именно просторная современная постройка со стеклянными стенами. Но ведь не факт, что это не совпадение и не ошибка...

— Вы... Вам известно, в каком городе Вы находитесь? — вырвалось у меня, хотя, наверно, получилось бестактно. — Вы понимаете, что Вы в Рейкьявике?

— Рейкья-вик... — понуро повторил мой собеседник, пробуя слово на язык, словно заведомо невкусное угощение. — Smokey Bay... Что за глупая мода перенимать у американцев их названия! Мы много тысячелетий называли эти места совсем не так...

Меня осенило:

— Так Вы из параллельного мира! — (В самом деле, где ещё привычные город и улицы могут называться необычными именами!)

— Нет, из нормального... То есть, из того же, что и Вы... Не надо краснеть: Вы не первая задаёте мне этот вопрос Он в какой-то мере простителен: человеки сейчас только и знают, что читать эти пустопорожние современные фантастические книжки, а основополагающих вещей уже не читают...

— Каких основополагающих? — я была не в силах сдержать любопытство.

— Вы ведь слышали об альвах?

— Сейчас про них все хоть что-нибудь слышали. Даже в путеводителях для туристов про них написано.

Мой собеседник поморщился.

— Да, то, что для туристов — это, конечно, попса, — поспешила прибавить я, заметив его реакцию. — Но вот мы в универе по фольклору проходили...

Лицо собеседника быстро приобрело такое выражение, словно он заел глоток кислушки пирожным.

— Ну, и ещё у моего дедушки есть странненькая старинная книжка, — продолжала я, стараясь загладить свои оплошности. — Про одного учёного, который...

— Вот это уже ближе к делу, — оживился он.

— Но ведь это всё... народное творчество, выдумки?

— Если так, то с кем Вы сейчас разговариваете, интересно знать? ...Не надо делать такие глаза... Мы тоже рады были бы считать человеков выдумкой, но объективная реальность не позволяет. Все эти высотные здания, шоссе... Хороша выдумка, которая может в два счёта раздавить тебя автомобилем! Только наши названия остались. Они были гораздо раньше человеческих. И мы их храним.

— Раньше? — недоверчивость у меня уступила место любопытству. — Насколько раньше?

— Точных дат никто не знает, но во всяком случае, на пару тысячелетий. У нас хутора были в камнях, реки, где лосось ходил... А потом пришли человеки и всё переименовали, начиная с самого острова.

— Вы хотите сказать, люди отняли у вас землю? Ой, наверно, вы злы на людей за это, жаждете мести?

— Это ты сама сейчас придумала такую нелепицу или вычитала где-нибудь? — Собеседник был так возмущён, что на миг забыл о вежливости. — Начнём с того, что для того, чтоб отнять что-то, надо верить в реальность того, что отнимаешь. Никто не забирает у детей воображаемые конфеты, так? А если серьёзно, на первых порах человеки просто не догадывались, что мы здесь есть: камни и камни — и тени мелькают между камнями. А если наша королева когда-нибудь решала поговорить с человечьим предводителем, — он чаще всего думал, что спит и видит свою покойную бабушку во сне...

— Вы хотите сказать, люди с самого начала не верили в вас? А как же тогда все эти фольклорные истории?

— Понятие «верить» не приложимо к объективной реальности. Смотрите: мы стоим около дома, на нём номер и табличка «Тунгубакки» (это по-вашему Тунгубакки, а по-нашему Лазоревая улица), а во дворе клумба и качели. Вы можете полагать, что это самый обыкновенный жилой дом, где обитает семья, похожая на другие семьи. (Какой именно характер Вы ей нафантазируете, зависит от того, какие семьи бывают в Вашем собственном кругу общения). Или же Вы можете решить, что это не простой дом, а обитель мудреца, какого-нибудь современного ренессансного гения-самоучки, и качели ему нужны, чтобы придавать ускорение самодельным ракетам, а клумба — чтоб селекционировать лекарственные растения. Или наоборот: Вы будете считать, что в этом доме бандитский притон, и качели — это замаскированная виселица для жертв разбоя, а на клумбе растут сплошь наркотические травы... Но что бы Вы ни считали, дом есть, и бессмысленно кричать «Верю!» или «Не верю!», если можно просто прикоснуться к стене руками... Вот и с нами так же: все видели, что мы объективно существуем, но кем именно нас считали: неумытыми детьми Евы, нечистой силой или даже гостями из каких-нибудь, пардон, параллельных миров, — это уже могло быть по-разному. Главное, чтоб к нам не лезли...

— И ведь к вам не лезли?

— В ваших книгах по фольклористике Вы сами можете прочесть, что обычно — нет. Кем бы нас ни считали — всё-таки к нам было уважение, пусть даже порой замешанное на суеверном страхе. Конечно, в тех же книгах Вы можете прочитать, что иногда какой-нибудь бессовестный человек крал у нас драгоценности или сманивал корову, — или дочка кого-нибудь из наших сбегала с человеком, или потерявшиеся человеческие дети прибивались к нашим хуторам... Но это, как Вы сами можете догадаться, исключительные случаи, иначе о них не стали бы писать в книгах. Разумеется, ваши писатели приврали немного, но куда же без этого... Словом, веками мы сосуществовали мирно. Делить нам было нечего: земли на острове много, а священные книги у нас с человеками разные... Но где-то полвека назад началось... Во-первых, выросло поколение человеков, отрицающих, как это ни парадоксально звучит, объективную реальность. Во-вторых, именно им почему-то приспичило прокладывать шоссе через наши земли и рушить наши хутора. У них это называлось «расчистить стройплощадку от валунов». Это было чудовищно! Иные семьи в одночасье оказывались на улице, потеряв всё, даже тёплую обувь, и при этом бывали рады, что унесли ноги! Представляете: когда бессовестный человек по приказу своего бездушного начальства направляет бульдозер на твою хижину, потому что она в его глазах — просто мёртвый камень...

— И вы начали мстить?

— Мы пробовали договариваться. Но те, у кого не дрогнет рука направлять тяжёлую технику на чужие жилища, остаются равнодушными, если к ним в ночи явится прекрасная женщина в старинной одежде... Тогда мы стали подговаривать мальчишек тайком отвинчивать детали у бульдозеров. Это немного остановило разрушителей, — правда, не везде и не навсегда. А мы — мы не могли бросать все силы на затяжной конфликт. Не в наших это нравах, и к тому же у нас есть множество других неотложных дел: пасти овец, сочинять стихи, воспитывать детей... И мы решили поддержать нелепую игру и притвориться, что нас и в самом деле нет в объективной реальности. Тем, кто лишился крова, мы выстроили в городе тайные жилища... Мы стали носить одежду, которая в моде у человеков, ездить на их общественном транспорте...

— А на работу вы тоже ходите туда же, куда и обычные люди?

— Нет; у нас своя экономика; её в двух словах не объяснить. Хотя изредка бывает, что кое-кто из наших всё-таки работает с человеками. Как правило, речь идёт о мирных незаметных профессиях: библиотекарь, реставратор, садовник... Работу наших всегда отличишь: в ней есть особая тщательность и красота, человеки называют её «волшебной». Мы живём в городе бок о бок с человеками, но у нас своя работа, свои места собраний, своя торговля. Мы зовём горы, заливы и низины названиями, не похожими на ваши — но бывшими в ходу задолго до прихода человеков. И с каждой горой или рекой для нас связаны события прошлого, каких не найдёшь в человеческих анналах. Мы с вами ходим по одним улицам города — но у нас для этих улиц другие имена, у города другая история. Присмотрись к толпе в приморской части, которую вы зовёте «центром»: там же половина — не человеки, а наши.

— Спасибо большое, что рассказали мне такие интересные вещи... Но почему Вы решили открыть это именно мне? Вы полностью доверяете людям?

Мужчина моргнул своими прозрачными глазами; в них отразилась чересполосица облаков на небе.

— Я сперва обознался. Забыл дома очки — вот и принял по одежде да по походке за одну из наших... А потом, среди разговора, уже решил: а кто мне, собственно, запрещает поступить как в старину, когда разговоры с человеками у нас были в порядке вещей? Заодно выяснить, так сказать, из первых уст, что про нас вообще знают и помнят.

— Как видите, я знаю не так уж много: только самые общие факты. Так что я, наверно, не самый интересный в мире собеседник....

— Зато вы хороший слушатель! Вы не отказались от общения сразу, как только поняли, что разговор будет выходить за рамки привычного. Поверьте, это уже немало. На самом деле это не Вы должны благодарить меня, а я Вас! Если все собеседники будут такими — нашим можно будет перестать таиться и наконец договориться с человеками по поводу основополагающих вещей!

Разговаривая, мы дошли до того места, где тихий переулок, в котором мы встретились, пересекала улица побольше. Белая табличка с названием была издалека видна на фоне деревьев. Улица называлась: Альвабакки.

20 июля 2023. Ísland, Borgafirði, Grenjadal. Við Langá

Гора говорит

Гора говорит, гора говорит...
(«Травы ветра»: «Перекличка гор»)

Мои собеседники, кем был они ни были, рано или поздно непременно задавали мне вопрос: «А тебе не скучно тысячелетиями стоять на одном и том же месте?» В их тоне при этом сквозила готовность жалеть, утешать или развлекать (в зависимости от их личного темперамента и склонностей). Им — стремительным — вообще невозможно было взять в толк, каково это: никогда никуда не двигаться, — и они думают, что такая жизнь равносильна наказанию.

Положим, когда-то и я двигалась. Но это было на заре моей юности, во времена более далёкие, чем в силах вообразить себе кто-нибудь из моих собеседников. Их родичи только вычитывают о той поре скупые беглые заметки в изломах глыб, в линиях скал, в блеске кристаллов под бурой коркой, — а им бы расспросить самих участниц того давнего жаркого хоровода, когда отроги вставали на дыбы, а чёрные склоны салютовали золотой лавой.

Для меня и двух моих товарок (вот они стоят по ту сторону долины: одна в узорчатом липаритовом платье, другая в лохматой накидке из плюща) это был ни с чем не сравнимый танец — да только стремительные, быстродвижущиеся и быстроживущие не видят и не понимают танца, в котором одно движение может длиться тысячу лет.

А когда подземное золото остыло, хоровод распался и пляска закончилась, — мне всё равно не бывало скучно. Вокруг постоянно что-то происходило: ландшафт менялся, обнажалось морское дно, вырастали и падали обширные леса, гордые потоки превращались в тинистые болота и под конец высыхали. С какого-то момента в гости стали заходить существа. Среди них были чешуйчатые (им нужно было тепло моих склонов, напитавшихся за день солнечными лучами) и крылатые (тем больше всего нравилось сидеть на вершине), а потом стали приходить и лохматые (этим, напротив, было веселее не наверху, а у подножия, в дырах среди камней). Со многими из этих существ было увлекательно беседовать: кто-то приносил мне новости, с кем-то мы философствовали об устройстве мира.

Они поселялись рядом со мной на всю жизнь, но таким стотысячелетним, как я, всегда кажется, что соседи сменяются с калейдоскопической быстротой. Мне не успели ещё наскучить крылатые

и лохматые, как пришлось привыкать к копытным и когтистым. К тому времени у моей липаритовой товарки отвалился рог и изменилось выражение лица, а благоухающий нагретыми на солнце травами простор сменился скрюченными стволиками мелколесья.

Новые жильцы и гости были для меня постоянным развлечением. В те редкие периоды, когда их не было, меня развлекал ропот реки далеко внизу, на колючем щебёночном ложе, бег облаков по небесам. В каждом новом тысячелетии облака были не похожи на предыдущие: у них различалось то, что мои самые недавние собеседники, очевидно, назвали бы «художественным стилем».

Собственное тело порой тоже доставляло хлопоты. Иной раз каменная кора рассядется под напором неугомонных древесных корней, по краю склона пройдёт трещина и утёс рухнет вниз, осыпая в пропасть камешки, песок и мхи. Иной раз ветер исхлещет скалу так, что останутся только тёмные каменные жилы.

Я уже гораздо реже общалась с товарками по ту сторону долины: у них тоже прибавилось забот, к тому же воздух над долиной сделался мало подходящим для переклички гор.

Порой мои соседи сменялись с такой быстротой, словно были не соседи и даже не гости, а просто случайные попутчики. Впрочем, и таким всегда находилось место на моих склонах. Я ни разу не нарушила вольно или невольно законов гостеприимства.

Не могу сказать, когда именно в этой веренице соседей и гостей появились люди. Сначала они, подобно лохматым или когтистым, селились в пещерах у подножия (иногда ссорясь за них с лохматыми), играли с камнями. Не успевала я оглянуться — а они уже и не играли, а складывали из них стены, вновь срывали их, гоняли по моим склонам своих ручных копытных, рубили лес, сажали лес, поджигали лес и часто (по ощущению тех, кто привык вести счёт на миллионы лет — чуть ли не ежесекундно) устраивали переполох. Мне они давали имена, но я не успевала их толком выучить, потому что пришедшие им на смену люди давали мне уже новые имена. Иные пытались заговорить со мной: воздвигали жертвенники, зажигали огонь, пели, — но стоило мне ответить на их неумелые попытки начать беседу, как они в ужасе разбегались и больше не изъявляли желания вступать в какие-либо разговоры.

Порой люди копошились в расщелинах и пещерах: что-то копали, откалывали, углубляли... Это копошение доставляло мне не больше неудобств, чем слабое щекотание. Но однажды в недрах что-то громко хлопнуло и надорвалось, запахло дымом... С тех пор они продолжали калечить мои склоны. Они прогрызли в камне дороги, возвели постройки (сначала широкие грязно-белые, а потом узкие высокие — из глянцевого стекла), — и постройки заслонили от меня товарок по ту сторону долины. Да и самой долины мне уже стало не видно: везде постройки и постройки, а валуны, веками лежавшие на склонах, разбиты и увезены. Вечерами небес не различить за тускло-медными огнями, а птиц не слышно из-за гвалта и грохота.

Кто спрашивал меня, не скучно ли мне? О какой скуке идёт речь, если вокруг одни напасти? Я притерпелась к боли и не узнаЮ собственного тела.

Уже никто не делает попыток — пусть наивных! — заговорить со мной, и никто не боится меня. Ко мне не обращаются по имени.

И сама я отвыкла от частых разговоров с кем бы то ни было.

Да, я привыкла, что иногда (и теперь всё чаще) мне причиняют боль — такую, от которой разрываются недра и внутри остаётся тянущая пустота. Но то, что произошло недавно, перешло все границы. Они установили на склоне огромный бур и принялись сверлить. Я догадалась: они поставили его с таким расчётом, чтоб беспощадное сверло вонзилось мне в сердце, и больше некому стало бы наблюдать облака, привечать существ, помнить давний хоровод среди золотых лент лавы. Но те, кто так поступил бы, даже и не поняли бы, чтО натворили: для них всё равно, даёт ли им приют живая гора, или они размещают свои постройки на мёртвой куче щебня...

И если обо всём этом не скажу им я, они так и не поймут! Пришло время наконец заговорить!

И вот, я встряхиваюсь — величаво, как эоны и тысячелетия назад, — и подаю голос...

19 июля 2023. Ísland, Borgafirði, Grenjadal. Við Langá

Алексей ГОНДАРЕВ
Иллюстрации: Роман МИЗЮЛИН

Сватовство Фрейра[1]

Фрейя смотрела сквозь бокал из горного хрусталя на заходящее в спокойное море солнце и гладила сидящую на коленях лесную кошку. Вторая лежала у ног и делала вид, что спала. В бокале искрилось белое терпкое вино, согревающее каждым глотком.[1]

— Отец, где ты взял такое чудо?

Ньёрд задумчиво отвел взгляд от развешенных по стенам карт морских течений и далёких берегов, провел рукой по платиновым волосам и, словно очнувшись от своих мыслей, посмотрел на дочь.

— Альвы-купцы привезли откуда-то с юго-востока Мидгарда. Поднесли несколько бочонков в дар за удачу в долгом пути. Там люди с тёмной кожей выращивают на склонах гор ягоды, зовут их — виноград и, сбраживая, готовят из них вино и меняют на наш янтарь и воск и меха из Гардарики.

Ноатун, чертог Ньёрда, словно парил в облаках над морем. Вытесанные из светлого ясеня стены пропитались солью и ветром сквозь распахнутые настежь высокие окна. Шум прибоя и крики чаек доносились с моря. В чертоге витал запах солёных волн, заморских пряностей, смолы.

Рядом с его резным троном из китовых усов и раковин-жемчужниц в креслах сидели его дети — близнецы Фрейр и Фрейя. Ньёрд взмахнул рукой, отпуская слуг. На его запястьях зазвенели золотые браслеты с вкрапленными в них янтарными искрами, а шум за окном сам собой стих, приглушённый. Налил себе вина из кувшина. Пришло время выслушать то, о чем хотел поведать Фрейр, собравший их вместе.

— Я приехал недавно в Асгард. Распряг Гуллинбурсти, приказал слугам отвести его в стойло, почистить и накормить, а сам поднялся в Гладсхейм. Я хотел встретиться с Одином, но его не было — отправился в свои вечные странствия. Фригг тепло меня приняла, приказала принести мёда и хлеба, мяса и сыра, а сама покинула покои, сославшись на дела.

1 *Глава из книги «Старые сказки» https://gondarevaa-nkgbs.wordpress.com/wp-content/uploads/2026/03/d0a1d182d0b0d180d-18bd0b5-d181d0bad0b0d0b7d0bad0b8.pdf*

Мне было скучно там одному — со слугами говорить мне было не с руки, и я, дожидаясь возвращения Фригг, решил проверить — вправду ли говорят, что с престола Хлидскьяльв Один видит всё, что происходит во всех девяти Мирах. Я сел на трон, и то, что мне открылось, не даёт мне покоя.

Да, я видел все миры: как дверги роют свои шахты в Свартальвхейме, как в Ванахейме ты, сестрица, творишь свою магию, и как светлые альвы танцуют свои танцы в Альвхейме. От этих картин было не оторваться — настолько ярко и четко, несмотря на расстояния, отделяющие нас, всё это видно. Казалось — протяни руку, и ты коснёшься волос собирающей на лугу цветы девы в Мидгарде. Сделай шаг — и окажешься на палубе идущего сквозь бурю драккара. Я даже вкус солёных брызг волн чувствовал на губах.

Но, когда я обратил свой взор в Йотунхейм, я увидел то, от чего которую ночь не могу уснуть.

Фрейр помолчал, словно раздумывая, как точнее сказать о том, что так его поразило.

— У моря, среди каменных, покрытых вечными снегами утёсов, я увидел жилище йотуна Химира, мрачное обиталище великанов. А неподалёку от него, в долине, среди отвесных скал и одетых в шапки снегов горных вершин течет, звеня о камни, горная река с хрустальной водой.

— И там, в той долине, есть чудесный сад, — голос Фрейра стал тише, и в нём звучала нежность. — Там растут деревья с серебряной корой и листьями, сверкающими от росы, как утренний иней. Там дева танцевала под музыку, что слышалась только ей.

Он замолчал, словно боялся, что слова разрушат образ.

— Её волосы цвета спелого ячменя развевались на ветру, и свет падал на них так, что казалось — они горят мягким золотом. Кожа — белее свежевыпавшего снега, а глаза,. — он закрыл глаза, будто снова видел их, — глаза были глубже зимнего неба и сияли так, будто в них отражалось сияние зимней радуги неба Йотунхейма. Я не мог отвести взгляд от неё, время застыло для меня вечностью, и если бы не вошла Фригг и не разрушила эти чары, я и поныне сидел бы, любуясь танцующей сказкой.

Фрейя отставила недопитый бокал, чуть склонила голову, поглаживая кошку на коленях.

— Ты полюбил, брат, — в её голосе помимо нежности слышалась печаль.

— Да, Фрейя, я полюбил, — с печальной улыбкой откликнулся Фрейр. — С того мгновения я не могу думать ни о чём другом. Я не знаю её имени, но сердце моё уже принадлежит ей, и я готов отдать все сокровища мира за то, чтобы быть с ней.

Фрейр замолчал, и в зале на миг стало слышно только тихое кошачье мурлыканье. Ньёрд медленно поставил кубок на стол, переплёл пальцы и посмотрел на сына долгим внимательным взглядом.

— Я рад за тебя, сын. Не всем удаётся встретить ту, что пройдёт с тобой до конца твоих дней, — сказал он негромко. — Мне самому не досталась супруга, которая была бы моей в полной мере. Скади — дочь гор, и в горах её сердце. Не приняла она моих морских просторов, и мы вынуждены, несмотря на супружество, жить на два дома — я приезжаю к ней и любуюсь величием гор, но не могу жить вдали от моря. А она не может без запаха весенних горных трав на заре, когда роса блестит на лепестках диких цветов. Мы любим друг друга, но разрываемся на части от невозможности всегда быть вместе.

Он шагнул к окну и полной грудью вдохнул влетевший в окно морской бриз. Оглянулся на Фрейра.

— Ты можешь попасть в то же положение, сын.

Фрейр печально кивнул, соглашаясь, но ответил твёрдо:

— Я понимаю это, отец. Но я приму и это условие, если в том возникнет нужда.

Фрейя кивнула с улыбкой брату и украдкой вытерла уголок глаза. Должно быть, морским ветром надуло соринку.

* * *

После того как отгремела война богов и враждующие обменялись заложниками, Фрейр недолго жил в Асгарде. Даровали ему асы во владение Альвхейм — мир светлых альвов, существ загадочных и владеющих магией сейда, схожей с той, что творили ваны. Альвы древнее людей. Их создали боги до того, как нашли на берегу моря ясень и иву, но не говорят о том, как это сделали. Никого не осталось, кто мог бы о том поведать, кроме Одина, но он молчит о тех днях.

Сказывают, что альвы встали из плодородной земли, политой росой и освященной светом звёзд, и под дуновением ветра сделали свои первые шаги. Не было тогда еще ни солнца, ни луны, лишь звёзды светили с небес, и звёзды — первое, что они увидели. И оттого свет этих звёзд и поныне в их глазах. Ликом прекраснее солнца, как говорят люди, стал их народ.

Альвхейм прекрасен. Парит он над миром в сиянии облаков под лучами заката, и вечное лето царит там. Не солнцем он освещен, но собственным золотым светом той земли и её обитателей. Бесконечны его зеленые луга, светлые леса и цветущие рощи. Ручьи, что текут там, поют свои песни, а если, устав, лечь в тени дубрав, можно услышать мудрость деревьев, что растут в Альвхейме с начала времён.

Не любят альвы, когда смертные тревожат их покой, хотя и выходят в Мидгард из холмов. И знают люди, что через те холмы можно попасть в Альвхейм, и уходили туда люди. Были те, кто рассказывал о том, как побывал на пиру у владыки того мира, но никто не возвращался в мир людей прежним. Время течет там по-своему, и узнавший путь возвращался в свой дом, порой, когда уже его правнуки рассказывали сказки своим внукам.

К тем холмам несут люди дары весной, вопрошая об обильном урожае, и осенью, благодаря за дарованное. Но не всем это дозволено, а лишь тем, кто осмелится взять на себя это, и тем, кто умеет говорить от имени людей.

В Альвхейм ускакал Фрейр на своём вепре Гуллинбурсти. Не было ему нужды править свободным народом, и не слуги ему они были — друзья и вассалы, что встанут по его зову так же, как и он по их кличу. Для сватовства к Деве, увиденной им с престола Одина, он намерен был послать одного из них — Скирнира, сияющего, умудрённого в речах и магии альва, что жил неподалеку от покоев Фрейра. Сам же Фрейр не решался ехать просить руки дочери Химира — боялся получить отказ.

— Великую ответственность хочешь ты возложить на меня, владыка, — Скирнир задумчиво смотрел на заходящее солнце. — Ведь если у меня не выйдет просватать красавицу, я не просто тебя подведу, я лишу тебя радости дальнейшей жизни. Да и путь в Йотунхейм мне неведом, я не был в тех тёмных краях.

— Я потому именно тебя об этом прошу. Никто не сможет развеять эту тьму, кроме тебя, сияющего светом Альвхейма. Что же касается пути, я дам тебе своего коня, чтоб мог ты проскакать дорогами тёмными, сумрачными, мимо призраков, что охраняют проходы в тот мир. Он способен проскакать через Химинбьёрг, покои Хеймдалля, и пройти по мосту Биврёст в иные миры. Скажи, что ещё нужно тебе, чтобы волю мою исполнить?

Скирнир задумался на миг.

— Меч свой мне отдай, что сам может сражаться и рубить племя великанов.

Недолго раздумывал Фрейр. Подошёл к стене над очагом и снял с гвоздя висящий на нём меч, вынул из ножен, посмотрел на пляшущие на клинке языки пламени. Вложил в ножны и протянул Скирниру:

— Возьми его. Не нужен он мне больше. Этим отказываюсь от воинства и насилия, не нужны они мне. Лишь зачатие новой жизни и её возделывание отныне на мне, а не убийство.

— Это великая жертва, Фрейр.

— Нет, Скирнир. Это лишь утверждение того, к чему я предназначен. Да, из пепла могут прорасти побеги, как вы, альвы, когда-то вышли из такого пепла. Но не я сожгу живое в тот пепел. Я посею под него семена.

Скирнир с поклоном принял меч.

* * *

Хоть и быстр был конь Фрейра, долго ехал Скирнир в Йотунхейм и не раз воспользовался подаренным ему мечом, прокладывая себе дорогу. Раз отбивался от тролля, напавшего на путника из-под моста. Вдругорядь попал в засаду к трем молодым йотунам, что вышли пошалить на большую дорогу. Когда же прибыл он с дарами Фрейра к жилищу Химира, не застал того дома. Встретившая его у ворот старая великанша сказала, что Химир ушел в море на добычу морского зверя, и пригласила гостя за стол. Даже в этих мрачных краях не забывали о законах гостеприимства.

Скирнир вознамерился ждать отца Герд столько, сколько потребуется, но тут дверь отворилась, и сквозь освященный солнечными лучами проём вошла дева, ради которой Скирнир проделал этот длинный путь. И он понял, отчего Фрейр потерял сон, настолько красива она была. Красива и холодна.

— Приветствую тебя, дева льдов, — поклонился Скирнир. — Мой друг и господин Фрейр послал меня к Химиру, отцу твоему, просить для Фрейра твоей руки. Но его нет сейчас, я буду ждать его возвращения.

— Не указ мне отец мой, — холодно, да так, что иней выступил от её слов, ответила Герд. — Лишь я сама распоряжаюсь своей жизнью и свободой. Не жди, говори мне, что хотел сказать ему.

— Фрейр из ванов, владыка Альвхейма, бог мира, изобилия и процветания. Тот, кто дарует богатый урожай посевам и тучные стада. Тот, кто делает мёд и эль хмельными, владыка пищи и радости, дарующий обильные пиры. Но и тот, кто хранит покой мёртвых в погребальных курганах. Хранитель от раздора, сын Ньёрда и брат Фрейи просит тебя стать его женой. С тем послал меня к тебе и передал богатые дары — одиннадцать золотых яблок, что даруют молодость, жизненную силу вкусившим их и кольцо Драупнир, из которого каждую девятую ночь капает восемь таких же золотых колец. Каков будет твой ответ, дева?

— Нет. Не люб он мне, твой господин, — Герд гордо вскинула подбородок и посмотрела сверху вниз на Скирнира. Холод и пренебрежение было в её взоре. — Ни к чему мне яблоки Идунн, мы и так живём почти вечно. И не купить меня золотом, его в достатке у отца моего.

— Но прекрасные поля Альвхейма... — начал было Скирнир, но Герд прервала его.

— Что мне твой Альвхейм? Море, о берег которого разбиваются волны, и горы с их хрустальным воздухом и дикими вершинами — вот мой дом. Поди прочь, альв, и передай своему господину мои слова.

С тем Герд повернулась, намереваясь покинуть дом.

Ошарашенный Скирнир в растерянности на миг задумался. Не мог он с тем вернуться. Тогда решил он выполнить если не всё поручение, то хотя бы часть его — раз не вышло сговорить Герд к свадьбе, то хотя бы обеспечить встречу её и Фрейра. А уж там пусть сам Ингви-Фрейр её уговаривает. А уж тот сможет. И раз не вышло по-хорошему, то...

Скирнир выпрямился во весь свой рост, отбросил полу плаща и обнажил меч, отданный ему Фрейром. На клинке вспыхнули языки пламени, и не отражением огня очага было то пламя. Направил Скирнир острие меча к горлу Герд:

— Не окончил я еще свои речи, женщина! Не смей уходить, иначе, клянусь Суртом огненным, снесу твою голову! Не должна ты отвечать отказом на призыв Фрейра. Если ты не станешь его женой, предрекаю тебе жизнь в одиночестве на краю мира, и лишь трехголовый Химгримнир-йотун будет тебе мужем. Безумие, отчаяние и слезы станут твоим уделом, и слезами теми станешь ты наполнять воды реки Гьёлль, что омывает царство Хель.

И с таким жаром он это произнёс, что опешила Герд. Кто знает, пустословил Скирнир-альв или впрямь видел это пророчество. Но гордость её была сильнее страха.

— Пусты твои угрозы, незваный гость, не страшны они мне. Покинь мой дом немедля, иначе Химир, отец мой, могучий воин, втопчет тебя в пол и зароет твои кости под очагом. И вечно им там гореть.

Понял Скирнир, что ни уговоры, ни угрозы не изменят решения Герд. Бросил он меч в ножны и, хлопнув дверью, вышел за порог. Но, дойдя до ворот, словно что-то вспомнив, обернулся к смотрящей ему вослед Герд. Пламя полыхнуло в его глазах, и зрачки, доселе зеленые, а теперь чёрные стали вертикальными, как у кошки. Подобрал он с земли ветвь, вынул из-за пояса нож и голосом, звучавшим как эхо в глубокой пещере, произнёс:

Турс Химгримнир, что у врат мертвецов обитает, тебя получит;
у древа мира на верхушке будешь привязана;
не увидишь ты мира людей, как козёл, что рогов лишён.
На тебе я вырежу три руны турса:

Похоть, безумие и беспокойство;
изглажу их снова, коли пожелаю, —
Владею я этим искусством.
...Да будут муки твои подобны колючему чертополоху...
...На пиру богов станешь ты посмешищем...
...Будешь ты вечно томиться, скитаться в тоске, и скорбь иссушит твои слёзы...
...Безумие, исступленье, нетерпенье да снедают тебя изнутри!

— Остановись! — вскричала Герд, подняв руки. — Не пусты твои угрозы, маг, вижу я это. Не накладывай на меня своё проклятие. Встречусь я с Фрейром, твоим господином, пусть ждет меня в роще Барри через девять ночей.

Медленно погасло пламя в глазах Скирнира. Он посмотрел на ветвь в своей руке так, как будто только её увидел, отбросил прочь. Поклонился Герд.

— Я передам твои слова Фрейру.

Отвязал коня, вскочил в седло, и только перестук удаляющихся копыт тревожил повисшую тишину.

Через девять дней и девять ночей Фрейр ждал деву в роще, назначенной ею к свиданию. Девять дней и девять ночей не ел Фрейр пищи и не пил ничего, даже воды, томясь ожиданием. Сейчас же стоял он под сенью листвы, и каждый шорох заставлял его сердце биться чаще.

Северным сиянием выступила Герд из-за деревьев. Она ждала увидеть блистательного вана, воина в сверкающих доспехах, а встретила одетого в простую льняную одежду и зябко кутавшегося в плащ человека. Нет. Золотое свечение было вокруг него. И когда её сияние горного хрусталя и его — золотых колосьев — слились, когда их пальцы соприкоснулись, растаял лёд на сердце Герд. Через это прикосновение без слов и клятв она услышала и почувствовала то, что на душе у её жениха.

Герд с удивлением и радостью поняла, что только коснувшись руки и заглянув ему в глаза, она решила для себя всё. И рассмеялась тому, какой она раньше была.

— Ты звал меня, господин? — произнесла она.

— Не господин я тебе, дева, — просто ответил Фрейр. — Прости моего друга за то, как он тебя принуждал к этой встрече. Не хотел он зла. И я не хочу тебе никакого зла.

— Пустое. Я была слишком горда, глупа. Покажи мне свой мир, Фрейр, я столько о нем слышала.

Взявшись за руки, они вошли под арку деревьев. Фрейр касался их рукой, и на ветвях распускались цветы, а трава под их ногами становилась мягче меха горностая из далёких лесов.

Скирнир с радостной улыбкой смотрел, как листва скрыла его друга с невестой. Впереди была долгая зима, а потом придёт весна. И эта весна принесет не только новые всходы.

— Мальчика назовут Фьёльнир, — произнёс он негромко о том, что увидел. — И будет он великим правителем.

Ладонь Скирнира лежала на навершии меча, которого больше никогда не коснётся рука Фрейра.

Лив и Ливтрасир ▲

Художник:
Алина ПЕТРОВА (СИГРИД) ©